

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

ЭКОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СИБИРИ

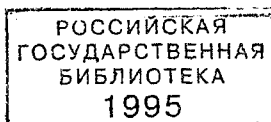
НАКАНУНЕ
XXI ВЕКА

Санкт-Петербург
„Наука”
1995

В сборнике рассматриваются этнические традиции сибирских народов в экологическом аспекте: социально-экономическое и культурное развитие, жилище, транспорт, одежда, хозяйство, народное искусство и педагогика. На материалах культурного наследия коренного населения Сибири авторы статей стремятся определить этнические показатели культуры, позволившие этим народам на протяжении многих веков обеспечивать оптимальные условия существования этноса. Традиции народов Сибири образуют неповторимый культурный комплекс, являющийся ныне уникальным наследием коренного населения, с которым они входят в XXI век.

Рецензенты: В. Б. КУРЫЛЕВ, В. А. КОЗЬМИН

2004127428

Э 0505000000-513
042(02)-95 63-94-II

ISBN 5-02-028198-0

- © К. Б. Серебровская, иллюстрации, 1995
- © В. Е. Балахнов, фотографии, 1995
- © Коллектив авторов, 1995
- © Российская Академия наук, 1995

Ч. М. Таксами

НАРОДЫ СИБИРИ В XX ВЕКЕ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Народы Сибири в своем историческом развитии создали самобытную культуру оленеводов, скотоводов, охотников, рыболовов и морских зверобоев. Возникла эта своеобразная цивилизация в суровых природно-климатических условиях. Исследователей интересует вопрос: каким образом народы Сибири сумели освоить огромную территорию и сохранить уникальную культуру, какую роль играет эта культура, в том числе в жизни современных сибирских народов? Все, кто знакомится с традиционной культурой коренных народов Сибири, с обостренным чувством тревоги пытаются представить себе будничность этой культуры и историческую судьбу ее носителей. Проблема эта волнует ученых ряда поколений и сегодня, как и много лет назад, остается актуальной. В какой-то степени ее можно раскрыть, изучая историческую обстановку, в которой проходила жизнь народов Сибири в XX в., а также этнокультурную ситуацию этого периода в Сибири.

Сибирь — огромная территория России, занимающая пространство между Уралом и Тихим океаном, площадь которой равна почти 2/3 Российской Федерации. Ко времени прихода русских и включения этой территории в состав русского государства в XVII в., здесь проживали коренные народы и ныне существующего этнического состава.

Современные сибирские народы являются сложными образованиями — двухкомпонентными, многослойными и, естественно, разновременными. Думаю, что многие исследователи правы, объясняя это явление как результат длительных миграционных процессов, как дивергентное развитие этнических образований и т. д. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на сложные этнические процессы, население Сибири в XVII в. в основном не только четко представляло свою принадлежность к тому или иному роду, но и осознавало близость к определенной группе племен, противопоставляя себя соседям с иным языком и культурой. Это позволило русской администрации в боль-

шинстве случаев правильно отличать сибирские народы друг от друга и называть их соответствующими этнонимами, сохранившимися и поныне.

В историко-культурном отношении народы Сибири разделяются на два региона: южный — область древнего скотоводства и земледелия и северный — область промыслового охотничье-рыболовецкого хозяйства и оленеводства.¹ К первому относятся многочисленные народы, проживающие в основном в Южной Сибири — буряты, якуты (саха), алтайцы (алтай-кижи), хакасы, тувинцы и др. Здесь уместно отметить, что, хотя территория расселения якутов простирается далеко на север, они сохраняют хозяйственный уклад, сформированный в тюркоязычной среде в Южной Сибири. Ко второму, северному региону относятся народы, выделенные как малочисленные народы Севера — саамы (лопари), ненцы (самоеды), ханты (остяки), манси (вогулы), селькупы (остяки-самоеды), кеты (енисейские остяки), нганасаны (тавгийцы), эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), долганы, нанайцы (гольды), негидальцы (негда), орочи, нивхи (гиляки), чукчи (лауроветланы), коряки (нымыланы), ительмены, эскимосы (юнты), алеуты (унанганы) и др.

В современной лингвистической классификации языки малых народов Севера входят в группу финно-угорских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков.

Тюркоязычными народами Сибири являются якуты, тувинцы, алтайцы, шорцы, хакасы и др. Буряты — монголоязычный народ. Ареал расселения малочисленных народов Сибири особенно велик. Необычайно широкое расселение тунгусоязычных народов представляет собой уникальное явление и вызывает огромный интерес, особенно к вопросу о путях их распространения по Сибири. Например, расселение эвенков с территории, примыкавшей к Байкалу с юга, начавшееся задолго до XVII в., практически завершено к началу XX в. В настоящее время эвенки проживают на территории от левобережья Енисея до южной части Охотского побережья на востоке, до западной тундры на севере между Енисеем и Леной и до районов Нижнего Амура и Сахалина и северной Бурятии на юге. Наиболее многочисленная группа эвенков живет в Эвенкийском автономном округе (3571 человек), в Республике Саха (12 000), в Иркутской области (1369 чел.). Эвенкийский народ (30 000) на огромной территории живет разрозненными группами, нередко в иноэтнической среде.² И, естественно, в таком дисперсном расселении эвенки вступают в этнокультурные контакты и находятся в процессе ассимиляции с другими народами. В этой ситуации многие эвенки контактных зон овладели языками соседних народов.

Сами эвенки и эвены считают себя единым народом — тунгусами. Эвены довольно рано проникли в северо-восточную часть Сибири, на Охотское побережье, на Чукотку и Камчатку. На этой приморской территории складывалась своеобразная культура приморских тунгусов, в хозяйственной деятельности которых большое место заня-

¹ Народы Сибири. М.; Л., 1956.

² Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969.

ло рыболовство и морская охота.³ И, разумеется, часть эвенов изменила свой уклад жизни и освоила культуру рыболовов благодаря длительным контактам с другим коренным населением (юкагирами, коряками и др.), у которого рыболовство играло большую роль в хозяйственной деятельности и в экономике. Эвены, как и эвенки, в наши дни также нередко живут в иноэтнической среде и владеют языками соседних народов, в частности якутским.

Проникновение тунгусоязычных народов в Приамурье происходило, видимо, в течение длительного периода. Об этом свидетельствуют многочисленные археолого-этнографические исследования. К приамурской, вернее, южной группе тунгусоязычных народов относятся нанайцы, ульчи, ороки, орочи, негидальцы, удэгейцы. Из этой группы народов ближе всего к эвенкам по языку и культуре стоят негидальцы и ороки. В составе других народов в значительной мере прослеживается оседлая аборигенная культура рыболовов.

В настоящее время в палеоазиатские языки включены три языковые семьи: чукотско-камчатская (чукотский, корякский и ительменский языки), эскимосско-алеутская (эскимосский, алеутский языки) и три генетически изолированные языки (кетский, нивхский и юкагирский). Палеоазиатская языковая группа не представляет собой генетического единства, но является остатком древнего населения Сибири, в том числе ее северо-востока. По-видимому, формирование современных северо-восточных палеоазиатов, Чукотки и Камчатки прежде всего, происходило на базе аборигенных элементов с участием выходцев из других регионов. Исследования последних лет показали, что этнографическая культура северо-восточных палеоазиатов имеет много общих черт в хозяйственной деятельности и транспорте, в орудиях морской охоты и рыболовства, а также в мировоззрении с культурой палеоазиатов, расселенных в более южных регионах Дальнего Востока. Мы видим здесь результат длительных этнокультурных контактов и этногенетических связей между народами, расселенными на Тихоокеанском побережье Севера.

В XVII в. существовало четкое представление о коряках как об особой этнической общности, состоящей из ряда групп со своими территориальными названиями. Коряки подразделялись на оседлых, занятых рыболовством, морских, занимавшихся зверобойным промыслом, и оленных.⁴ К XX в. коряки широко общались с юкагирами, чукчами, эвенками, ительменами и русскими.

Населяют Камчатку и ительмены, которые в XVII в. были расселены по всему полуострову.⁵ Но уже ко второй половине XIX в. число поселений ительменов значительно сократилось и они уже расселились только на западном побережье Камчатки. В прошлом ительмены имели этнокультурные контакты с коряками и айнами. С конца XIX в. этническое развитие ительменов пошло по пути сближения с русски-

³ Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1967.

⁴ Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л. 1973.

⁵ Старкова Н. К. Материальная культура ительменов. М., 1976.

ми старожилами Камчатки. Это обстоятельство привело к тому, что к XX в. большинство ительменов стали русскоязычными и в своей хозяйственной деятельности во многом уподобились русскому населению. А некоторые ительмены, особенно жители долины Камчатки и прилегающих к ней районов, даже слились с русскими старожилами.

Существует мнение, что когда-то эскимосы и алеуты составляли единый народ, условно названный эскоалеутами. В настоящее время на территории России проживает лишь немногим более тысячи сибирских эскимосов, а на Командорских о-вах — около 300 алеутов. Подавляющее большинство алеутов и эскимосов проживают на американском континенте. Первые алеуты поселились на Командорских о-вах лишь в первой четверти XIX в. с началом деятельности Русско-американской компании.⁶ Поселившись в новых местах, в сходных экологических условиях, на первых порах они сохраняли традиционные занятия — охоту на морских зверей, пушную охоту, охоту на дичь и собирательство. Но впоследствии алеуты подверглись сильному влиянию русских и стали терять свою культуру, свой уклад жизни. Происходил интенсивный процесс метисации в результате смешанных браков.

Азиатские (сибирские) эскимосы населяют восточное побережье Чукотского п-ова и о-ва Врангеля. Всего в России эскимосов около тысячи человек. Основная же часть эскимосов населяет северную Америку и Гренландию. Азиатские эскимосы до недавнего времени говорили на трех обособленных диалектах — чаплинском, науканском и сиренинском.⁷ Представители двух первых диалектов частично понимали друг друга, а сиренинские эскимосы вынуждены были говорить со своими соплеменниками из Чаплина и Наукана, используя чукотский язык. С одной стороны, это свидетельствует о том, что эскимосские группы в течение многих столетий развивались изолированно. В то же время на них оказывала сильное влияние чукотская культура, особенно язык. Азиатские эскимосы являются древними жителями арктического региона, освоили здесь в совершенстве зверобойный промысел — охоту на моржей, китов, тюленей. В начале XX в. они сохраняли свою культурную самобытность и специфику морских охотников.

К генетически изолированным палеоазиатским языкам относятся кетский, нивхский и юкагирский.

Юкагиры — древнейшие жители арктической зоны. Еще в XVII в. они занимали территорию Сибири — от нижнего течения р. Лены на западе до верхней и средней части бассейна р. Анадырь на востоке, от побережья Северного Ледовитого океана на севере до отрогов Верхоянского хребта на юге.⁸ Фольклорные материалы гласят, что юкагиров было столько, сколько звезд в ясную морозную ночь на небе. "Птицы же, пролетавшие над юкагирской землей, становились жел-

⁶ Ляпунова Р. Г. Алеуты: Очерки этнической истории. Л., 1987.

⁷ Меновицков Г. А. Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.

⁸ Гурвич И. С. (в соавт.). Юкагиры: Историко-этногр. очерк. Новосибирск. 1975.

тыми от дыма костров юкагиров". В своем историческом развитии юкагиры подвергались сильному влиянию как южных этнических групп, так и арктических народов Таймыра, Чукотки. Отмечено, что к юкагирам проникли элементы культуры народов Охотского побережья, чукчей, якутов, эвенов и др.

С XVII до конца XX в. произошли существенные изменения в жизни юкагиров, в характере их расселения. В результате миграционных и этнокультурных процессов в конце XIX в. юкагиры были разделены на ряд групп и уже жили в среде иноязычного населения. За этот период численность их сократилась с 4500—5000 до 1400—1500 человек. Но это не помешало им сохранить свою культуру. Основой их жизни была охота. Главным занятием оседлого населения — рыболовство. Оленей и собак широко использовали как транспортные средства. В настоящее время зафиксировано лишь две группы юкагиров. Одна живет на р. Колыме и ее притоках, а другая в тундре, в районе р. Алазеи. В конце XIX в. только две группы юкагиров — верхнеколымские и нижнеколымские — сохраняли свой родной язык. Остальные больше владели языками соседних народов. Многие стали якутоязычным и русскоязычным населением.

Енисейцы, енисейские остяки — так называли в литературе кетов сравнительно недавно, до 20-х гг. Согласно историческим данным, предки кетов переселились на Енисейский север из более южных территорий Сибири. В процессе продвижения и оседания предки нынешних кетов вступали в этнокультурные контакты с предками селькупов и хантов. Это обстоятельство оказало влияние на формирование традиционной кетской культуры, в которой прослеживаются черты как южных, так и северных народов.⁹ Так, в материальной и духовной культуре кетов обнаруживаются элементы культуры, близкие к культуре обских угров, селькупов, а также северных алтайцев, шорцев, таяжных хакасов и др. Сложность этнического формирования кетов подтверждают и языковые материалы, в частности наличие диалектов и говоров кетского языка, сближение кетского языка с языком селькупов. В XIX—начале XX в. на кетов уже оказывало сильное влияние русское население Сибири.

Нивхи являются потомками древнего населения Приамурья и Сахалина, занимавшего в прошлом обширную территорию Тихоокеанского севера. Развивались они в контакте с народами, расселенными по соседству на Охотском побережье, в Приамурье и Приморье. Археологические и палеоэтнографические материалы свидетельствуют о том, что в культуре нивхов наблюдается много параллелей с культурой многих народов Тихоокеанского севера и это свидетельствует об их древних этнокультурных связях. К началу XX в. нивхи тесно общались с нанайцами, эвенками, ульчами, ороками, негидальцами, айнами и др. В состав нивхских родов вошли представители соседних народов, в частности ульчей, негидальцев, ороков и др. С середины XIX в. нивхи уже стали контактировать с русскими.

Значительная часть нивхов хорошо владела нанайским, ульчским,

⁹ Алексеев Е. А. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967.

негидальским, японским и другими языками. Рыболовство было главным занятием нивхов. Важное место занимали морской зверобойный промысел и собаководство. Нивхи известны в литературе и как "рыбье-кожий народ", из-за того что они носили одежду из рыбьей кожи.¹⁰

Огромную часть Западной Сибири и европейскую часть России занимают народы, составляющие угро-самодийскую языковую группу: обско-угорские (хантыйский, мансийский) и самодийские языки (ненецкий, селькупский, нганасанский, энецкий). В понятие обские угры включаются два близкородственных народа — ханты и манси. Ханты живут по Оби, Иртышу и их притокам. Среди хантов выделяются три этнографические группы: северная, восточная и южная.¹¹ Манси же расселены главным образом по левым притокам Оби — Северной Сосьве, Когде и др. Основу современной культуры обско-угорских народов составляет культура древнего уральского и пришло-го южного скотоводческого населения. Серьезное влияние на культуру обских угров оказали самодийские племена, что продолжалось вплоть до XVII в. Южное происхождение предков обских угров никем из исследователей не оспаривается, остается только проблема места и времени формирования угорского населения.

В XIX в. продолжался процесс смешения различных групп хантов и манси. В этот же период южномансийские и южнохантыйские группы сближались с селькупами и русскими, что в значительной степени привело к утере специфики культуры обских угров.

Этнический состав самодийских народов — ненцев, энцев, нганасан и селькупов также сложен.¹² Большинство исследователей единодушны в том, что в их формировании приняли участие аборигены и южносибирские самодийские группы. Например, ненцы, сформировавшиеся как народ в междуречье Таза и Оби, а также в районе южного Ямала, в XIX в. находились в широких этнокультурных контактах с коми-ижемцами, саами, с северными хантами и манси, с селькупами и энцами. Это во многом способствовало распространению среди них общих элементов культуры оленеводов. Но эти контакты не помешали ненцам к началу XX в. сохранить основные элементы своей материальной и духовной культуры, оленеводство с применением пастушьей собаки, типы легковых и грузовых нарт, конструкцию чума, типы одежды и т. д.¹³

Близко к ненцам по своей этнической истории и культуре стоят энцы. Согласно исследованиям этнографов, в состав энцев вошли как аборигены, расселенные между Обской губой и водоразделом рек Таз и Пур и самодийскими группами из южных районов Сибири. В процессе этнокультурного развития значительная часть энцев вошла в состав ненцев. Энцы находились в контакте и с эвенками. Процесс

¹⁰ Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975.

¹¹ Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVII—XIX вв. М., 1983; Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. М., 1961.

¹² Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979.

¹³ Хомич Л. В. Ненцы. М.; Л., 1966.

формирования энцев продолжался в XIX и в начале XX в., что вело к изменению состава энцев за счет включения новых этнических групп. В культуре энцев много общего с культурой контактирующих с ними народов.¹⁴ В прошлом энцы, как и соседние с ними ненцы и нганасаны, были кочевыми тундровыми, лесотундровыми охотниками и в меньшей степени рыболовами.

Нганасаны являются аборигенами Таймыра. В их формировании приняли участие "осамоедившееся" палеоазиатское население Северной Азии и пришедшие с юга тунгусы. Образование современного нганасанского народа протекало в течение последних трех веков. Несмотря на сложное происхождение нганасан, антропологи выделяют их из среды арктических народов, как "изоляты" или "полуизоляты", "обособленная популяция" и т. д.¹⁵

В конце XIX в. было зафиксировано, что в составе нганасан выделялись две компактные группы — авамская (609 человек) и вадеевская (217 человек). Вплоть до XX в. они сохраняли такие виды хозяйственной деятельности, как оленеводство и охота на дикого оленя, многие элементы своей материальной и духовной культуры. У обеих групп нганасан был одинаковый уклад жизни, который сохранялся и в первой половине XX в.

Селькупы проживают на притоках северного Енисея, на р. Таз и в Томской области. Многие элементы селькупской культуры имеют общие черты с культурой самодийских народов, кетов, хантов и манси, а также некоторых южносибирских народов. Особенно большое сходство наблюдалось в культуре селькупов и хантов. В культуре небольшого по численности народа — селькупов было выявлено до пяти-шести этнических компонентов.

В XIX в. замечено сближение северных селькупов с кетами, ненцами, эвенками. Южные же селькупы продолжали контактировать с сибирскими татарами, русскими и др. Такое сложное взаимоотношение селькупов, естественно, наложило отпечаток на содержание их культуры.¹⁶

Основными традиционными занятиями селькупов были охота и рыболовство. У северных селькупов было развито транспортное оленеводство. У них были также ездовые собаки.

Самыми западными северянами являются саамы, издавна проживающие на Кольском п-ове. Современный саамский язык относится к финно-угорской семье языков, но имеет в ней особое положение. Предки кольских саамов еще в XVII в. занимали большую территорию, включая земли современной Карелии.¹⁷ Но уже в конце XIX—начале XX в. саамы населяли лишь небольшую часть Кольского п-ова. Кольские саа-

¹⁴ Долгих Б. О. Очерки этнической истории энцев и ненцев. М., 1970.

¹⁵ Попов А. А. Нганасаны: Социальное устройство и верования. Л., 1984; Афанасьева Г. Нганасаны: Материальная культура. М.; Л., 1948; Афанасьева Г. М. Нганасаны. М., 1976. Вып. 1, ч. 1, 2, 3.

¹⁶ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

¹⁷ Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX—начала XX в. М., 1971.

мы в течение длительного исторического периода находились в широких контактах с карелами, финнами, коми-ижемцами, ненцами, а в последние века с русскими. В 1926 г. на Колском п-ове саамы составляли лишь 0.3 % всего населения и уже жили чересполосно с другими народами, прежде всего с русскими.

Основные традиционные занятия саамов — рыболовство, оленеводство, пушная охота и морской зверобойный промысел. В оленеводстве саамов много сходства с оленеводством лесных ненцев, энцев, северных селькупов и других, и заключалось это в вольном выпасе оленей в летний период с применением дымокуров. В России в настоящее время живет лишь около 2000 саамов. В северных Скандинавских странах и в Финляндии саамов около 50 000 человек.

В Южной Сибири проживают более многочисленные народы — скотоводы, связанные с тюркским и монгольским культурным миром. Археологические находки и этнографические материалы говорят о том, что этническая история Южной Сибири имеет многовековую историю и сопровождается развитием высокой и многообразной культуры. В начале XX в. в Южной Сибири жили буряты, якуты, алтайцы, хакасы, тувинцы, шорцы, тофалары и др. В первой части XX в. во всей Сибири нерусское население насчитывало лишь около 800 000 человек, большую часть которых составляли народы Южной Сибири. Так, по данным 1926 г., якутов было 237 222, бурят 238 058, алтайцев 50 848, хакасов 45 800, тувинцев 62 000. Всего на тюркских языках говорило приблизительно 58 % всего коренного населения Сибири. Сюда относятся алтайцы, шорцы, якуты, сибирские татары, хакасы, тувинцы, тофалары и др. На монгольском говорило 27 %. ¹⁸ Территория Южной Сибири принадлежит к области древнего скотоводства и земледелия. В прошлом народы Южной Сибири входили в состав различных государственных политических временных объединений тюрков и монголов. В самом начале "советской эпохи" здесь были образованы две автономные республики — Бурят-Монгольская и Якутская и автономные области — Горно-Алтайская, Хакасская, Тувинская (в 1943 г.), ряд национальных округов и районов. Здесь уместно сказать, что в 1991 г. народы Южной Сибири обрели свою государственность и образовали республики: Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Республика Тува, Республика Хакасия, Республика Горный Алтай. Эти республики являются субъектами Российской Федерации.

Формирование современных народов Южной Сибири сопровождалось сложными этническими процессами, которые охватывали большой ареал Сибири и примыкающих к ней регионов. Археологические и этнографические исследования говорят о том, что они находились в постоянных хозяйственно-культурных связях с населением северных территорий, с древними цивилизациями Востока и Запада. ¹⁹

Кочевое скотоводческое хозяйство было основой деятельности на-

¹⁸ Народы Сибири. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 12.

родов Южной Сибири, и многие народы сохраняли вплоть до наших дней свою хозяйственную специфику. Земледелие имело вспомогательное значение. С XIX в. кочевое скотоводческое хозяйство у некоторых народов стало сменяться оседлым земледельческо-скотоводческим.

В XIX—начале XX в. в Сибири большинство населения уже было русским. Так, по переписи 1897 г. русских в Сибири было 4.7 млн человек и составляли они более 80 % всего ее населения. В 1926 г. в Сибири насчитывалось около 9 млн человек, и это увеличение произошло в основном за счет миграции русского населения. Я хочу сказать, что в начале XX в. народы Северной и Южной Сибири жили в тесном контакте с русским населением и к ним интенсивно проникала русская культура, особенно в сфере хозяйственной деятельности и материальной культуры.

Выше в общих чертах было показано, что народы Северной и Южной Сибири к началу XX в. прошли трудный путь развития и у каждого народа была своя сложная этническая история. Здесь происходило формирование своеобразных и разноплановых культур. Народы Сибири были связаны между собой как бы многочисленными живыми клетками, каждая из которых обогащала другую. Как единый организм они развивались, зрели и мужали. Каждый народ вносил свою лепту в освоение огромной территории и в создание здесь своеобразной цивилизации. Можно сказать, что сибирские народы коллективными усилиями создали культуру оленеводов, рыболовов, охотников, морских зверобоев, скотоводов и, может быть, только она рациональна в суровых природно-климатических условиях. К этому надо добавить: огромные просторы, на которых жили сибирские народы, позволяли человеку даже при низком уровне общественного развития раскрывать свои возможности, способности, знания и таланты. В накоплении того огромного культурного наследия, которым располагают сегодня народы Сибири, принимал участие каждый абориген. Будет справедливо отметить, что и природная среда, в которой он ежедневно находился, также способствовала раскрытию всех потенциальных возможностей человека. Мы хорошо знаем, что вплоть до начала XX в. народы Сибири сами определяли свою судьбу и решали свои проблемы. Но в XX в. исторический процесс их развития проходил в сложных социально-экономических и политических условиях. Ниже этот тезис будет раскрыт на материалах малочисленных народов Севера.

Советское государство с первых дней своего рождения сочло необходимым взять под особую опеку 26 малочисленных народов Севера. Это было вызвано в то время состоянием глубокой и всесторонней отсталости этих народов. Почти все они были сплошь неграмотными, сохраняли наиболее архаичные формы культуры и первобытно-родовых общественных отношений и т. д. К тому же колониальная политика России намного усугубила положение народов, предоставляя промышленникам безграничные права по вывозу природных богатств.

В конце XIX—начале XX в. северные народы страдали от эпидемий и болезней, в связи с чем им грозило вымирание. Материалы

Приполярной переписи населения 1926/27 г. подтвердили сложившуюся ситуацию. Вместе с тем эти данные позволили российскому государству сразу же после революции принять ряд мер по оказанию экономической помощи, по созданию органов самоуправления в форме родовых и туземных советов, национальных районов, по ликвидации неграмотности, подготовке первых специалистов в различных учебных заведениях, по улучшению уклада жизни. Особенно большую роль в реализации этих прогрессивных мер сыграли первые советские органы управления народами Севера, в том числе Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), образованный 20 июня 1924 г. При активном участии народов Севера за короткий исторический срок было сделано очень много для сознательного привлечения их к участию в решении своих жизненно важных проблем. В данной короткой статье трудно перечислить все основные мероприятия, которые были предприняты нашим государством в направлении развития экономики и культуры народов Севера. Но на одном вопросе я все же обязан остановиться. В 1932 г., 60 лет тому назад, впервые в истории российскими учеными в Ленинграде была создана письменность языков северных народов, были напечатаны первые буквари и учебники, оригинальная и переводная литература, стали выходить газеты. Письменность народов Севера сыграла огромную роль в ликвидации неграмотности ранее бесписьменных народов, в развитии культуры, в формировании национальной интеллигенции, в создании литературы на родных языках, в пробуждении общественного сознания. 30-е гг. были годами надежды. Люди воспрянули духом, потянулись к знаниям. В те годы люди всех возрастов специально собирались в клубах, избах-читальнях, в "красных чумах" читать вслух книги, газеты, журналы на родном языке.

К сожалению, в наше бурное и нелегкое время эта дата осталась незамеченной. Но специалисты, в том числе и этнографы-сибиреведы, которые помнят и по достоинству оценивают это событие, надеются, что история еще скажет об этом свое слово, что еще не раз вспомнят имена тех российских ученых, которые, совершая гражданский подвиг, создавали первые школы на Севере и работали там учителями. Впоследствии, став ведущими учеными, они в Ленинградском университете и в Институте народов Севера готовили кадры для районов Севера из среды коренных жителей. Благодаря их подвигу сегодня на Севере трудятся сотни специалистов с высшим и средним образованием.

В 1925 г. впервые в истории на рабфак Ленинградского университета приехали учиться 19 юношей и девушек из самых отдаленных районов Севера и Сибири. В довоенные годы северяне учились в Институте живых восточных языков, в Институте народов Севера. В послевоенное время было организовано северное отделение при восточном факультете ЛГУ, которое затем было реорганизовано в факультет народов Севера. Здесь уместно сказать, что за короткий срок (факультет был расформирован в 1953 г.) в стенах ЛГУ был подготовлен большой отряд высококвалифицированных специалистов-экономистов, экономгеографов, лингвистов, историков, этнографов. Имен-

но выпускники ЛГУ стали первыми дипломированными учеными, редакторами национальных газет, директорами школ, работниками краеведческих музеев, ведущими литераторами, работниками местных органов управления. В наше время специалистов из среды народов Севера готовят более чем в сорока различных по профилю вузах России. И подготовлено их несколько сот. Кроме того, только в автономных округах действовало около 500 школ, в том числе 109 восьми-летних и 229 средних. Таким образом, за 60-летие с момента создания письменности на языках народов Севера выросли поколения образованных людей со средним и высшим образованием.

В жизни северных народов в советский период проявлялись противоречивые тенденции. С одной стороны, народы Севера как бы находились под особой опекой советского государства. Об этом свидетельствуют многочисленные государственные акты, начиная с "Декларации прав народов России" 1917 г., создание специального Комитета Севера, а также ряд постановлений правительства СССР и РСФСР "О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера" с 1957 по 1991 гг. Последнее новое постановление было принято правительством РФ 1 июля 1992 г. Все постановления принимались с благими намерениями, с заботой о народах Севера, в стремлении способствовать развитию их экономики и культуры. Но народы Севера не были изолированы от общественно-политической жизни страны. Естественно, и их не обошли стороной жестокие репрессии 30-х гг., особенно 1937 г., во время которых погибли первые образованные люди. Не миновала народы Севера и Великая Отечественная война. Первыми ушли защищать Родину студенты Института народов Севера. Многие из них не вернулись. Погибли те, кто первым должен был прокладывать дорогу знаний своим народам. Вслед за ними ушли на фронт те, кто успел получить знания в первых национальных школах, окончить педагогические техникумы и Институт народов Севера. Многим из них также было не суждено дожить до победы, до мирных послевоенных дней. Об этих трагических обстоятельствах приходится писать здесь, так как они нанесли огромный невосполнимый урон народам Севера в их общественном развитии, в реализации собственного потенциала через образованных людей из своей среды. Особенно это стало ощущаться в послевоенное время, в период крупномасштабного освоения Севера. В этот период из-за отсутствия компетентных специалистов управление делами народов Севера полностью перешло в руки некоренного населения. Не секрет, что "пришлые" едут на Север кланами и благодаря протекционизму захватывают все ключевые позиции в органах управления, отодвигая на второй план представителей коренного населения. Именно поэтому на местах и на правительственном уровне еще недавно принимались решения, не отвечающие интересам коренных народов. Позитивные возможности этих народов в хозяйственной сфере, их творческий потенциал и нравственные ценности оказались не востребованными и даже рассматривались как не нужные обществу. В ряде случаев культурные традиции коренных северян подавлялись официальными органами.

В 1926 г. 26 малочисленных народов насчитывали всего около 170 000 человек, которые проживали на огромном пространстве Севера Сибири и было это обусловлено целесообразностью хозяйственной деятельности и рационального использования природных ресурсов. В те годы у народов Севера было зафиксировано 33 687 хозяйств, из них 51.5 % оседлых и 48.5 % кочевых. По размерам хозяйства на первом месте стояли оленеводческие и хозяйства морского зверобойного промысла (6.6 и 6.4 %). Рыболовные и охотничьи хозяйства по размеру почти не отличались друг от друга (5.4 %).²⁰ Традиционные отрасли хозяйства позволяли людям осваивать тундровые пространства, лесные массивы, рыболовные и морские угодья. При этом каждая группа при наличии большой территории могла широко маневрировать в расселении и зависимости от производственной необходимости. На первоначальном этапе коллективизации, когда во главе небольших национальных колхозов стояли сами представители северных народов, учитывались особенности оленеводства и промыслового хозяйства, а также связанный с ними уклад жизни. К сожалению, в послевоенное время глобальная политика объединения колхозов, создания повсеместно совхозной системы, укрупнение селений со всей своей мощью затронули и народы Севера. В результате практической реализации этой политики оказались заброшенными сотни древних селений, богатые промысловые угодья и олени пастбища. Особенно вредную роль сыграла политика перевода кочевых семей на оседлый образ жизни. Мы знаем, что существовала установка правительства СССР и РСФСР завершить в 1990 г. перевод на оседлый образ жизни всех кочевых семей народов Севера.²¹ Еще в начале 50-х гг. специалисты на основании имевшегося опыта писали, что "ликвидация распыленности и укрупнение селений, не всегда и не у всех народностей Севера дают положительные результаты".²² К сожалению, в 60—70-х гг. вопреки таким предупреждениям в северных районах повсеместно ускоренными темпами, чаще против воли людей, было реализовано на практике укрупнение сел. Это мероприятие нанесло непоправимый урон малочисленным народам в их нормальной жизнедеятельности. Переселенные на новые места люди были вынуждены жить в инонациональной непривычной среде вдали от промысловых мест и хозяйственной деятельности, поселяться в многоквартирных домах и не только менять уклад своей жизни, но и характер труда. В такой ситуации многие оленеводы, охотники и рыболовы стали терять вековые трудовые навыки своих народов и заниматься так называемым неквалифицированным трудом. Люди стали забывать свои родные места, отвыкать от природной среды. В 50—60-х гг. особенно был замечен сложный процесс, когда многие северяне стали отходить от своей

²⁰ Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926—1927 гг.). Л., 1932.

²¹ Материалы к серии "Народы и культура". Вып. 9: Национальная политика в России. Кн. 2: Законодательные акты. 1917—1922. М., 1992.

²² Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955.

культуры, но в то же время не сумели адаптироваться к новой социальной среде, особенно в промышленных центрах, городах и рабочих поселках и влились в ряды "разнорабочих". В указанный период происходил интенсивный процесс социальной дифференциации, и у некоторых народов до 50 % населения связало свою жизнь с промышленными предприятиями. Согласно данным Всесоюзной переписи 1979 г., только в автономных округах числилось: рабочих 67.3 %, колхозников 4.6, служащих 28.1 %, от 10 до 30 % являлись работниками неквалифицированного труда. Могу с уверенностью сказать, что крупномасштабное промышленное освоение Севера создало серьезные социальные проблемы, включая такие, как неполная занятость или безработица, бездомность, бродяжничество, пьянство. В 50—60-х гг. приобрело широкий размах "размывание" народов Севера, которое было связано с их переселением с родных мест в результате укрупнения населенных пунктов; политика индустриализации вынудила многих северян, особенно молодежь, переехать в индустриальные центры. Многие образованные люди из интеллигенции переселились в районные, окружные, областные и краевые центры. Надо сказать, что покинула родные места наиболее образованная и творчески одаренная часть населения.

Во многом это было связано и с тем, что в этот период практически отрицалась традиционная культура народов Севера, игнорировались оленеводство и промысловое хозяйство как основа их экономической деятельности. При этом официальными лицами и даже некоторыми учеными-социологами утверждалось, что это примитивные формы хозяйства, созданы они отсталыми обществами и сегодня их время прошло. Особый урон народам Севера нанесли необдуманное промышленное освоение, создание промышленного комплекса, ориентированного на максимальное извлечение природных ресурсов. Мы хорошо знаем, до чего довели природную среду многочисленные промышленные ведомства, которые под лозунгом выполнения важных государственных планов варварски вели разработку нефтяных и газовых месторождений, проводили сплошную вырубку лесных массивов. Были уничтожены сотни нерестовых рек и охотничьих угодий. На десятки миллионов гектаров сократились лучшие олени пастбища. С развитием промышленности на север хлынул поток людей со всех концов огромной страны, называвшейся Советским Союзом. Произошло резкое увеличение некоренного населения во всех автономных округах и северных районах. По данным переписи 1989 г., в автономных округах народы Севера составляли лишь от 1.6 % до 25.1 %. Так, например, в Ямало-Ненецком автономном округе некоренного населения было более 400 000 человек,²³ а хантов, селькупов и ненцев — только около 30 000; в Ханты-Мансийском автономном округе проживал 1 млн 282 тыс. человек, в том числе лишь 19 598 человек коренного населения; в Чукотском автономном округе некоренного населения числилось 168 934 человека, а чукчей и эскимосов — около 17 000; в Корякском — 39 940 человек, из них народов

²³ Народы Севера России. М., 1992. Ч. 3. С. 545.

Севера 10 029; в Эвенкийском — соответственно из 16 000 3 239 эвенков и 154 кета; в Таймырском — более 40 000 населения, из них 8 000 коренных жителей.²⁴ Согласно нашим данным, только за 10 лет за период 1980—1990 гг., население северных районов увеличилось за счет миграции на 1.4 млн человек. Резкое увеличение пришлого населения создало много социально-экономических проблем, которые коснулись и коренных жителей. Последние в полной мере ощутили на себе мощный прессинг сильных "временщиков". Не все приезжие обладают достаточным уровнем знаний и культуры, чтобы доброжелательно относиться к местному населению. Произошло и подавление одного образа жизни, мировоззрения, ценностных ориентаций другими. Причем все это делалось под лозунгом формирования нового социалистического образа жизни. И здесь нужно сказать, что, когда народ не осознает себя хозяином на своей земле, он теряет чувство собственного достоинства и потеря эта оказывается невосполнимой.

Несколько десятилетий в эпоху "строительства социализма" народы Севера не были хозяевами своей жизни и практически не могли проявлять инициативу при решении жизненно важных проблем. В этот период регламентировалась вся их деятельность от ведения хозяйства до воспитания детей.

В результате невостребованными оказались как накопленные веками знания коренных народов, так и творческие способности каждого человека Севера.

Народы Севера никогда не были безразличны к судьбам своей земли. Они всегда стремились к ее сохранению и переживали за нее. Как протест появилось расхожее выражение: "Мы последнее поколение таежников, тундра похожа на покрышку старого чума". Не раз поднимали они голос в защиту своих прав, своих интересов. Мне известно много фактов, когда представители народов Севера, а также ученые этнографы и лингвисты писали письма в ЦК КПСС, в Верховный Совет СССР, в советское правительство, в которых сообщали о неблагоприятной обстановке в районах проживания северных народов, приводили в них убедительные факты, свидетельствовавшие о том, что в национальных районах и автономных округах Севера не прислушиваются к мнению коренных народов, не выдвигают их представителей в партийные и советские органы, на руководство колхозами и совхозами. К сожалению, эта информация не изменила положения к лучшему. Но общественная активность народов Севера нарастала, как лавина, и в 80-х гг. люди уже коллективно и открыто защищали свои интересы. Так, коренное население выступило против строительства Туруханской ГЭС на Нижней Тунгуске, называя этот проект сатанинским, боролось против сооружения атомной электростанции в районе оз. Эворон и азотно-тукового комбината на берегу Амура и других гигантских проектов, против ядерных испытаний в Арктике и на Новой Земле, против уничтожения нерестовых рек, оленьих пастбищ и лесных массивов. Образовалось массовое дви-

²⁴ Народы Севера России. Ч. 3. С. 565, 615.

жение в защиту Ямала. Народы Севера выступают не против освоения Севера вообще и его богатств, а против уничтожения среды своего обитания.

На первом съезде малочисленных народов Севера (март 1990 г.) в докладе и в выступлениях в полном объеме обозначились сложные экологические, социально-экономические и культурно-языковые проблемы, сложившиеся в районах Севера. В то же время обмен мнениями позволил наметить пути выхода из кризисной ситуации. С тех пор прошло три года, но положение не изменилось, а для некоторых народов даже ухудшилось. Это связано с тем, что наша страна переживает очень сложный период. В немалой степени это связано также с превращением районов Севера и приравненных к ним территорий в зоны открытой предпринимательской деятельности. К имевшей место ранее хищнической эксплуатации природных богатств Севера, приведшей к экологической катастрофе, прибавилось то, что коренные народы стали подвергаться экономическому давлению со стороны промышленно-коммерческих структур. Происходит массовый вывоз природных богатств: сырья, рыбы, икры, меха, лекарственных трав, художественных произведений и произведений народных промыслов. Народы Севера практически лишаются жизнеспособной экономической базы.

Современные процессы требуют по-новому осмыслить проблему социально-экономического развития Севера России и его коренных народов. Сегодня главной задачей, на мой взгляд, является развитие социальной активности народов Севера, а не патернализм. Северным народам необходимо реально осмыслить положение и выработать механизм для решения жизненных проблем, реализуя свои потенциальные ресурсы. А политика по отношению к народам должна быть ориентирована на реализацию их прав, а не на предоставление льгот. Политические, экономические и культурные проблемы должны решаться в соответствии с их правами. На практике эти права должны позволить нашим северным народам реализовать свой творческий потенциал, их многовековой производственный опыт, трудовые навыки, народные знания, культурные традиции, позволить человеку Севера чувствовать себя на своей земле комфортно.

Народам Севера за последние два века уже не раз предрекали вымирание. Об этом много писали в конце XIX и в начале XX в. А 20 февраля 1993 г. в газете "Федерация" эксперты международной Лиги малочисленных народов и этнических групп обнародовали свои выводы: многие народы Российской Федерации, прежде всего малочисленные народы Севера, к 2000 г. прекратят свое существование. Печальный и настораживающий диагноз. В бурном XX в., как показано выше, коренным народам Севера действительно живется нелегко. Теоретическое положение о некапиталистическом пути развития малых народов дало повод для проведения практических экспериментов, которые нанесли много вреда. В наши дни, как мы убеждаемся, многие крайние высказывания и нагнетание обстановки вокруг народов Севера создают атмосферу безысходности, выставя их беззащитными, униженными и не способными решать свои проблемы. Ду-

маю, что подобные действия ни в коей мере не способствуют решению проблем этих народов. В своей многовековой истории северные народы испытали много трудностей, включая экстремальные и критические ситуации, но каждый раз, преодолевая их, они выжили и продолжали свой жизненный путь, осваивая огромные просторы тайги и тундры, арктическую зону, огромные морские и речные пространства. Выживали они только благодаря раскрытию своих потенциальных возможностей с учетом своего исторического опыта.

XX век — сложный период в истории народов Севера, которые испытали на себе, как уже говорилось, все "прелести" ускоренных социальных преобразований и некапиталистического пути развития. Были, естественно, и достижения в области просвещения и потери в культурном наследии. Важно объективно оценить как положительные, так и отрицательные последствия. С учетом этих реалий народы Севера сами должны выработать концепцию своего социального и культурного развития. При этом необходимо обратиться к истории, к тому ценному, что было накоплено в течение предыдущих поколений, к народному опыту, к народным знаниям. Практика показывает, что современное хозяйствование и культура народов Севера способны плодотворно развиваться лишь на основе того лучшего, что прошло испытание временем. Всякие попытки обойти это обстоятельство ни к чему хорошему не приводят. Сегодня должны быть созданы условия для сохранения и развития тех форм культуры, которые сами народы считают необходимыми. Здесь, на мой взгляд, на первое место выдвигается то культурное наследие северных народов, которое было накоплено ими за всю их историю и которое так ценится ныне как основа современных национальных культур.

Народы Севера, несмотря на свою малочисленность, были мобильными в своем развитии и сумели освоить огромные пространства, накопить богатейшие знания о ресурсах местной природы, о ее животном и растительном мире. Можно сказать, что они сконцентрировали разнообразные, глубокие познания об окружающей среде, выверенные на протяжении многих веков. Благодаря этому у них возникли и существуют уникальные виды хозяйства, единственные в своем роде, такие как оленеводство и морской промысел, появились необходимые для своего времени и назначения орудия труда и средства передвижения. Полагаю, что все исследователи единодушны в том, что народы Севера коллективными усилиями создали своеобразную и сложную культуру оленеводов, охотников, рыболовов и морских зверобоев, которая была возможна и, может быть, единственно рациональна в данных природно-климатических условиях. Эти виды хозяйственной деятельности остаются основой экономической жизни коренных народов, несмотря на внедрение новых современных занятий. Северные народы продолжают сохранять веками накопленные трудовые навыки, знания об окружающем их мире и многие нормы общественной жизни, выработанные в своей этнической среде. Здесь уместно сказать, что в северных районах сегодня насчитывается около 2 млн оленей, добывается до 65 300 ц морского зверя, до 178 900 ц рыбы, заготавливаются меха на многие миллиарды рублей.

Традиционные элементы культуры продолжают играть важную роль в сохранении малочисленных этносов. Думаю, что в этом огромная заслуга самих народов Севера, сумевших в сложных условиях сохранить то культурное наследие, которое составляет основу их национального достояния. Сегодня мы высоко ценим этнические традиции малочисленных народов, восхищаемся ими и стоим на позиции не только сохранения, но и возрождения всего того, что было создано, но затем утеряно в результате "социалистических преобразований".

Испокон веков коренные народы Севера, занимаясь оленеводством и промыслами, расселялись непосредственно вблизи мест своей хозяйственной деятельности, что позволяло им наиболее рационально использовать оленьи пастбища, рыболовные, морские зверобойные и охотничьи угодья, соблюдая природное равновесие с учетом сохранения экологических условий. Населенные пункты с соответствующими жилыми и хозяйственными постройками располагались так, чтобы можно было в любой сезон года трудиться поблизости. Мы знаем, что на Севере тысячи мелких селений как человеческий организм были связаны между собой и функционировали многие века. К сожалению, как уже отмечалось, сложившийся веками уклад жизни народов Севера был в значительной степени разрушен сначала коллективизацией, а затем компанией по укрупнению колхозов и совхозов, а также созданием центральных усадеб, в результате чего мы потеряли сотни этих селений. С 1992 г. начался активный процесс возрождения заброшенных селений и создание в них семейно-общинных хозяйств. Нередко теперь возвращаются в свои родные места жители из окружных и областных центров, а также больших городов. С моей точки зрения, этот прогрессивный процесс имеет будущее, но нуждается в государственной и общественной поддержке, и прежде всего самих народов.

У народов Севера еще до недавнего времени бытовало до 24 типов жилых и хозяйственных строений. Некоторые жилища, такие как чум и яранга, а также временные промысловые строения успешно продолжают служить человеку. К сожалению, многие народы вообще забыли свои архитектурные строения. Можно предположить, что с возрождением малых селений люди начнут возрождать и национальную архитектуру, в том числе летние свайные строения, а также строить новые дома со всеми удобствами с учетом природно-климатических условий.

Народам Севера принадлежит заслуга в изобретении таких оригинальных транспортных средств, как оленьи и собачьи упряжки, различные по конструкции лодки. Олений транспорт сохраняется по всему Северу и играет большую роль в хозяйственной деятельности оленеводов, а также охотников, осваивающих большие охотничьи угодья. В наши дни наблюдается резкое сокращение по всему Северу собачьих упряжек как транспортного средства, хотя сохраняется их практическое значение. Конечно, с одной стороны, это можно объяснить распространением современных технических средств. Но в основном это все же произошло из-за необоснованной политики, за-

прещающей содержать собак как отсталый вид хозяйства. На Нижнем Амуре и на Сахалине еще в 50-х гг., когда было мало технических средств передвижения, чиновники объяснили свой запрет тем, что собаки съедают много рыбы и нерпичьего мяса и сала, из-за чего рыбы становится меньше. В наше время, разумеется, нельзя преувеличивать значение традиционных средств передвижения, но вместе с тем нельзя и недооценивать их в условиях Севера. Олени и собачьи упряжки остаются весьма полезным транспортным средством и противоестествен их запрет. Самим северным народам принадлежит право решать эту проблему.

Великим изобретением северных народов являются различные типы лодок, начиная от корьевого челнока-оморочки до килевой морской лодки. В летнее время они служили единственным средством передвижения по рекам, озерам и морскому побережью. В связи с внедрением современных транспортных средств традиционных лодок на Севере становится все меньше. Некоторые народы уже совсем забыли о своих водных средствах передвижения, например, нивхи, ороки, негидальцы, кеты, коряки, ительмены и др. Мы, конечно, не можем преувеличивать значение старинных средств передвижения, но сохранить их обязаны. Прежде всего, надо сохранить технику их изготовления и народный опыт, секрет заготовки материала для лодок и т. д. Думаю, что использование традиционных средств передвижения во многом способствует сохранению экологически чистой среды. Их можно широко использовать как спортивные средства и в туристических целях.

Национальная специфика северных народов ярко проявляется в одежде, сшитой из меха, замши, шкур, различных кож. Она привлекает своей оригинальностью и украшениями, а также практичностью. Особое восхищение вызывает производственная одежда, позволяющая человеку чувствовать себя комфортно в разных природно-климатических поясах, прежде всего в суровый зимний период. Известно, что верхняя меховая одежда, как и меховая обувь, имеет устойчивый покррой. В наши дни меховая одежда больше сохранилась у оленеводов и населения, занятого охотничьим промыслом. У некоторых народов уцелели лишь отдельные элементы, такие как обувь, рукавицы, шапки, головной убор и т. д.

Современная покупная одежда во многом вытеснила традиционную. Этот процесс еще до недавнего времени укреплял внедрившееся общественное мнение, что национальная одежда символизирует отсталость, и дети, особенно школьники и молодежь, стеснялись ее носить. Эта "социалистическая идеология" не прошла бесследно. Но тем не менее демократические преобразования в стране создают условия, в которых человек вправе относиться к своей культуре с уважением, в том числе и к своей традиционной одежде. Это обстоятельство позволяет возрождать конструкцию одежды, шить и носить ее. Сейчас во многих районах Севера уже появились пошивочные мастерские по изготовлению одежды по традиционной конструкции народов Севера. Большим спросом пользуются меховая обувь из оленьей шкуры, меховые рукавицы и шапки, даже у некоренного населения.

Традиционные блюда из мяса и рыбы, естественно, в большей степени сохраняются у населения, занятого оленеводством и промыслами. Многие способы потребления мяса и рыбы в сыромороженном виде под названием строганины продолжают бытовать у местных жителей и широко распространены у некоренного населения. Для многих северян национальные блюда стали праздничной едой. Здесь уместно сказать, что до сих пор народы Севера соблюдают традицию обязательно делиться продуктами оленеводства и промыслов с родственными семьями, с соплеменниками. Эта традиция во многом способствует сохранению обычая коллективной взаимопомощи и внимательного отношения к человеку.

Человек Севера, на протяжении многих веков постоянно общаясь с природой, видел ее красоту, ее величие. Талантливые мастера переносили в свое искусство сюжеты из мира природы, ее флору и фауну. При этом пользовались красками тех цветов, которые видели в природе. Многие мастера и сегодня продолжают вышивать сухожильными шейными волосами оленя, а также разноцветными нитками сложные рисунки, в том числе красочные ковры. Мы знаем, что только в пределах Приамурья и Сахалина было зафиксировано около 40 разновидностей швов. Была развита мозаика из меха. Сегодня многие мастерицы продолжают традицию своих предков и создают ковры, на которых изображают как отдельные фигуры, так и целые сюжеты и композиции.

У народов Чукотки продолжает развиваться гравировка по кости. На костяных предметах изображали конкретную природную среду, растительный и животный мир, с которым знаком художник. Часто художники в своем искусстве использовали фольклорные сюжеты. Обычно это являлось графическим рассказом, в котором последовательно воспроизводились различные моменты того или иного события. Я видел на Чукотке в Уэленской косторезной мастерской, как работают профессиональные мастера и их ученики. Здесь чукчи и эскимосы создают оригинальные произведения из кости моржей. Знакомая с этим искусством, мы поражаемся его реалистичности, умению резчика передать наиболее характерные черты изображаемых им объектов. На протяжении многих тысячелетий в самых отдаленных уголках Севера творили древние художники. Уникальные произведения народного искусства свидетельствуют о незаурядности творческого потенциала северян, их таланта. В XX в. традиция искусства народов Севера сохраняется, но в разной степени проявляется в каждой этнической среде. Думаю, что дальнейшая судьба этого оригинального и своеобразного искусства будет зависеть от степени сохранения оленеводства и традиционных промыслов, от возрождения многочисленных национальных селений.

Духовным богатством народов Севера является их фольклор. Создание письменности на языках северных народов позволило зафиксировать фольклорные произведения на родном языке информаторов. Многочисленные жанры фольклора донесли до нас героические сказания и песни, бытовые сказки, обрядовую поэзию, лирические и шаманские песни, волшебные сказки, сказки о животных, космогони-

ческие мифы как многовековые традиции устного творчества коренных северных народов. В них накоплена огромная масса знаний народа о своей истории. Вместе с тем различные жанры фольклора содержат богатейший материал о мировоззрении народа, его духовной культуре, об этнической психологии и морально-этических нормах.

В последние годы мне довелось серьезно ознакомиться с фольклором народов Севера с целью выявления материалов по народной педагогике. Я открыл в них целый мир народных знаний, этических норм, отношение человека к окружающей природной среде, животному и растительному миру. В фольклорных произведениях герои добиваются мира между племенами. "А копье юноши до сих пор лежит в семье. Если кто с чужой земли придет против мирных людей, тогда оно пригодится", — так заканчивается чукотская сказка, призывающая всех людей жить в мире.

В эскимосской сказке добрый охотник возвращает птичкам-пуночкам песню, которую силой вырвала у них злая ворона. Охотник меткой стрелой выбил из кончика языка вороны песню птенцов-пуночек, когда та вздумала ее запеть. С тех пор пуночки звонко поют свою песню людям, а ворона осталась безголосой. Охотник заступился за слабых и наказал злой поступок.

Есть фольклорные тексты, рассказывающие о самопожертвовании человека ради спасения людей. Так, в сказке, встречающейся у нивхов и ороков Сахалина, девушка из бедной семьи была вынуждена выйти замуж за морскую касатку, с тем чтобы спасти людей от голодной смерти.

В духовной культуре народов Севера важное место продолжает занимать традиционное мировоззрение, сохранившееся в некоторых обрядах и обычаях, почитание природной среды, животных, соблюдение культа предков. Согласно традиционным верованиям народов Севера, вся природная среда состояла из живых существ и жила так же, как человеческий мир. На сопках, в воде, огне, в утесах и т. д. жили их хозяева, и чтобы их задобрить, устраивались различные жертвоприношения. В последние десятилетия были разрушены многие культовые места и люди перестали почитать природу. Это в свою очередь повлекло за собой утерю прежней духовности и безразличие к экологической среде, в которой проходит жизнь человека Севера, и во многом позволило по-варварски относиться к природе, к животному и растительному миру. К сожалению, в таких варварских актах нередко участвовали и представители северных народов. В наши дни народы Севера уже осознанно выступают в защиту сохранения экологической среды на своей земле, начинают осознавать необходимость возвращения духовности, идеологии, которая бы уважала как природную среду, так и ее обитателей, прежде всего самого человека. Проблема эта сложная и связана с тем, что Север перенаселен и народы Севера уже живут в инонациональной среде. Пришлому некоренному населению незнакомы духовная культура народов Севера, основные ценности их идеологии. Но коренные жители должны последовательно реализовывать свои права на своей земле и добиваться, чтобы все уважали их традиции.

Историческая судьба коренных народов Сибири привлекает к себе пристальное внимание как общественности России, так и ученых мира. Это вызвано тем, что в настоящее время происходит бурное развитие и быстрое освоение огромных территорий Сибири. В этом процессе возникает опасность исчезновения малочисленных народов и их уникальных культур, создаваемых в течение длительного исторического периода. Сегодня решение этой сложной проблемы во многом зависит от самих народов. Можно сказать, что судьба народов Сибири в их руках и только от их разумных действий зависит их будущность. Задача же для всех, кто заинтересован в прогрессивном развитии коренных народов Севера, оказать им содействие в сохранении их культурного наследия.

Мы, ученые-сибиреведы конца XX в., должны следовать мудрым поступкам наших ученых коллег, трудившихся на поприще этнографической науки в 30—60-х гг. Наши старшие товарищи скрупулезно исследовали традиционную культуру народов Сибири, создали фундаментальные труды по этнографии, истории, языку и фольклору этих народов и тем самым внесли неоценимый вклад в сохранение малочисленных этносов с их оригинальной культурой. В наши дни это благородное дело продолжают люди более молодого поколения и им предстоит создать новые труды и опубликовать в них материалы по культурному наследию, которые обогатили бы современную культуру коренных народов Сибири. Это можно сделать, введя в научный оборот ранее неизвестные или слабоизученные этнографические источники. Наш долг помочь народам Сибири следовать этническим традициям на своей земле и в XXI в.

В. П. Дьяконова

ЖИЛИЩЕ НАРОДОВ СИБИРИ

Конструкция жилищ коренных народов Сибири типологически разделяется на каркасную и срубную. В этих пределах жилища могут быть постоянными, временными, наземными, полуподземными. Основу каркасных жилищ составляет остов, имеющий разнообразное устройство. Покрытием остова служили различные материалы: дерево, береста, кора, кожа, войлок и др. Этот тип жилищ очень древний и представлен в культурах большинства народов Сибири. Одним из самых технически совершенных видов каркасных жилищ является войлочная юрта, широко представленная в культурах скотоводов-кочевников Сибири. Каркас остова юрты состоит из складных решетчатых стенок, количество которых для отдельно взятого жилища варьирует от 5 до 10—12 штук (рис. 1). Для изготовления стенок обычно использовали тальниковые палки, скрепленные между собой сыромятными ремешками, продетыми на месте скрещивания в специальные отверстия. На одну решетку шло 24 или более палок из тальника. Естественные качества тальника достаточно высоки, особенно по удельному весу, прочности, гибкости. Качественно подобранные, обработанные палки служили не менее 20—25 лет, каркас из них был удобен для ремонта при повреждениях. Конструктивные особенности стенок, которые можно было растягивать и сдвигать, позволяли быстро и оперативно возводить жилище на новом месте, компактно транспортировать вьюком на лошадях, быках.

При установке решетки ставились по кругу и скреплялись между собой веревками, сплетенными из конского или сарлычьего волоса. Вербку из этих материалов отличала особая прочность, долговечность, эластичность, естественная защищенность от всех видов влажности.

Потолок, являвшийся одновременно крышей, имел форму усеченного конуса. Он состоял из длинных палок (длиной 2.5—3 м) в количестве не менее 95 штук, которые одним концом прикреплялись ременной вязкой к решетке, другим вставлялись в отверстия, выдол-

Рис. 1. Юрты на летней стоянке. Теленгиты. (Фото автора).

бленные по окружности обруча. Обруч — важная конструктивная деталь верхней, потолочной части жилища являлся также дымоходом и "окном" для освещения юрты.

Проем между двумя решетками закрывается двустворчатой или одностворчатой дверью. Над ней с наружной стороны от косяка для тепла прикреплялась вторая дверь, но из простеганного куска войлока. Дверь из войлока шкур домашних животных по времени предшествовала деревянной. Дверь, или вход, в юрту всегда имел определенную ориентировку, по тюркской традиции — на восток, монгольской — на юг.

Установка и транспортировка жилища не требовали большого количества людей и занимали немного времени (рис. 2). В течение одного-двух часов двое человек справлялись со всем циклом работ по установке юрты. Сначала ставили по кругу решетки и обвязывали их для устойчивости снаружи волосяными веревками. Затем обычно мужчина входил внутрь и поднимал на шесте дымовой круг, женщина вставляла в отверстие на нем верхние концы потолочных палок, нижние веревочками скреплялись со стенками.

Для приготовления пищи, отопления в центре юрты на глинобитную или деревянную площадку ставили одноконфорную железную печь с трубой, верхний конец которой закреплялся на обруче (дымовом круге) потолка. Округлые или подпрямоугольные железные печи появились в обиходе сравнительно поздно. Основным традиционным видом очага являлся костер между трех камней или под таганом, из металла. Четырех-или трехножный таган с верхним обручем стандартного размера был удобен для установки круглодонных кот-

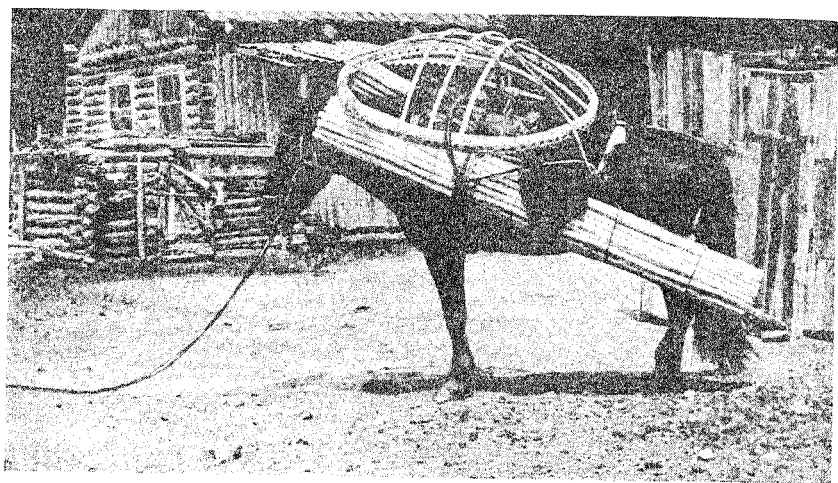

Рис. 2. Транспортировка части каркаса юрты. Тувинцы. (Фото автора).

лов. Этот вид кухонной посуды был универсален, в нем варили пищу, чай, стерилизовали, сбавивали молоко на сыры, масло.

Расположение очага в центре юрты, прямо под дымовым кругом, способствовало выходу дыма наружу. Огонь в очаге поддерживался не только в холодное время года. Воздух в юрте был чистым, не дымным. Над потоком дыма подвешивали или укладывали на жердочках для продымления некоторые виды продуктов (сыры, мясо), шкуры, внутренности домашних животных. Этот своеобразный вид домашних коптилен, имевший место и в других типах жилищ, позволял консервировать, технологически обрабатывать припасы и материалы, важные для нужд семьи.

Деревянный каркас жилища среднего размера (площадью 20—25 м²) зачехлялся полотнищами из катаного войлока, на стены шло 3—4 куса, для крыши — 2. Покрытие снаружи обвязывали сплетенной из волоса тесьмой, веревкой, по каркасу шло две-три опояски. Каркас служил владельцам долго, почти всю жизнь, правда, с починкой отдельных его частей. Покрышками пользовались не более пяти лет. До внедрения фабричного войлока его катанье проводилось домашним способом — в летнее время вручную и с помощью лошади. В трудоемком процессе изготовления войлока семье обязательно помогали родственники, соседи.

У хакасов, реже у алтайцев, тувинцев покрышки для юрт помимо войлока делались из бересты. У хакасов существовало даже особое название (*тос иб*) для юрты, покрытой этим материалом.

Береста, по заметкам ученых и путешественников XIX в., специально обрабатывалась.¹ От смолистости ее освобождали путем кипя-

¹ Спасский Г. Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 2. С. 53, 55; Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974. С. 207.

чения в воде, держали определенное время в навозе. Заготовку проводили только в середине лета, в июле месяце. К этому времени береста достигала нужной прочности, полноценной зрелости. После обработки куски сшивались жилыми нитками в нужные по размеру полотнища. По эластичности, гибкости бересту сравнивали с хорошо выделанной мягкой кожей для шитья сапог.² А юрты с таким покрытием вписывались белоснежной чистотой в степной и горно-таежный пейзаж Хакасии, Тувы, Алтая.

Внутреннее убранство юрты отличает целесообразность, гармония, интегрированность на едином жилом пространстве таких функционально важных для семьи мест, как спальня, кухня, столовая, кладовая и т. д. Размещение мебели, утвари, предметов домашнего обихода, культа было закреплено по традиции за определенными местами. Житейская целесообразность юрты как семейной территории и хозяйственной единицы идейно слита с постулатом религиозной концепции кочевников-скотоводов, в которой жилище ассоциируется с моделью мироздания.

Внутри юрта по оси от входа разделялась на женскую (правую) и мужскую (левую) части. Третья, почетная, сакральная площадь (*төр*) очерчивалась от очага до противоположной к входу стены. У тувинцев это сегментное деление подчеркивалось войлочными напольными коврами трапециевидной формы. У алтайцев огонь в очаге с сакральной стороны имел название *от бажы* (голова огня), от которого зависело благополучие всей семьи.³

На женской половине сосредоточивалось все, что было необходимо женщине для приготовления пищи (посуда, продукты, утварь и др.). Чуть далее находилась супружеская кровать, колыбель для младенца. Семья имела одну кровать и кожаную подушку-подголовник; дети, гости располагались для сна на полу. На мужской половине по кругу ставились кожаные и матерчатые сумы с мягкой рухлядью, оружие, сбруя и другой инвентарь хозяина дома. Известный ученый В. Радлов в юртах алтайцев "видел более сорока таких мешков",⁴ содержимым которых, как заметил исследователь, были одежда, отрезы, ковры, покрывала, куски войлока, различные украшения, шкурки, изделия из меха, кирпичный чай, уздечки для лошадей, ремни, веревки.

Почетная, священная часть юрты, у противоположной к выходу стены за очагом являлась местом семейного алтаря и уважаемых гостей-мужчин.

В алтарный иконостас у буддистов (тувинцы, буряты) входили скульптурные, иконописные изображения божеств, культовая бронзовая посуда, курительные свечи, священные книги и др. Предметы расставлялись на расписных по лицевой части сундуках (*антара*), на

² Корнилов И. П. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледения и путешествий. М., 1854. Т. 3. С. 637.

³ Тоцакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX— начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 96.

⁴ Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 135—145.

низких культовых столиках (*ширээ*). У шаманистов изображения родовых, семейных патронов-охранителей прикреплялись к решеткам каркаса, некоторые виды их до проведения обрядов хранились в сундуках. Замечу, что топография шаманских охранителей шла от центра — очага, главного патрона хранителя и дарителя жизни, по странам света. Особо отмечались предметами культа вход изнутри, косяки двери (теленгиты, тувинцы), передняя часть юрты, изголовье кровати, дымовой круг юрты. В их честь устраивали регулярные воскурения, "кормление" едой, напитками, совершали обряды. У шаманистов обряды проходили с приглашением шаманов, буддисты приглашали лам. В передней, алтарной части (*төр*) воздавали по этикету почести и уважение мужчинам, здесь же было постоянное место хозяина семьи. О значимости передней части юрты свидетельствует письменный источник Х в. сутра "Золотой блеск", где упомянуто о восседании на *төр* Эрклик-хана, главного божества тюркских и монгольских народов.⁵

Войлочная юрта — древнее жилище. Его конструкция, архитектура являются важнейшим культурным достижением кочевников Евразии, создавших свою особую цивилизацию. История и генезис этого жилища насчитывают тысячелетия,⁶ в нем сфокусированы многие элементы культуры кочевых народов. Среди них интеграция многовекового народного опыта материаловедения по дереву, коже, шерсти, волосу, такие важные технические решения, как например шарнирные крепления из кожи на складных стенах каркаса, и многое другое. В нашем веке в юртах родилось и выросло не одно поколение алтайцев, бурят, тувинцев. Сейчас у этих народов, как и у хакасов, юрта как основное жилище ушло в прошлое. Но семьи пастухов, чабанов в весенне-летне-осенние периоды выпаса скота и ныне используют юрту в качестве жилища. В оседлых центрах, на приусадебных участках юрта ставится в качестве летнего жилища. Тенденция обустройства национальным жилищем для лета в Туве и на Алтае заметно возросла. В общественном животноводстве юрту на фермах используют для хранения продуктов питания, хозяйственного инвентаря, емкостей с молоком, сметаной, под жилье для доярок, механиков и других специалистов. Поселковые советы, правления совхозов, различные организации в городе и на селе имеют в своей собственности юрты, в них на праздниках разворачивают работу буфетов, рестораников, комнат отдыха и развлечений. На Алтае, в Туве молодежены после официальной регистрации брака нередко по обычаю предков предпочитают проводить свадебное пиршество в юрте. В Туве с 90-х гг. нашего времени вновь открывавшиеся буддийские храмы размещались в юртах.

Полифункциональность использования юрты — тенденция не только нашего времени, в качестве храмовых и дворцовых сооруже-

⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 580.

⁶ Гафферберг Э. Г. Жилище джемшидов Кушкинского района: (К истории жилища кочевников) // Сов. этнография. 1948. № 4; Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Сов. этнография. 1976. № 4.

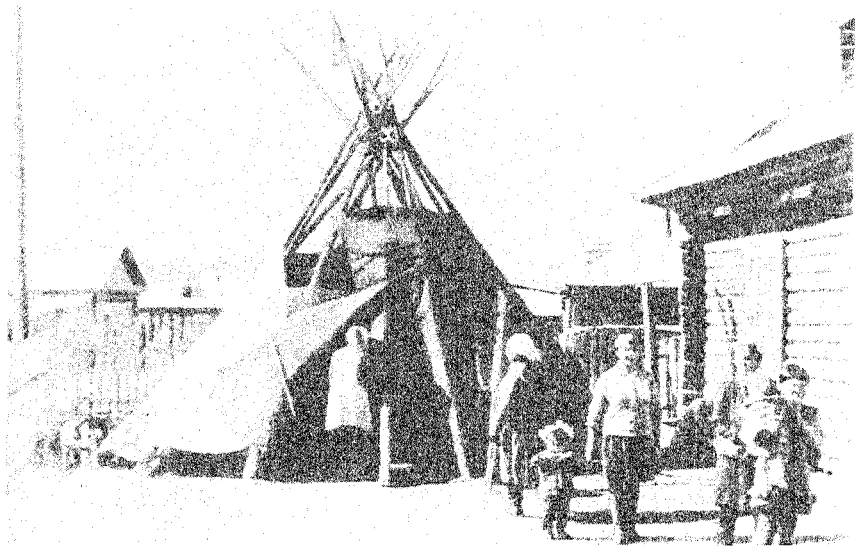

Рис. 3. Чум для свадебного обряда Алтай. (Фото автора).

ний юрта известна с раннего средневековья и позже у многих кочевых народов Евразии.⁷ Особую значимость юрта приобрела в канун XXI в. Как временное жилище ее использовали в зонах землетрясения (Армения, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения), национальных конфликтов (Таджикистан). В Монгольской республике юрты входят в архитектурный план жилых кварталов Улан-Батора, многих населенных пунктов страны. В XXI в. юрта еще послужит многим народам, и не одной Сибири; в будущем она безусловно не будет только музейным этнографическим экспонатом.

Наряду с войлочной юртой у некоторых групп алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов бытовало переносное жилище, известное у многих коренных народов Сибири под названием *чум*.⁸ Каркасный конический чум был распространен в прошлом среди кочевых и оседлых народов, не исчез он и в наше время. Но некоторым народам Приамурья на северо-востоке — корякам, чукчам, эскимосам это жилище неизвестно (рис. 3).

В общих чертах конструкция такого жилища представляет собой осто́в из наклонно поставленных по кругу шестов (специально обра-

⁷ Майдар Д. Архитектура и градостроительство в Монголии. М., 1971.

⁸ Чум (у зырян чом) — кочевой переносной шалаш сибирских инородцев (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 614). Термин "чум", вероятно, восходит к ненецкому и энецкому *чуми* (*тюми*) — очаг (БСЭ. 2-е изд. Т. 47. С. 475—476).

Рис. 4. Каркас чума без берестяных покрышек. Эвенки. (МАЭ, № 2182-25).

ботанных ножом, рубанком) или жердей, верхние концы которых перекрещиваются, опираясь друг на друга. Главным в конструкции остова является количество опорных шестов и способ их крепления между собой. По этим признакам можно идентифицировать принадлежность жилища тому или иному народу или этнической группе.

Ненцы и манси скрепляли два опорных шеста петлей из веревки, которую пропускали через отверстия на их верхних концах. Нганасаны вставляли конец одного шеста в отверстие другого, отверстий было не менее трех. Передвижка шеста в то или другое отверстие позволяла уменьшать или увеличивать высоту и полезную площадь жилища. Так же как нганасаны, крепили опорные шесты долганы, якуты, эвенки по р. Тунгуске.

Селькупы на одном из шестов делали веревочную петлю и затягивали ею конец другого. Кеты к шесту с развилкой (естественного происхождения) приставляли второй опорный. А теленгиты Горного Алтая и тувинцы-тоджинцы в развилку вкладывали два шеста, получая треугольную в плане опору. Для прочности чуть ниже развилки шесты были скреплены обручем из молодых березок (теленгиты) или веревкой из волоса, куском сыромятного ремня (тувинцы-тоджинцы). Якуты и долганы к треугольной опоре приставляли без крепления четвертый шест, четырехгранная в плане пирамида составляла основу остова чума (рис. 4). У этих же народов имелись и другие способы скрепления опорных шестов (в виде треноги и др.). Но значительное разнообразие конструкций опорных шестов было характерно для раз-

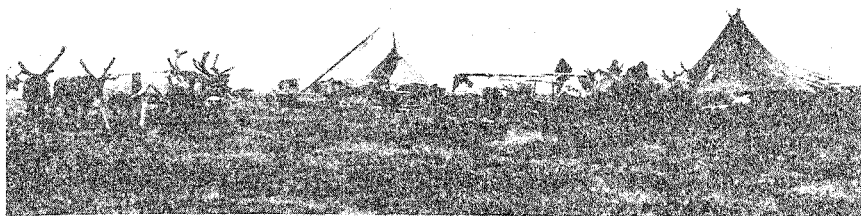

Рис. 5. Чумы ненцев в тундре. (МАЭ, № И 2115-117).

личных этнотерриториальных групп эвенков (амурские, енисейские, алексинские и др.). Костяк, основу конструкции чума помимо опорных составляли и другие шесты. Число их у каждого этноса соответствовало традиционным наработкам. У кетов, например, к опорным прибавляли еще семь или девять, теленгиты Горного Алтая — шесть, эвенки — от двух до четырех штук.⁹ Вся же в целом несущая конструкция чума включала шесты, усиливающие ее основу, а также определенное их количество для крепления покрытия.

Кеты Подкаменной Тунгуски в летний период, когда семьи занимались рыболовством, на постройку чума диаметром в 5 м при высоте 2.3 м, использовали от 20 до 35 шестов из ели. Примерно такая же площадь была у чума ненцев-оленьеводов. Известный сибиревед-этнограф А. А. Попов, много лет живший среди нганасан, в 30-е гг. дал бесценные свидетельства об их жилище. По его наблюдениям, для зимнего времени на постройку чума использовалось до 60 штук жердей, при этом полезная площадь была достаточно большой, составляя 9 м в диаметре.¹⁰ Якуты-скотоводы в XIX в. строили чум (*ураса*) фундаментально. Он был просторным (диаметр не менее 8 м), высотой в 10 м, семьи в нем жили круглосуточно.

При смене мест проживания несколько раз в течение года одни народы перевозили остов жилища на транспорте, другие делали его каждый раз заново. В лесных, таежных зонах проживания перевозили только покрытие чумов. Иное дело в тундре, где леса было мало. При сезонных перекочевках по тундре ненцы-оленьеводы разбирали шесты чума в обратном порядке и укладывали на одну-две грузовые нарты, запряженные оленями (рис. 5).¹¹

Сборка конструкций и установка жилища не занимала много времени и всегда была оперативной. Кеты полную сборку в зимнее вре-

⁹ Алексеев Е. А. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 81; Дьяконова В. П. Полевые материалы. 1980; Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969. С. 109.

¹⁰ Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас. М.; Л., 1961. С. 141.

¹¹ Хомич Л. В. Ненцы. М.; Л., 1966. С. 95, 111.

мая заканчивали за 4—5 часов.¹² У центральных и вилюйских якутов, имевших основательные, большие по размеру чумы, на установке работало 3—4 человека. Чаше сооружение жилища было делом рук женщин и девочек-подростков, как например у ненцев-оленьеводов.¹³

Виды материалов для покрытия остова чума у народов Сибири были разнообразны, но традиционны. Такими традиционными материалами были береста, ровдуга (оленья замша), оленьи шкуры, рыба кожа, кораллиственничных деревьев. В наше время помимо традиционных покрытий используется сукно, брезент, шифер и др. Засвидетельствовано, что енисейская группа эвенков круглогодично жила в чумах, крытых только ровдугой, а ороки и эвенки Амура, Охотского побережья и озерных районов Вилюя — рыба кожей. Покрывки из ровдуги специально раскраивались из шкур, которые были ранее в употреблении в качестве постелей. Из шкур требовалось сшить два полотнища, нижнее выкраивалось из 6—10 штук, верхнее — из 2—4. Большее полотнище натягивалось на каркас от земли вверх и покрывало 3/4 конструкции, меньшее — остальную часть. В зимнее время народы Сибири, связанные в хозяйственной деятельности с оленеводством, крыли чум оленьими шкурами. В холодное время года северные манси, ненцы и энцы делали двойное покрытие из оленьих шкур. При этом нижний слой кладется мехом внутрь, верхний — наружу. На приготовление зимних покрывок ненцы-оленьеводы брали только зимние шкуры, ворс у которых был стойким и густым. Женщины изготавливали для чума четыре покрывки (две нижние и две верхние). Наружные сшивали из новых, подстриженных шкур, внутренние — из бывших в употреблении. На покрытие уходило довольно внушительное их количество, не менее 25—30, а иногда и 40—60 штук.¹⁴

Тувинцы-тоджинцы в холодное время года, с ноября по май, жили в чумах, крытых кожами лося, марала и оленя. На один чум выкраивалось пять полотнищ, каждое из которых сшивалось из пяти шкур. Покрытие из шкур у оленеводов-тоджинцев служило семье не менее 10 лет.¹⁵ К числу материалов, хорошо освоенных с глубокой древности коренными народами Сибири, следует отнести бересту. Береста являлась универсальным материалом в домашнем производстве всех народов Сибири, независимо от географических условий (тундра, степь, тайга) их проживания и хозяйственной ориентации (скотоводы, оленеводы, охотники-рыболовы). Знали, как и в какое время года заготавливать бересту, умели ее технически обрабатывать, кроить и сшивать, делать из нее посуду, военное снаряжение, орнаментальные узоры, предметы культа, утвари, игрушки и т. д.

Служила береста и в качестве строительного материала. Хакасы и тувинцы покрывали ею каркасы своих юрт. Стоит отметить, что бере-

¹² Алексеев Е. А. Кеты. С. 85.

¹³ Хомич Л. В. Ненцы. С. 105.

¹⁴ Там же. С. 104.

¹⁵ Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961. С. 86—87.

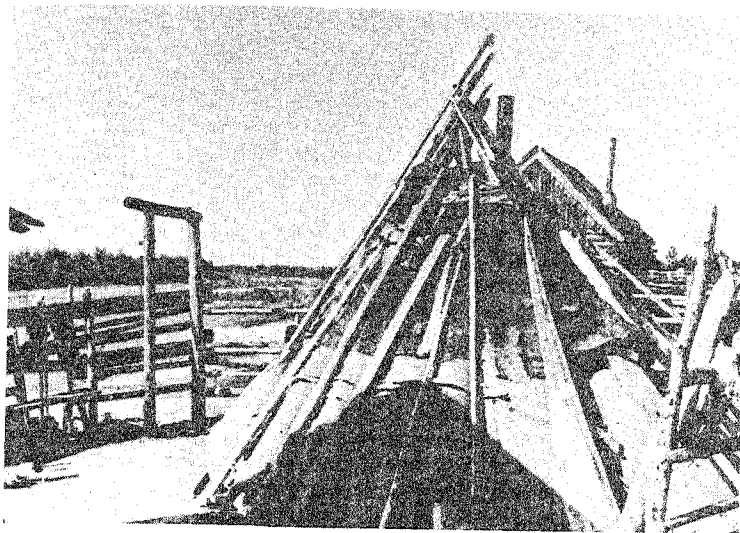

Рис. 6. Чум на приусадебном участке дома. Кеты. (МАЭ, № 2115-117).

ста некоторыми народами использовалась в так называемый теплый, или летний, период года. Тувинцы-тоджинцы жили в берестяных чумах с мая по октябрь.¹⁶ Круглогодично в чумах, крытых берестой, находились семьи кетов, но для утепления делали второй внутренний слой из ровдуги, сукна или бересты.¹⁷ Смешанное покрытие было известно и другим народам Сибири. Береста шла на покрытие конических жилищ (чумов) у ненцев, кетов, северных (тубалары) и южных (алтай-кижи) алтайцев, хакасов (сагайцы, бельтиры), тофаларов, тувинцев-тоджинцев, а также якутов (Центральный Виллюй), эвенков и негидальцев (рис. 6). Нередко бересту заменяли или сочетали с пластинами из коры лиственничных деревьев (лиственница, ель). У южных и северных алтайцев, тувинцев-тоджинцев кора как покрытие была довольно распространенным видом материала.

Покрытие из полотнищ бересты в этнографической науке принято обозначать термином "тиска".¹⁸

Количество тисок на средний по размеру чум у каждого народа было среднестандартным. Так одну тиску (полотнище) кеты, эвенки, тувинцы-тоджинцы сшивали из бересты, снятой с трех деревьев. Ненцы-оленоводы — с 6-7 берез. На кетский чум женщины делали 7-8 тисок, следовательно, заготовителям мужчинам требовалось снять кору не менее, чем с 45-50 берез. Береста тщательно обрабатывалась жен-

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ Алексеев Е. А. Кеты. С. 83.

¹⁸ У В. Даля сказано, что слово "тиска" женского рода, по происхождению из остяцкого языка. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 406.

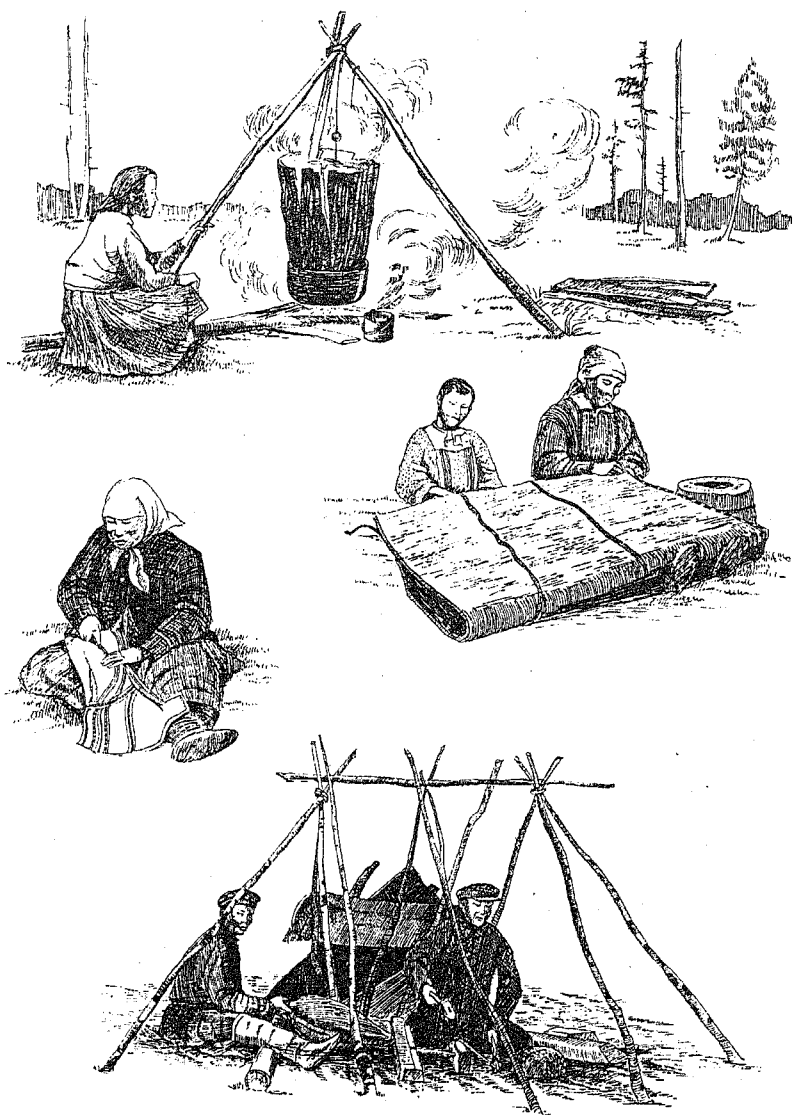

Рис. 7. Техника обработки и шивания бересты.
 ("Народы Сибири", М.; Л., 1956, с. 715).

щинами, очищалась от наростов, выпуклостей, ровно подрезалась по краям, свернутая в рулоны варилась в воде не менее суток или двух. Затем ее сушили, мягкие, эластичные пластины прошивались в два-три слоя, состегивались в нужную по форме и размеру тиску. Кетские женщины особенно старательно и художественно оформляли берестяное полотнище для двери (рис. 7). Помимо тщательного рисунка состегивания выполнялся резной узор по бересте с подкладом из кусочков цветных тканей. Орнаментальные резные узоры имели сложное символическое значение и включали в себя растительные мотивы, животных, религиозные сюжеты. Исследовательница культуры кетов Е. А. Алексеенко пишет: "Кеты называли рисунки на двери «эллажедес» (глаза двери) и считали их обязательными, так как иначе дверь будет «слепая»".¹⁹ В прошлом якуты, как и кеты, дверь берестяной урасы расшивали медными и серебряными подвесками, большим количеством цветных бус.²⁰

Очаг-костер в чуме располагался в центре. Площадка его всегда огораживалась деревянными плашками, камнями, в настоящее время обозначается листом железа (ненцы-оленоводы) (рис. 8). Не огордить место очага считалось большим грехом.²¹ Для подвешивания котлов, чайников над очагом делали различные приспособления. Наиболее старинная конструкция очага известна у ненцев, манси, хантов, коми-зырян.²² При установке основных шестов чума к центральному наклонно идущему шесту привязывали ремнями два горизонтальных. На них укладывали перекладину, к которой прикрепляли крюк. Крюком над очагом можно было маневрировать, что позволяло хозяйке дать полный огонь под котлом или убавить его. Кеты на наклонно стоящем шесте делали зарубки, по ним передвигалась дужка котла при варке пищи. Тувинцы-тоджинцы, как и кеты, к шесту прикрепляли длинную цепь с крюком на конце. У северных и южных алтайцев очагом служили три камня, чуть врытые в земляной пол или железный трех-, четырехногий таган. В летний период пищу предпочитали готовить на костре вне чума. С 20—40-х гг. нашего времени в обиход вошли железные печки.²³

К огню, очагу у всех народов Сибири было особое, почтительное отношение. Огонь олицетворял собой духа-хозяина огня, а огороженная площадка — его табуированное место. Дух-хозяин огня эвенкам представлялся старухой, бабушкой. Боясь поранить ноги "бабушки" ножом, иглой, они никогда не ставили такие предметы острием к огню. Хозяйки следили при варке пищи, чтобы она не выплескивалась через край котла и тем самым не повредила бы глаза, рот "бабушки". У теленгитов в свадебном чуме, в котором новобрачные проводят первые семейные три дня, обязательно благословляют очаг,

¹⁹ Алексеенко Е. А. Кеты. С. 84.

²⁰ Попов А. А. Старинная якутская берестяная юрта // МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 10. С. 102.

²¹ Алексеенко Е. А. Кеты. С. 85.

²² Чернецов В. Н. Чум // Сов. этнография. 1936. № 6. С. 85—86.

²³ Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленоводов. М., 1977. С. 94.

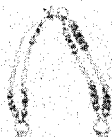
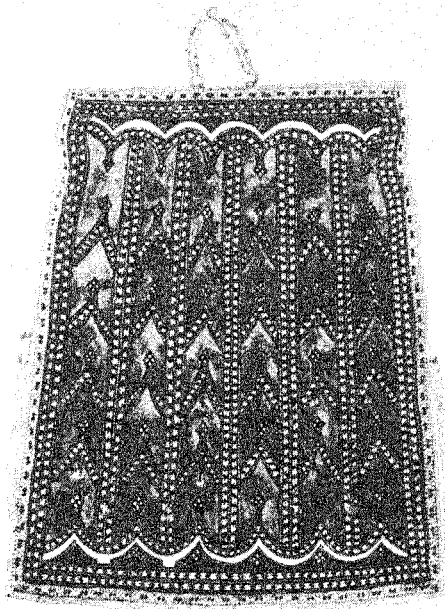

Рис. 8. Дверь юрты, расшитая конским волосом и подвесками. Якуты.
(МАЭ, № 3873-9).

огонь новой семьи, от благодати которого в образе матери огня будет ниспослана им счастливая жизнь. Вот пример благословения очага у теленгитов.

Чок, Кайракан!
На небе пуповину имеющая,
Железным очагом опоясавшаяся,
Огонь — творительница, Кайракан!
Не вы ли, Кайракан,
На каменный очаг опираетесь,
На пепле-золе возлежите!
На белой пепельной кучке играющая,
На красном полене нарост имеющая,
С красными пламенными волосами,
Огонь-мать, Кайракан!

На небе пуповину имеющая,
На железный очаг опирающаяся,
Огонь-мать, Кайракан!
С числом в отару скот создающим,
С числом в каменную насыпь головы создающим,
Не вы ли будете, Кайракан!
Не вы ли будете, Кайракан!
Доходы нам прибавлять,
Убыли от нас отводить
Чок, Кайракан!
С развевающимися волосами
Огонь-мать, Кайракан!²⁴

Внутреннее убранство чума, распределение мест членов семьи, гостей имели определенную, традиционно-этническую регламентацию. Площадь чума у самодийских и угорских народов считалась священной за шестом, олицетворявшим дух очага, к нему подвешивался котел. Главный шест делали по-особому, украшали резьбой, а шаманы наверхие его снабжали скульптурой птицы. Женщинам запрещалось проходить позади шеста, в этой части чума хранили продукты питания, посуду, культовые предметы. Расположение спальных мест для хозяина, хозяйки, детей различного возраста был строго определенным. Так, глава семьи и его жена, а также младшие дети спали только в средней части чума против основного священного шеста. Гости, как и семейство женатого сына, если они жили с родителями, укладывались спать, придерживаясь обязательно определенной схемы, от очага и далее по отношению к священному шесту, входной двери.

У народов Южной Сибири, Саяно-Алтая, якутов-оленьеводов площадь для обитателей, распределение инвентаря, утвари делились на правую от входа (женскую), мужскую (левую) и священную части за очагом против входа. У северных якутов-оленьеводов в передней части располагали особо ценные "чистые" предметы. Стояли сундуки с праздничной одеждой, украшениями, выючные сумы, здесь же обязательно висели православные иконы, шаманские духи-охранители (рис. 9). В эту часть чума не могли заходить женщины и особенно невестки.²⁵

Уникальность чума как основного жилища, известного практически всем коренным народам Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока помимо географического и хозяйственно-культурного факторов особенно весомо подтверждается временным фактором. Общеизвестно, что этот тип жилища уже в палеолите был освоен древним аборигенным населением Сибири. Время и допуск среднего возраста одного поколения людей позволяют постулировать в качестве исходного положения, что в чуме с далеких периодов к XX в. родилось и жило более 800 поколений этносов Сибири.

²⁴ Дьяконова В. П. Полевые материалы. 1979 г. (Пос. Кокора. Республика Горный Алтай).

²⁵ Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. С. 94.

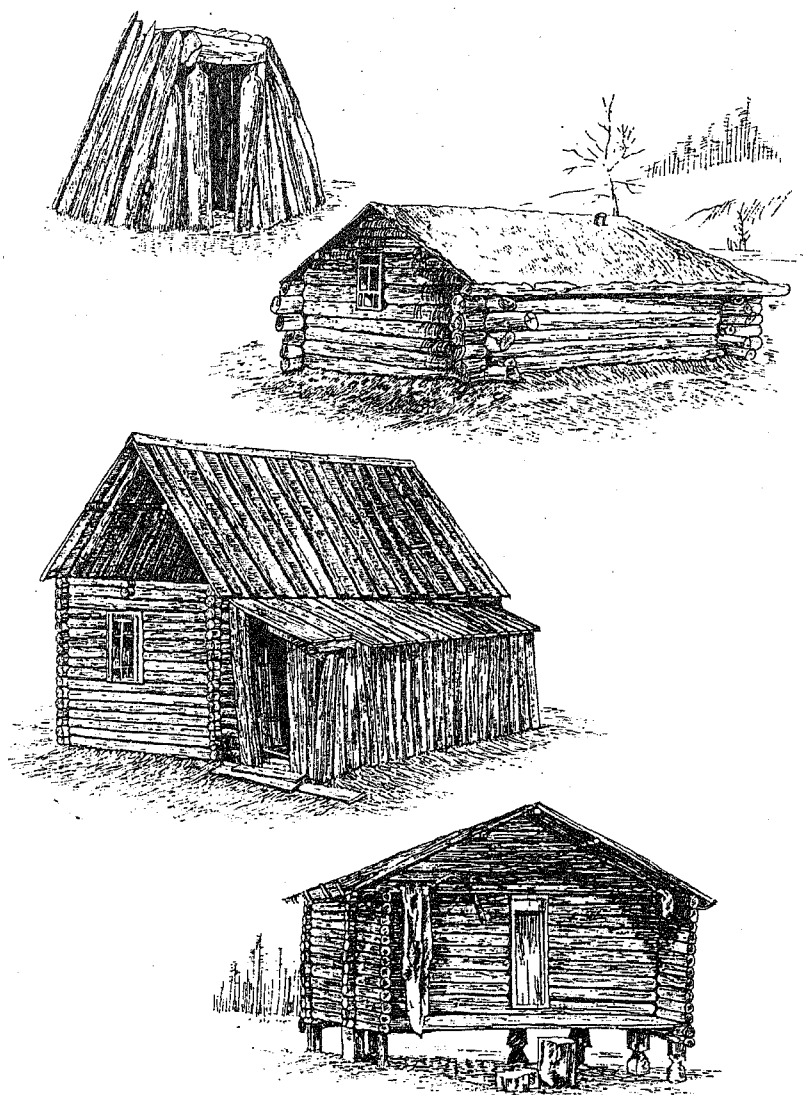

Рис. 9. Типы жилищ у шорцев. ("Народы Сибири", с. 507).

В прошлом у древних и ныне здравствующих коренных народов Сибири чум являлся не только жилищем. Исторически засвидетельствовано функционирование его в качестве храмового дома. Чум как элемент храмового комплекса для культовых отправлений наиболее полно зафиксирован в культуре эвенков, нганасан, в меньшей степени у кетов.²⁶ У эвенков комплекс воздвигался как единовременное, разовое строение, где шаманское служение длилось сутки, а иногда и более — до пяти. Сооружение его осуществлялось мужчинами под руководством шамана в конфиденциальной обстановке (рис. 10). Храмовый комплекс состоял из чума большого размера, от которого выстраивались со стороны входа и противоположной стороны две галереи. Начиная с входа галерея включала скульптуры длинноногих оленей-калиров, на которых "восседали" изображения тайменей. Оленей в две шеренги подпирали фигуры *этанов*, духов-помощников шаманов в образе зоо- и антропоморфных существ. Длинная галерея из многочисленных скульптур укрывалась молодыми лиственницами. По этой галерее, символизирующей мифический мост, соединялась реальная земля людей и островок шаманской земли — *хэгу*, земли обитания душ предков шаманов. Шаман и участники обряда от своих домов по мифическому мосту ползком, осторожно, поздно вечером "попадали" в чум (землю *хэгу*), где разворачивался весь церемониал служения. Другая галерея, также в виде коридора, обставлялась такими же персонажами, как и первая, но из посохших (мертвых с точки зрения эвенков) лиственниц. По этой галерее, символизирующей дорогу, проходят души предков шаманов, по ней передвигаются души умерших или тех, что украдены у больных людей.

Весь храмовый комплекс в конструктивных и скульптурных реалиях соответствовал анимистическим представлениям эвенков о земной и потусторонней жизни. В чуме шаман, многочисленные сородичи, женщины, дети путем медитационных действий совершали переходы из реального мира в потусторонний, общались с душами предков, вели борьбу с враждебными, чужеродными духами, совершали "путешествия" за украденной душой своего соплеменника. Сценарий служения сопровождался звуками бубна, песнопениями шамана. Известному сибиреведу И. М. Суслову молодой эвенк говорил, что высшее наслаждение в своей жизни он испытал, когда он и его товарищи "под руководством шамана неожиданно вылетели из дымового отверстия чума... и вихрем неслись во тьме ночной на север, чтобы отнять украденную у одного больного родовича душу безголовым племенем *Мирагды*".²⁷ Пожалуй, трудно найти аналогии проявлению эмоциональности и полной органичной взаимосвязи человека с постулатами традиционной системы мировоззрения, какие наблюдались в храмовых служениях у эвенков и других народов Сибири.

В XXI в. чум безусловно не станет только достоянием этнографических музеев, он останется в реестре традиционных типов жилищ

²⁶ Суслов И. М. По туземному Северу // Сов. Север. 1931. № 3-4. Попов А. А. Нганасаны: Социальное устройство и верования. Л., 1984; Алексеенко Е. А. Кеты.

²⁷ Суслов И. М. По туземному Северу. С. 107—108.

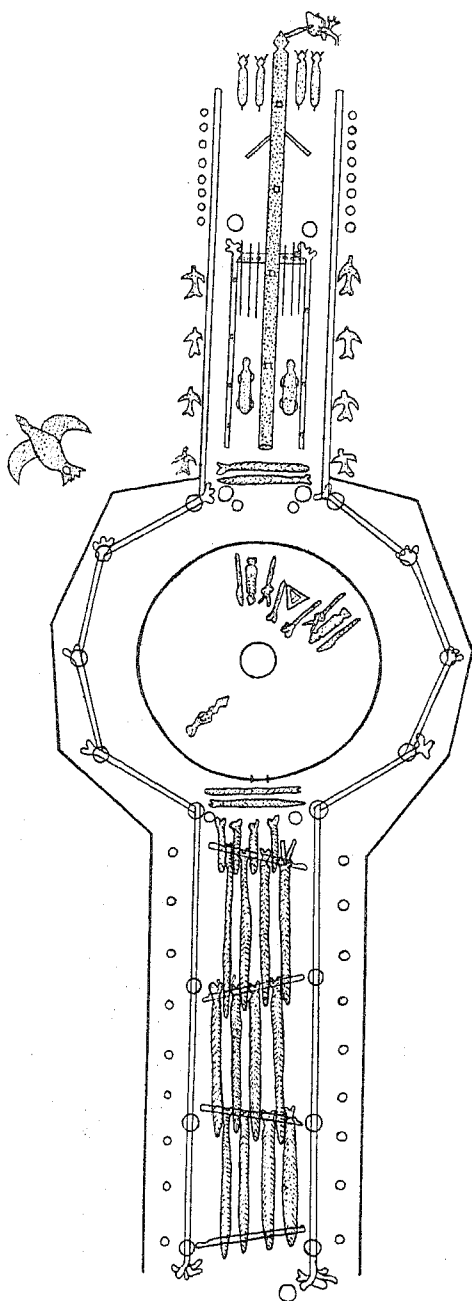

Рис. 10. План шаманского чума. Эвенки. (По Суслову, 1932).

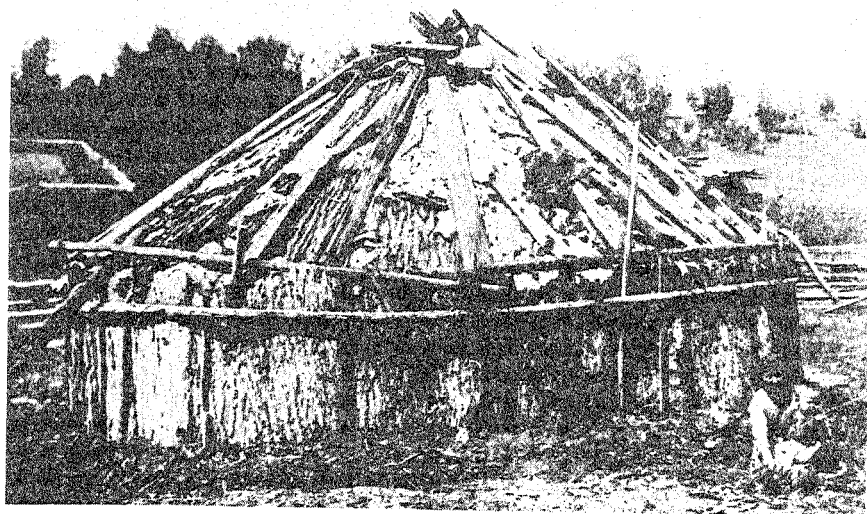

Рис. 11. Корьевое жилище хакасов. (МАЭ, № 3662-181).

коренных народов Сибири. Использование его будет обусловлено сохранением специфических видов хозяйственной деятельности, а также различными культурологическими целями.

Срубные наземные жилища в отличие от каркасных были известны не всем коренным народам Сибири. Однако техника срубных построек на территории Сибири очень древняя. В археологических культурах племен Южной Сибири скифской эпохи (VIII—III вв. до н. э.) открыто немало срубных погребальных камер, не только подземных, но и наземных, технические и архитектурные особенности которых имеют аналогии в традиционных жилищах тувинцев, бурят, алтайцев, якутов, хакасов.

Оригинальным, своеобразным срубным наземным жилищем ряда народов Сибири следует считать 6-, 8- и более угольные дома. Присутствие их отмечено в быту алтайцев, хакасов, бурят, тувинцев, телеутов, якутов. А. А. Попов полагал, что срубные наземные жилища независимо от внешних архитектурных форм были связаны с оседлым хозяйством. Но, по-видимому, этот вывод не очень точен и обоснован. Скорее, подтверждается наличие у народов Сибири не одного, а нескольких типов жилищ, что позволяло им вести не только оседлые, но и кочевые виды хозяйствования.

Алтайцы (алтай-кижи, теленгиты) предпочитали строить 5-, 7-угольные наземные срубные жилища. Сруб состоял из бревен длиной 3.5 м, рубленных в паз, сложенных в 7-8 венцов (рис. 11). Крыша имела полусферическую или конусовидную форму. У жилища с полусферической крышей от последнего венца сруба шла кладка бревен меньшего размера. У дымового отверстия они были длиной чуть более 1 м. Дымовое отверстие служило одновременно и окном. Остов кры-

ши покрывался пластинами коры, которые придавливались для прочности жердями. Конусообразная крыша — конструктивный аналог остову конического чума. На верхний венец сруба ставились тонкие жерди, концы которых состыковывались с жердями, имевшими развилки. Крыша покрывалась корой лиственницы.

Очаг, внутреннее обустройство жилого пространства не отличались от таковых в войлочных юртах и других типах жилищ.

У хакасов многоугольные жилища были распространены очень широко. Считались они в основном летним жилищем, т. е. ставились на местах летнего выпаса скота. У зимних жилищ щели между бревнами конопатились мхом, стены снаружи обмазывались глиной, а снизу засыпались землей. Некоторые состоятельные хакасы имели во владении несколько таких жилищ и жили в них на кочевках осенне-го, весеннего выпаса скота. Этнографы и путешественники отмечали у хакасов наличие 4—6-, 8-, 10-, 12- и 14-угольных жилищ.²⁸ Наиболее распространенным было 6-угольное. Сруб рубился из лиственницы, реже сосны высотой в 6-8 венцов. Остов полусферической крыши крыли пластинами коры лиственницы, берестой, дерном. Дверь по древнетюркской традиции ориентировалась на восток. Посреди жилища находился очаг. Он представлял собой округлой формы углубление, обмазанное глиной. Рядом ставилась круглая печь (из камня с глиняной обмазкой). В печь устанавливался полусферический котел, в нем готовили пищу, делали перегонку хлебного и молочного вина. Небезынтересно привести впечатление человека, побывавшего в доме у зажиточного хакаса: "Против самого входа стоит диван с сафьяновым красным тюфяком, за шелковой занавеской. От него по обеим сторонам, вокруг стен поставлены в два ряда сундуки, обтянутые сафьяном разных цветов, окованные в решетку белым железом. Над ними, ближе к выходу, развешаны седла и узды с серебряным прибором. Ближе к дивану стоят на полках фарфоровые чашки, чайники, медная чистая посуда, самовары. Посредине юрты, на площадке сложенной из дикого камня, — костер, дым от которого тянется в верхнее отверстие в центре юрты. Все пространство между костром и сундуками покрыто кошами, коврами и сафьяновыми подушками".²⁹ Но и менее зажиточные хакасы придавали большое значение обустройству дома и имели необходимое количество вещей и предметов бытового, хозяйственного и культового назначения (рис. 12). В сельских районах Республики Хакасия многоугольные срубные дома бытовали еще в середине 50-х гг. нашего времени.³⁰ Тенденция возрождения этой архитектурной формы не утрачена в культуре, но функционально она уже не связана с жилищем.

Крупнейший знаток культуры бурят К. В. Вяткина отмечала, что у западных бурят была распространена не войлочная юрта, а 6-,

²⁸ Кузнецова А. А., Кулаков Н. Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898. С. 112.

²⁹ Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Часть 2. С. 184.

³⁰ Паточаков К. М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан, 1982. С. 21.

Рис. 12. Интерьер многоугольного жилища. Хакасы. (МАЭ, № 3729-30).

8-угольная из бревен.³¹ Самостоятельное значение эти многоугольные жилища имели лишь как летники. Зимой они служили амбарами, стойлом для скота, здесь же занимались выделкой кож, шитьем сбруи и пр. Использовались они и в качестве ритуальных построек для совершения шаманских обрядов. Строились срубы из лиственничных круглых или половинчатых бревен, в 12—14 венцов. Диаметр дома составлял 10 м и более. Для поддержки потолка в центре ставился сруб с балкой. Потолок покрывался корой, дерном, тесом. Настилался деревянный пол. В центре, между столбами выкладывалась площадка для очага из камня, обмазанная глиной. Обычно огонь разводился в железном трехногом тагане. На западной стенке еще при кладке венцов вделывалась полка, которая считалась главной, священной. На ней размещали предметы религиозного культа, обереги, ценные вещи. В северо-западной части ставилась кровать для супругов, по северо-восточным стенам на полках и без них расставлялась домашняя утварь.

У якутов многоугольные постройки имели распространение по всей территории Якутии. Жилища этого типа были в основном 6- или 8-угольные. Крышу делали трех видов: плоскую, в форме многогранной усеченной пирамиды и коническую. В форме пирамиды крышу

³¹ Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969. С. 87—88.

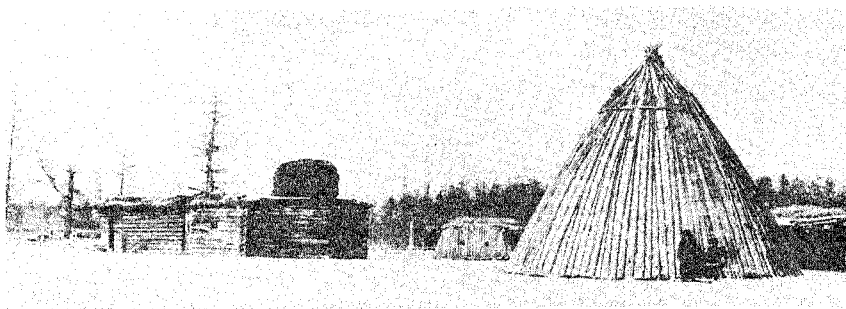

Рис. 13. Старинные жилища якутов. (МАЗ, № 3314-10).

сооружали "костром" и она аналогична таковой на хакасских многоугольных срубках. Коническая же сходна с алтайской (рис. 13). В этих домах якуты, как и в других типах традиционных жилищ, ставили очаг и чувал. Сруб состоял в основном из 12-15 венцов, ширина каждой стены была около 3.7 м. Внутри сруба устанавливалось 7 столбов, подпиравших матицу. Дверь ориентировалась на восток. Жили в таких домах летом. Помимо летников многоугольные постройки использовались для содержания скота, надмогильных сооружений на кладбищах.

Большинство исследователей полагают, что многоугольные срубные жилища у вышеуказанных народов появились поздно, под влиянием русских. Для таких суждений приводится недостаточно обоснованных фактов. Две основные конструктивные особенности этих жилищ — сруб и коническая крыша — эволюционно связаны с древними типами жилищ этих народов. У якутов, как сообщает О. И. ИONOBA, ровдужные чумы зимой снабжены у основания 6- и 8-угольным срубом в 2-3 венца.³² Многоугольные дома якутов конструктивно близки к летним конусообразным урасам.

В культуре древнейших обитателей Северо-Востока Сибири — чукчей, эскимосов, коряков, ительменов, юкагиров отмечено бытование сравнительно небольшого количества типов жилищ.³³

Азиатские эскимосы, проживающие в тесном соседстве с чукчами, коряками на берингоморском побережье Чукотки, издавна занимались морским зверобойным промыслом, вели оседлый образ жизни. Охота на морского зверя в сочетании с другими видами промыслов, собирательством гарантировала этим народам основную часть ресурсов для различных уровней жизнеобеспечения. Мясо и жир моржей, китов, нерпы, лахтака входили в рацион традиционных видов пищи. А шкуры и кости (особенно китов) являлись одним из видов строительного материала жилищ, хозяйственных строений, культовых со-

³² ИONOBA О. И. Жилища и хозяйственные постройки у якутов // Сибирский этногр. сборник / Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. М.; Л., 1952. Т. 18. Вып. 1. С. 289.

³³ Попов А. А. Жилище.

оружений. Жир морских животных являлся энергетическим ресурсом отопления и освещения жилья. Строительство жилищ базировалось только на местных материалах: помимо костей морских животных в приморской зоне народы использовали бревна плавуна, камень, мех, дерн, песок.

Древним, однако функционировавшим еще в 50-х гг. нашего столетия,³⁴ постоянным типом жилища оседлых жителей Северо-Восточной Азии являлись полуподземные дома. Крупнейший исследователь культуры эскимосов Г. А. Меновщиков по особенностям конструктивных деталей выявил пять типов жилищ.³⁵ Наиболее древним из них было жилище с зимним и летним входами.

Обследование полуземлянок, проведенное Г. А. Меновщиковым в эскимосском пос. Скренника, позволило выявить многие уникальные приемы строительного мастерства этого народа.³⁶ Когда для постройки жилья не доставало дерева, стены нередко возводились из позвонков кита, черепные кости, лопатки шли на настил пола. На столбы стен, центральные балки использовались китовые челюсти. Стены каркаса полуземлянок из дерева, камня, кости снаружи тщательно утеплялись слоями дерна с камнем (стены), сухой травой, песком (крыша). Жилища этого типа имели большую полезную площадь, в них обычно проживало несколько родственных семей.

В отличие от эскимосов оседлые чукчи строили зимние полуземлянки двух,³⁷ а не пяти типов. Один из них в переводе с чукотского языка назывался "мужской дом", второй — "дом из челюстей кита".³⁸

В мужском доме проживала не одна, а несколько семей. В круглой или подпрямоугольной в плане полуземлянке с многослойно настланным полом (камень, мох, моржовые шкуры) по стенам располагались постели высотой в 1 м для пяти-шести человек. Между постелями для каждой семьи стоял светильник, в центре имелся общий очаг.

Стены многосемейного дома возводились из плавуна, крыша укреплялась еще и челюстями китов. На утепление и покрытие крыши шел дерн, шкуры моржей. Вблизи дома возводилось второе подобное помещение. Оно соединялось с домом подземным ходом с выходом в центральной части жилого помещения. Пристройка к дому служила кладовой для домашней утвари, орудий труда, припасов пищи и многого другого нужного для обихода семей.

У оседлых коряков преобладающей формой жилища также являлась полуземлянка, отличавшаяся оригинальным входом на крыше.³⁹ В плане она имела 8-угольную форму, углублялась в землю на 1—

³⁴ Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1959. С. 37.

³⁵ Там же. С. 40—42.

³⁶ Там же.

³⁷ Леонтьев А. А. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск, 1973. С. 90.

³⁸ Там же.

³⁹ Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 53—55.

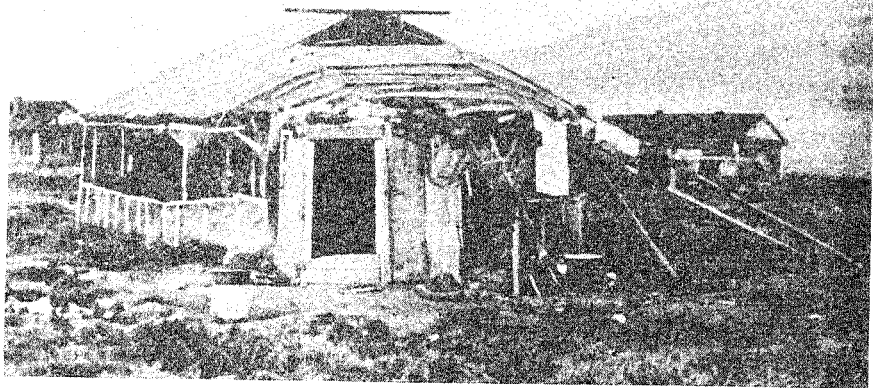

Рис. 14. Яранга береговых чукчей, крытая толем. 1961 г. (МАЗ, № И 1971-62).

1,5 м. Основную конструкцию выполняли 12 вертикально стоявших столбов. Четыре основных устанавливались в центре и соединялись между собой сверху перекладинами. Остальные восемь вкапывались по углам. К каждой паре балок от пола до верха прибивались плашки, таким образом получались стенки. Каркас крыши также делался из плашек. В центре, на прямоугольнике основных столбов из дерева строили воронкообразный раструб, горловиной к жилищу. Входом, обращенным к морю, являлся коридор, углубленный в землю и пристроенный к одной из стен. Деревянный остов каркаса полуземлянки, коридор снаружи утеплялся обкладкой из сухой травы, толстым слоем засыпки из земли.

Входом в жилище являлся коридор, но не круглогодично, а только с мая по ноябрь, что совпадало по времени с промыслом на морских зверей. В остальное время года этот вход специально закрывали и в дом попадали через раструб-воронку на крыше. Для этого сначала взбирались на крышу коридора, затем шли по лестнице (бревно с зарубками) до раструба, от которого вниз спускались по второй лестнице того же образца. Очаг в полуземлянке состоял из двух камней, находился в центре помещения. Семья спала и занималась повседневными делами в меховом пологе. Хозяйственный инвентарь, сети, собачья упряжь, орудия охоты располагали по углам стен, одежду подвешивали к перекладинам балки. Продукты питания, припасенные к зиме, хранили в коридоре-пристройке. Не все группы коряков имели в качестве жилища полуземлянки с необычным сезонным входом. Некоторые строили этот тип жилья без входа-раструба, но делали их более углубленными в землю. В полуземлянках обычно проживало от 6 до 13 человек, а у коряков от 25 и более.⁴⁰ К 30-м гг. нашего вре-

⁴⁰ Там же. С. 56.

мени полуземлянки стали окончательно заменяться бревенчатыми домами по русскому образцу.

Наряду с полуподземными жилищами у приморских и оленеводческих народов Северо-Востока Сибири широко распространенным уже с XVIII в. является жилище, популярно называемое на чукотском языке ярангой.

Приморские чукчи и эскимосы издавна проживали круглогодично или только в зимний период в непереносных ярангах. Яранга в основании имела круглую в плане форму, внутри площадь ее делилась на холодную и теплую, жилую части (рис. 14). При строительстве в центр площадки вкапывали столб, от него по радиусу овала — вертикально стоящие наподобие частокола шесты из дерева или ребер китов. Шесты по верхним концам схватывали обручем. На покрытие крыши шли тоже шкуры моржей. Каркас крыши делался из более тонких шестов, идущих веерообразно от обруча к центральному столбу. Для прочности шесты крыши изнутри укреплялись обручем и ремennыми вязками из шкур моржей. От уровня земли каркас яранги на незначительную высоту обкладывался камнями, дерном или обтягивался моржовыми шкурами. Для прочности, чтобы крышу не сорвало ветром, покрытие стягивали длинными ремнями с подвесом камней. Вход яранги, всегда обращенный к морю, завешивали куском кожи или оставляли открытым.

Передняя, холодная часть использовалась для хранения охотничьего снаряжения, хозяйственного инвентаря зимой и по ночам здесь находились собаки.

Теплая часть помещения для членов семьи представляла собой меховой полог ящикоподобной формы. У эскимосов в зависимости от количества членов семьи размер полога составлял от 6 до 12 м² при высоте 150—180 см. Попадали в него, приподняв его меховую часть, пролезая внутрь. Освещалось помещение светильником, заправленным нерпичьим жиром и фитилем из мха. На нем же готовилась пища. В полог ставилось не менее 2—4 штук светильников. Внутри помещения люди находились без одежды. Взрослые носили только набедренные повязки. Одежда снималась прежде всего для того, чтобы всегда быть сухой для выхода из теплого помещения на холод.

Кочевой и оседлый образ жизни народов Северо-Востока Сибири отложил отпечаток на бытование у них разных типов жилищ, средств передвижения, на рацион питания, утварь, детали одежды и многое другое.

Оленеводы тундры — коряки, чукчи, эвены вели кочевой образ жизни, у них основным жилищем была яранга переносного типа (рис. 15). Каркас и покрышки жилища перевозились по мере надобности, при смене сезонных выпасов оленей. Так, каркас яранги коряков-оленьеводов состоял из трех основных шестов, соединенных сверху. Они укреплялись в центре. По кругу или овалу на определенном расстоянии друг от друга ставились шесты-треноги. От них к центральной треноге укладывались палки остова крыши. Весь каркас зачехлялся покрывкой, сшитой из оленьих шкур со стриженным мехом,

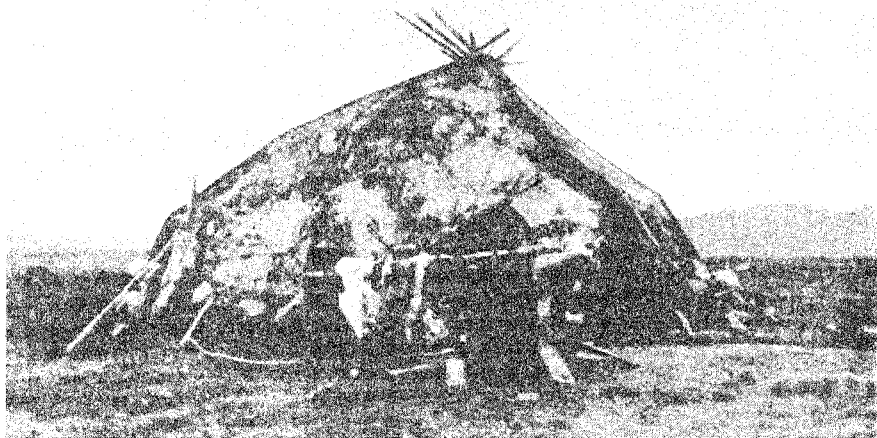

Рис. 15. Яранга кочевых чукчей. 1961 г. (МАЗ, № И 1971-62).

мездрой внутрь. Очаг располагался в центре, под основными шестами.

Внутри помещения к шестам стен, крыши прикреплялись спальные пологи, сшитые из оленьего меха, мехом внутрь. Размер полога в среднем был длиной 2—4 м, шириной 1.5—2 м при высоте до 1.5 м. В одной яранге имелось не менее 3-4, а иногда 5 или 6 полов. Каждый полог принадлежал одной семье. Взрослые незамужние женщины, неженатые мужчины жили отдельно, в своих полах. Необходимой принадлежностью полога являлся светильник. Им освещался и отапливался полог. Светильник заправлялся оленьим жиром, фитиль делался из мха. Традиционными видами светильников у кочевых групп были сосуды, выдолбленные из камня. В нашем столетии их заменили старые сковородки или керосиновые лампы.

В обстановку полога входила постель из оленьих шкур, стулья, сделанные из оленьих рогов. Ножками такого стула были сами рога, а сиденьем теменная кость. Но обычно в полах, в яранге сидели на полу, застланном шкурами. Сюда же на шкуры сервировали посуду с пищей. В обиходе каждая семья имела достаточно полный ассортимент нужной посуды. Отварное мясо и иного вида приготовления подавались на деревянных блюдах-подносах с бортиками. Имелись ложки, ковши, чашки из дерева или кости. Хозяйки держали воду в ведрах из нерпичьих шкур. В сосудах из шкуры нерпы хранили припасы ягод, мясо, жир, давали похлебку собакам. Однако некоторые оригинальные виды традиционной посуды в наше время заменились покупной посудой фабричной работы.

За уютом и чистотой полов яранги женщины следили постоянно. Периодически их выбивали длинными колотушками, сделанными из рога или дерева. При входе в жилище обязательно стряхивали

Рис. 16. Сшивание оленьих шкур для покрытия жилища. Эвены.
(МАЗ, № И 1933-97).

обувь специальными колотушками. Подходы к яранге всегда очищали костяными лопатами от снега (рис. 16).

В 20—30-е гг. приморские эскимосы, чукчи продолжали жить в основном в ярангах, по конструкции сходных с таковыми у кочевых оленеводов. Однако начавшиеся с этого времени и позже процессы общегосударственного переустройства кардинально затронули весь уклад жизни, подвигнули народы Северо-Востока к строительству иных форм жилья. Чукчи, эскимосы стали возводить жилища так называемого переходного или модернизированного типа.⁴¹ В конструкциях этих жилищ, подобных в одном варианте яранге, в другом русскому дому небольшого размера (3×4 м и чуть более), прослеживалась тенденция к сохранению прежних традиций, а также освоение новых строительных материалов, навыков, технических приемов. В переходных жилищах сохранялся традиционный интерьер, внутренняя планировка производилась в соответствии с этническими особенностями хозяйственно-бытового уклада.

У эскимосов новые дома по варианту яранги сохраняют большой размер, опорные столбы для двухскатной крыши, но стены становятся дощатыми, в них прорубаются окна. Для утепления дома используется толь, брезент, но сохраняют значение и шкуры моржей. Остов

⁴¹ Меновицков А. Г. Эскимосы. С. 50; Смоляк А. В. Материалы к характеристике культуры и быта населения Чукотского района // Сибирский этногр. сборник. М.; Л., 1957. Вып. 2; Леонтьев В. В. Хозяйство и культура народов Чукотки. С. 97—99; Михайлова Е. А. Современная бытовая культура эскимосов Сибири. С. 81—89 (Архив МАЭ (Кунсткамера), фонд К-1, оп. 1, № 861).

дома по образцу русской избы отстраивается из плаха, теса, досочек и других материалов. Крыша кроется толем. Стены двойные или одинарные утепляются по старинке — земляной засыпкой. Земляной пол застилается традиционными видами материалов (шкуры). Дом для тепла зачехляется брезентом.

Внутри дом, как и яранга, делится на холодную, хозяйственную и теплую, жилую часть, где имеется полог. Зимний меховой полог как важный элемент традиционного жилища в новых домах заметно модернизировался. Оленьи шкуры изнутри закрываются тканями или бумагой, в одной стенке (задней) вделывается окно, в противоположной — дверь. Увеличился размер полога, и обитатели дома могут стоять в нем во весь рост. Наряду с модернизированным появился и новый полог, сделанный из дерева. Прямоугольный по форме полог из досок имеет входную дверь, окно, земляной пол, застланный шкурами моржей. Стены обклеиваются обоями, бумагой, газетами. Нередко полог из досок делается не целиком, а сочетается со шкурами.

До начала 60-х гг., когда на Чукотке началось плановое капитальное строительство жилья, значительная часть коренного населения продолжала жить в ярангах, модернизированных домах. Так, среди чукчей в ярангах проживало 89.7 %, у эскимосов — 50.5 %. В приспособленных домах соответственно 1.4 % и 26.8 %. ⁴² Современные дома приморской и материковой зон Северо-Востока отличаются иной комфорт, наличие отопления (печное, центральное), электрическое освещение, убранство и интерьер, новая мебель. В то же время, в частности у населения, занятого оленеводством, и в наши дни сезонным жилищем остается яранга.

Об уникальной приспособленности яранги к местным условиям свидетельствует факт использования ее в качестве жилища русскими пастухами Чукотки. В связи с климатическими и географическими условиями Северо-Востока Сибири, особенно в районах, связанных с оленеводством, ярангу вряд ли возможно исключить из специфического жилого фонда. Сменит ли ярангу комфортабельный передвижной дом, внедряемый в наше время среди оленеводов, ответит время, но уже только в XXI в.

Народы Нижнего Амура, Сахалина — нанайцы, ульчи, нивхи, негидальцы, орочи, удэгейцы, ороки и эвенки на протяжении своей многовековой истории в пределах своих исконных территорий использовали различные по типу жилища. Но нередко в отдельно взятом поселении проживали представители нескольких народов, что вело к интеграции, взаимовлиянию традиционных форм культуры. В таких зонах обитания нередко строились жилища, не свойственные данному народу.

Хозяйственно-культурный тип негидальцев определялся рыболовством, охотой на пушного и мясного зверя. Негидальцы, расселенные в верховьях Амгуни, вели оленеводческое хозяйство. В культуре негидальцев заметно влияние и нижеамурских народов, особенно в

⁴² Смоляк А. В. Материалы к характеристике культуры и быта... С. 50—51; Лентьев В. В. Хозяйство и культура народов Чукотки. С. 99.

существовании у них морского промысла на Охотском море, в Амурском лимане. Не чуждо негидальцам было и такое направление хозяйственной деятельности, как собаководство.

Несмотря на многокомпонентность хозяйственного уклада, дисперсность расселения по территории Хабаровского края, до недавнего времени негидальцы предпочитали проживать в своих традиционных жилищах. Основными жилищами у них были конический чум, жилище в виде рассеченного цилиндра, прямоугольный в плане шалаш с двухскатной крышей.

Проживание семьи в том или ином виде жилища напрямую было связано с сезонностью хозяйственной деятельности. В летний период, с весны по октябрь, времени рыбного промысла, охоты на морского зверя семьи негидальцев предпочитали жить в небольших по площади домах с двухскатной крышей.

Каркас дома, прямоугольный в плане, сооружался из жердей ольхи, ивы. По углам прямоугольника устанавливались столбы с развилками на концах. На столбы, соединенные продольными жердями, укрепляли стропила, на расстоянии 30—35 см. Стропила и жерди каркаса стен соединяли между собой прутьями, переплетенными в решетку. Под конструкцию стен подводилась двухскатная крыша. Покрытием ее у негидальцев служили пластины из коры деревьев, прижатых сверху жердями. Такие небольшие по полезной площади однокамерные дома строили и ульчи. Но на каркас стен, покрытие крыши употреблялась не только кора, но и береста. У орочей и удэгейцев дома этого типа имели отличие в крыше, она была закругленной формы. Основным строительным материалом служили жерди и кора.

Итак, можно констатировать, что наряду с негидальцами подобные летние сезонные жилища на местах проживания семей во время рыбного промысла строили все народы Амурской области и п-ова Сахалин. Ульчи и нанайцы крышу подобных домов крыли не только корой, но и берестой.

Такой дом служил семье или несколько лет или только один сезон. К моменту наступления рыболовного сезона семьи с постоянных мест проживания, из зимних домов перебирались на жительство в летние жилища. Внутреннее устройство подобного жилища было довольно рациональным. Ближе к выходу находился очаг, представлявший собой площадку, обложенную с четырех сторон каменными плитками. Над очагом располагалось дымовое отверстие. На фасаде, задней стене дома имелись отверстия-окна, зашторенные в случае необходимости плетеными из камыша занавесками.

По традиции внутри таких домов устанавливали монолитно идущие по трем сторонам нары. Их сколачивали из дерева или сплетали из веток тальника. Верх нары застилался сухой травой. Они служили местом для сна, приема пищи, различных хозяйственных дел. Для сидения на нарах негидальцы использовали шкуры диких животных (козуля, барсук и др.).

К оригинальному типу сезонного жилища народов Амура следует отнести шалаш в форме рассеченного цилиндра. Известный исследо-

ватель народов Дальнего Востока Л. И. Шренк описал его под названием *хомора*.⁴³ Каркас его составляли дугообразно согнутые, укрепленные в земле тальниковые стволы (в количестве 6—10 штук). С продольных и задней стенок стволы оплетались прутьями из тальника. Каркас покрывался пластинами бересты или циновками, сплетенными из соломы. Дверь жилища была из бересты или циновки. Хомора как сезонное жилище использовали рыбаки и охотники. В тайге, на рыбном промысле в нем жили негидальцы, нивхи, нанайцы, ульчи. Обычно в такое жилье вмещалось 2—3 человека. Среди народов Сибири подобный тип временного, сезонного жилища отмечен в культуре кетов, манси.

В Амурском регионе, как и повсеместно в Сибири, бытовало одно из древнейших наземных каркасных жилищ — конический чум. Негидальцы в чуме жили зимой, остов его покрывали берестой. Ороки каркас своего жилища в теплое время года крыли полотнищами, сшитыми из выделанных рыбьих кож, а зимой корой деревьев.

Основу конструкции чума нанайцев составляли три основных шеста, на покрытие остова использовалась трава или береста, зимой шкуры животных. В зимнее время для тепла жилище почти наполовину выину засыпали снегом.

К постоянным, не сезонным жилищам у нанайцев, нивхов, ульчей относятся землянки и полуземлянки (рис. 17). У нанайцев эти жилища, по свидетельству И. А. Лопатина, были представлены тремя видами. Архаическим видом землянки была подпрямоугольной формы яма, над которой ставилась двухскатная крыша с земляной засыпкой.⁴⁴ О распространенности этого древнего вида жилища в Амурском регионе в XIX в. сообщал Л. И. Шренк. У нанайцев имелись места поселений (стойбища), состоявшие только из одних землянок. В отличие от нанайцев землянки нивхов имели в плане форму круга или овала, с входом через коридор.⁴⁵ Нивхский тип землянок, по археологическим свидетельствам, весьма древен и по ряду признаков имеет сходство с жилищем неолитического населения Приморья.

Полуземлянки под жилище использовали нанайцы, ульчи, нивхи. Землянки и полуземлянки сохранялись в культуре этих народов еще в 30-е гг. нашего столетия.

А. П. Окладников полагал, что эти жилища являются прототипом древних жилищ населения Тихоокеанского побережья,⁴⁶ особенно сходны они с древней и средневековой культурой палеоазиатов Тихоокеанского побережья. У каждого народа полуземлянки имели свои конструктивные особенности. По свидетельству С. В. Иванова,⁴⁷ полуземлянки ульчей имели вытянутую прямоугольную форму, а у нив-

⁴³ Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. 2. С. 65.

⁴⁴ Лопатин И. А. Гольды. Владивосток, 1922. С. 77—79.

⁴⁵ Сем Ю. А. Нанайцы: Материальная культура. Владивосток, 1973. С. 39.

⁴⁶ Окладников А. П. Древние поселения в пади Большой Дурал // Сов. археология. 1951. Т. 15.

⁴⁷ Иванов С. В. Старинное зимнее жилище ульчей // МАЭ. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 71.

Рис. 17. Подземное жилище. Нивхи. (МАЭ, № 1535-36).

хов квадратную. Углубленность в землю практически у всех жилищ этого типа достигала более 0.5 м^2 . Стены каркаса из плах ульчи ставили наклонно вверх и возводили над ними четырехскатную, а не двухскатную крышу, как у нанайцев.

Ульчская полуземлянка имела три окна, одно из которых располагалось рядом с дверью, другие на продольных стенах. В помещении имелся очаг, дым выходил в отверстия, проделанные на крыше.

Наиболее распространенным зимним жилищем в Амурском регионе был дом типа китайской (или маньчжурской) фанзы. В больших, оригинально отапливаемых домах проживало по несколько семей. Этот тип постройки знали нанайцы, ульчи, нивхи, удэгейцы. Постройка жилища начиналась с подготовки прямоугольной площадки, по углам которой вкапывались столбы в рост человека или чуть выше. Посередине (по линии поперечных стен) ставили еще два столба. Затем основные столбы по верху скреплялись балками. Специально установленные столбы определяли проемы окон и двери (рис. 18). В пазы на столбах вставлялись жерди из ивы, ольхи. Стены из неплотно пригнанных, необработанных жердей снаружи обмазывались глиной, смешанной с травой.

Жерди крыши поддерживала матица, которую подпирали два наружных и два внутренних столба (высотой от 4 м и более). Крыша также штукатурилась. Нанайцы крышу после обмазки глиной покрывали сухой травой и придавливали слегой. Нивхи жердяной настил крыши покрывали слоем сухой травы и корой. Негидальцы на по-

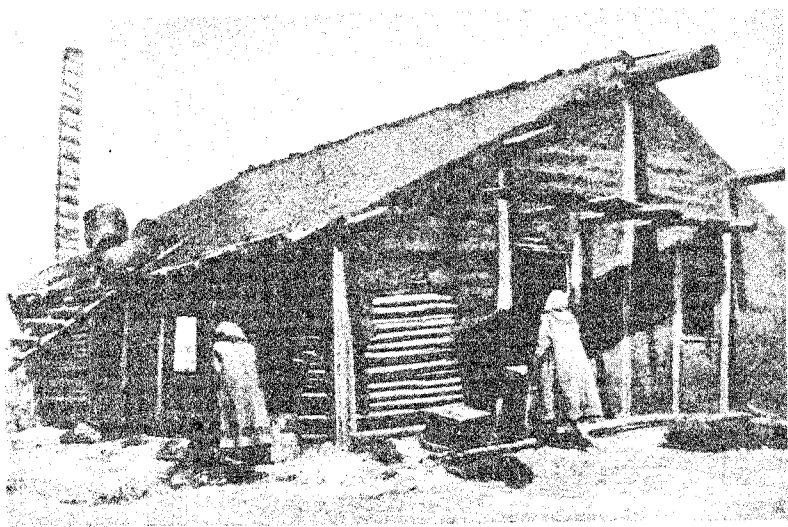

Рис. 18. Стационарное жилище. Нанайцы. (МАЭ, № 1761-20).

крытие жердей использовали камыш, солому, траву. И еще присыпали землей.

Дверной проем нивхи делали на фасадной стене, у правого угла. Оконные рамы на трех или четырех сторонах затягивались кожей кеты. Удэгейцы вход в дом располагали в центре фасадной стены, а по обеим сторонам его — окна. Нанайское жилище, построенное по китайскому образцу, освещалось одним большим окном. Но чаще оконная рама была небольшого размера, ее решетчатые переплеты затягивались промасленной бумагой. Освещенность через окна была недостаточной, внутри помещения всегда царил полумрак.

Внутреннее обустройство обязательно обуславливалось устройством очага, совмещенного с отопительной системой (*кан*) и нар, идущих вдоль трех стен. Очаг делался из глины в виде печи квадратной формы. Сверху в печь вмазывался полусферический чугунный котел большой емкости. Дымовая труба от очага шла по периметру стен, располагаясь под нарами. Из дома она выводилась в высокую трубу дуплистого дерева, находящегося на некотором расстоянии от дома.

Нары ставились по трем сторонам. Для их установки в землю вбивались столбики, на них клались перекладины. Поверх перекладин площадь покрывали тесом. Тесом облицовывались и стены. Нары с тесовыми спинками обогревались канами. Поверх дерева стелили камышовые циновки, шкуры зверей. В зимнее время обитатели жилища спали, сидели на подогреваемых нарах.

Исследователи культур народов Амура и Сахалина отмечали, что такого типа дома возводились силами нескольких родственных семей. В процессе строительства, обустройства жилища соблюдались опреде-

ленные правила и предписания. Заготовку глины, травы, замес ее выполняли только мужчины и подростки. Обмазку жилища должны были делать только женщины. Завершение работы по строительству сопровождалось специальным угощением для всех участников.

Дома этого типа тщательно и пышно украшались резьбой и росписью. Внутренние и внешние столбы покрывались резным орнаментом растительного и зооморфного характера. Сюжеты орнаментации брались из легенд, преданий, чтимых образов из народных верований.

Распорядок жизни семей в доме был строго регламентирован. Нары по отдельным частям имели свои конкретные наименования и предназначение. Священной, особой частью нар была их средняя часть, у нанайцев ее называют *мало*. На этом месте обязательно ставили "фаню" умершего родителя, здесь же совершались культовые ритуалы. Справа от входа было место хозяина дома и его супруги. На противоположной стороне размещались старые, пожилые люди. Дети также имели свои места и не могли находиться вместе со взрослыми. Если в доме жило несколько братьев со своими семьями, то каждая семья имела строго закрепленные за ней нары. Важным для распорядка в доме было и его деление на две части или половины: мужскую и женскую.

На мужской половине обычно проходили мужские собрания, на которых обсуждались дела охотничьего промысла, общеродовые заботы и интересы. В период беременности женщине запрещалось проходить на мужскую половину дома.

Типичной мебелью дома были столы в виде длинных полок. На них складывали хозяйственный инвентарь, съестные припасы. Столы эти богато орнаментировались резьбой, росписью. Над ними помещали полку с деревянными крюками для подвешивания мягкой рухляди, одежды, рыбьих кож, мехов и других вещей.

Над спинками нар к стенам обычно подвешивали полки, на которых женщины в орнаментированных берестяных коробках хранили свои вещи. Для посуды, кухонной утвари над очагом также имелась специальная полка. Помимо очага для обогрева жилища в центре помещения стоял треножник с подвешенным к нему котлом. В котле постоянно тлели угли, и домочадцы и гости нередко грелись у такой жаровни. Здесь же всегда стоял чайник с чаем и можно было при необходимости испить горячего напитка. Спали, ели, делали работу, принимали гостей на нарах.

До прихода русских дома освещались жаровнями. В каменную или деревянную "плошку" наливался рыбий жир или жир зверей. Фитиль делали из волокон крапивы. В конце XIX в. дома стали освещать керосиновыми лампами. Каждый обитатель дома имел свою постель, состоящую из матраца, подушки, одеяла. Подушка имела цилиндрическую форму, в чехол вкладывался рулон туго свернутой ткани. Чехол богато орнаментировался вышивкой, аппликацией из цветных кусочков ткани, рыбьей кожи. Матрац набивали ватой или шерстью. Одеяло красочно расшивалось вышивкой, аппликацией. Постель на день свертывалась в рулон. Возле своего места домочадцы держали личные вещи. У женщин имелись берестяные коробки с укра-

шениями, рукоделием, трафаретами для узоров. Мужчины в изголовье постели держали охотничьи ножи, а дети игрушки.

Только в культуре нивхов отмечено бытование свайного каркасно-срубного жилища, которым они пользовались в летний период. Л. И. Шренк считал, что данный тип жилища был необходим нивхам по климатическим условиям. Влажный климат, разливы Амура, морские наводнения на побережье п-ова Сахалин обусловили строительство таких сезонных жилищ.⁴⁸ Свайный дом имел в длину от 12 до 15 м, в плане прямоугольной формы, строился из бревен (рис. 19). На площадке прямоугольной формы вкапывали два ряда столбов высотой до 2 м. На них клали продольные бревна, на которые делали настил. На настиле сооружалась прямоугольная постройка с двухскатной крышей, состоящая из двух отделений. Первое отделение служило хозяйственной частью для хранения рыбных припасов, домашней утвари. Поднимались в летник при помощи приставной лестницы из одного бревна с зарубками. Лето нивхи предпочитали жить в таких свайных жилищах. Вокруг летника обычно располагались вешалы для вяления рыбы, свайные лабазы для продуктов. Подобно нивхским свайные жилища сезонного характера на летний период имели место в культуре ульчей. Нанайцы свайные постройки (лабазы) использовали в качестве строений хозяйственного назначения. В них хранились припасы, домашняя утварь. Стоит заметить, что свайные постройки жилого и хозяйственного назначения у народов Амура составляют особый пласт их культуры. По мнению Ю. Сема, возникновение этого типа строений относится к глубокой древности и генетически связано с культурными пластами предков тунгусского и палеоазиатского народов Восточной Сибири и Дальнего Востока.⁴⁹ Однако свайные строения, как известно, отмечены и в культуре угорских народов, а именно у хантов и манси.

Небезынтересно отметить, что свайные строения народов Амурского бассейна, Сахалина находились прежде не только в личной, но и общественной, родовой собственности. Они различались по конструкциям, способам украшений, назначениям. У нанайцев, как отмечает Ю. Сем, имелись амбары для хранения съестных припасов, содержания собак, амбар для ценностей, таежный.⁵⁰ Свайные амбары входили в усадебный комплекс семьи на стойбищах, в селениях, имелись на местах охотничьего промысла. Ценности в них хранились немалые. Например, нанайцы вдали от дома обязательно ставили "таежный" амбар. В нем в определенном порядке хранили вещи для охоты: "подстилки, лыжные палки, котомки, копыя, луки, стрелы, самострелы, колчаны, котлы, ружья, охотничью одежду".⁵¹ Кроме того, в специальных сундуках находились одежда, орудия соболиного промысла, связки носиков и коготков ценных убитых зверей.

Большинство видов традиционных жилищ народов Амура и Саха-

⁴⁸ Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. С. 105.

⁴⁹ Сем Ю. А. Нанайцы. С. 72.

⁵⁰ Там же. С. 72—73.

⁵¹ Там же. С. 74.

Рис. 19. Свайное жилище нивхов. (МАЭ, № И 197-5).

лина в настоящее время уже исчезло. В то же время сохранилась тенденция использования сезонных, летних жилищ на местах промыслов, в оленеводстве. В частности, нивхи и поныне предпочитают на местах лова рыбы жить в полусферических или двухскатных шалашах.⁵² Последний тип жилища — конический чум нередко можно встретить в современных усадебных комплексах. Но функционально они чаще используются в качестве складского помещения, летней кухни.

Особую группу жилищ народов Сибири составляли в одном случае лодки-илимки у кетов, в другом — нартяной чум у долган.

У кетов средствами водного передвижения служили долбленные челноки-однодеревки, дощатые лодки и илимки.⁵³ Илимка — это большая лодка длиной до 15 м, с крытым помещением на борту (рис. 20). Этот тип лодки был известен не всем кетам, а имел место только у подкаменнотунгусских и елогуйских групп. Во время летних кочевек кеты пользовались в основном водными путями, передвигаясь в лодках. На илимке сооружали жилище типа шалаша в форме рассеченного цилиндра. Каркас его делался из черемуховых прутьев. На него уходило не менее 10—14 пар, которые попарно связывались вверх. По верху и боковым сторонам крепились горизонтально идущие

⁵² Таксами Ч. М. Нивхи. Л., 1967. С. 163—164.

⁵³ Это название было дано местным русским населением. Возможно, производное от слова *илым* — приволочка, малый неводок. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 2. С. 41. В кетском языке лодка-илимка называется *асель*.

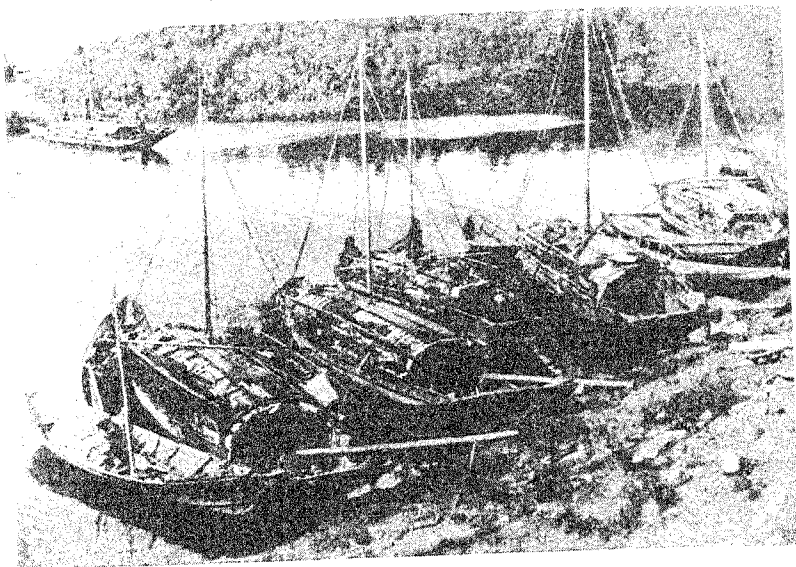

Рис. 20. Жилище кетов. Лодка-илимка. (МАЭ, № 1227-91).

прутья. Плетеный каркас покрывался полотнищами из бересты, специально выделанной и сшитой. Помещение внутри делилось на две части: передняя — жилье, задняя — склад. На середине илимки устанавливалась длинная мачта, с трезубцем и выпелом. Большая грузоподъемность в сочетании с наличием жилища позволяла семьям кетов комфортно жить в лодке в период промысла рыбы. В ней же они хранили рыболовные принадлежности, просушивали сети. В движение илимка приводилась однолопастными веслами, при ветре ставили парус. Чаше применялась тяга бичевой, вдоль берега лодку тянули люди, собаки.

Исследователь культуры кетов Е. А. Алексеенко отмечала, что помимо основных жилищ, чума и землянки, у кетов имелись временные, сооружавшиеся семьями на промысловых угодьях.⁵⁴ К их числу относятся шалаши из прутьев. Их создавали на местах промысла рыбы, на прибрежных песчаных косах. Лодка-илимка с установленным на ней жилищем является культурным феноменом кетского народа. Тандем средства транспортного передвижения и жилища на территории Сибири отмечен только у кетов. По-видимому, оправданно впечатление этнографов, считавших, что внешне илимка с крытым жильем на ней и мачтой напоминала китайский сампан.⁵⁵

Основными занятиями долган являлись оленеводство, охота, час-

⁵⁴ Алексеенко Е. А. Кеты. С. 103—105.

⁵⁵ Народы Сибири. М. ; Л., 1953. С. 693.

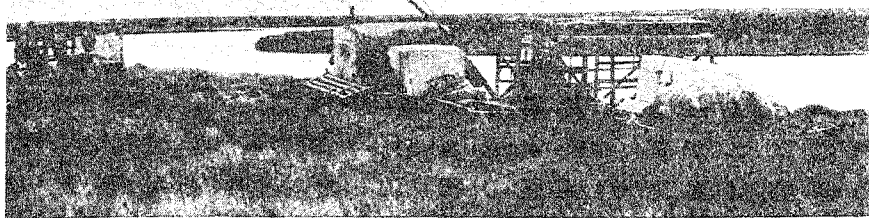

Рис. 21. Балки. Зимнее жилище на берегу р. Авам. Долганы, нганасаны. 1972 г. (МАЭ, № 2003-198).

тично и рыболовство. При кочевом образе жизни долганы пользовались в основном коническим чумом, *голомо* (разновидность чума), и балаганом. Под влиянием русских в XIX в. долганы приобщились к весьма своеобразному типу жилища — нартяному чуму (*болók*).⁵⁶ Оно представляло собой дом на полозьях, каркас которого делался из тонких реек. Остов обтягивался ситцем, сверху теплой покрывшкой, сшитой из оленьих шкур и парусины (рис. 21). В доме имелись окна, двери, железная печь. В зависимости от размера семьи жилище имело в длину от 3 до 9 м, в ширину около 2 м. Внутри помещения ставилась дощатая лежанка (кровать) достаточно широкая, чтобы на ней можно было лежать поперек. В больших балках помещались стол, табуреты, полки для посуды. А. А. Попов считал, что этот тип зимнего кочевого жилища у долган является замечательным изобретением для севера.⁵⁷ В экстремальных климатических условиях семье не требовалось устанавливать жилище, его удобно было перевозить на оленях, в нем хорошо сохранялось тепло. Детей во время переездов перевозили в теплом доме.

Жилище народов Сибири в историческом плане может быть оценено как уникальное, являющееся достижением этносов, обладавших в прошлом (частично ныне) своеобразием своих традиционных культур.

Народам Сибири были присущи самобытные жилища, обусловленные их хозяйственно-культурным типом, средой обитания и взаимосвязанные с ними. Климатические условия, географическая среда, по мнению А. А. Попова, оказывали большое влияние на конструкцию и архитектурные формы жилища. Так, архитектурная форма жилища типа "конический шалаш" (чум) представлена в культуре оленеводов (кочевников), охотников, рыболовов и оседлых скотово-

⁵⁶ Болók в одном из значений у В. Даля описан так: "зимняя повозка, крытые сани или кибитка; дорожные сани с болочком, верхом, будкой, беседкой" (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 110*).

⁵⁷ Попов А. А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган // Сибирский этногр. сборник. М. ; Л., 1960. Вып. 1. С. 170.

дов. Истоки, генезис этой формы жилища, скорее всего, могут быть связаны со стадийными этапами развития.

Конструкция, строительные материалы, эксплуатация жилого пространства, ориентировка, интерьер регламентировались в культурах этнической традицией, отступление от которой допускалось в основном на социальной и адаптационной основе.

Типы конструкции жилищ народов Сибири, представленные в различных формах (полусферические, прямоугольные, конические и др.), пройдя долгий исторический путь бытования в традиционных культурах этих народов, не ушли в прошлое и в конце XX в. При экстремальных ситуациях в наше время, например во время разрушительного землетрясения в Армении и других регионах ближнего зарубежья, использование каркасного жилища, крытого войлоком (юрта), явилось единственным вариантом для проживания пострадавших семей.

На покрытие жилищ в зависимости от хозяйственной деятельности, среды обитания шли различные материалы: береста, шкуры животных, войлок, дерн, кора и др. Способы их добывания, крепления, изготовления основывались на традиционных, народных технологиях, доступных каждому индивиду. Постройка жилища являлась заботой семейно-родственного коллектива, гарантировавшего каждой вновь создаваемой малой семье собственное жилье.

Эксплуатация жилого пространства носила черты жесткого рационализма, межпоколенного опыта обживания. Защита жилища от холода, ветров, снега и т. д. осуществлялась не только изнутри различными типами очага. Происходило это и за счет расположения жилищ в географически благоприятных местах (под горой, с подветренной стороны и т. д.), соответствующих конструктивных приемов — тип крыш, двускатные коридоры перед входом и др. Единое жилое пространство имело строгое деление по половозрастному принципу расположения предметов труда и обихода. Строгая регламентация поведения членов семьи обязывала придерживаться установленного традицией порядка перемещения и нахождения в помещении. В жилище семьи не было хаоса, беспорядка, жизнь шла по строго заведенным правилам, создавая нормальный, бесконфликтный способ проживания.

Этика поведения членов семьи, обычаи гостеприимства позволяли в чумах, ярангах, юртах и других типах жилищ проводить различные торжества и празднества (рождение ребенка, моление огню, свадьба и т. д.). Традиционное жилище у народов Сибири помимо тривиального имело и сакральное значение. Жилище входило в систему космогонических представлений о мироздании, являясь его составной частью, наделялось связью с верхним и средним мирами.

Традиционные жилища нередко аккумулировали значение храма, молельни, места погребения. В интерьер обязательно входила культовая иконография, скульптура, реквизит, соотносимые по месту расположения с чистым, священным, жизнедающим началом.

Судьба традиционных жилищ в конце XX в. неоднозначна. Многие их типы, особенно у жителей приморской культуры (чукчи, эс-

кимосы) и материковой зоны проживания (юкагиры), Амура, давно и безвозвратно утрачены. Многие народы, в основном угорские, тюркские (Южная Сибирь, Саяно-Алтай), не только возвращают в быт свои традиционные жилища, но и придают им ныне функциональные назначения. В Горной Шории восстанавливаются улусные усадьбы (*кезек*) для туризма (особенно иностранного). В Республиках Тува, Горный Алтай в юртах размещают рестораны, дома свадеб.

Сохранение древних обычаев, обрядов, промыслов дает основание прогнозировать бытование и возрождение некоторых типов традиционных жилищ народов Сибири в XXI в.

Е. А. Михайлова

Хозяйство народов Северной Сибири

На рубеже XIX—XX вв. на территории Северной Сибири существовало несколько культурно-хозяйственных типов, обусловленных особенностями культурно-исторического развития народов, уровнем их социально-экономического развития и тесно связанных с комплексом природных, климатических и ландшафтных условий. Типы хозяйственного освоения этнических территорий складывались в разные, значительно отстоящие друг от друга исторические периоды (от неолита до XVIII—XIX вв.) и относились к качественно различным типам экономики — присваивающим и производящим формам хозяйственной деятельности.

Хозяйство большинства народов Сибири, населявших огромные пространства тайги, примыкающие к ней районы лесотундры и в меньшей степени тундру, а также морское побережье, до начала XX в. сохраняя традиционный набор видов промыслово-хозяйственной деятельности — охота, морской зверобойный промысел, рыболовство, собирательство, — являло собой пример экономики присваивающего типа. Преимущественное развитие того или иного вида промысловой деятельности позволяет выделить несколько культурно-хозяйственных типов: рыболовы бассейнов крупных рек, арктические охотники на морского зверя, охотники и рыболовы тайги и тундры, охотники-оленьеводы тайги.¹

Рыболовство как надежный и постоянный источник пищи могло существовать на весьма ограниченных территориях со специфическими экологическими условиями, которым отвечали бассейны крупных сибирских рек. Ведущая роль рыболовства в комплексном промысловом хозяйстве была характерна для части хантов и манси, живших по Оби и по низовьям ее притоков — Казыма, Сосвы, Ваха, Юга-

¹ *Левин М. Г.* К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщ. Ин-та этногр. 1947. Вып. 2; *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Сов. этнография. 1975. № 4.

на, Агана и др. Основным направлением хозяйственной деятельности рыболовство было и у населения низовьев Амура и Амгуни: амурских нивхов, нанайцев, ульчей и орочей, низовых негидальцев, а также у юкагиров и чуванцев, живших в верховьях Анадыря и по рекам Большой и Малой Анюи. Типичными речными рыболовами были и ительмены. В рамках комплексного хозяйства всех этих народов круглогодичное рыболовство (с обязательным периодом подледного лова рыбы) повсеместно сочеталось с сезонными занятиями охотой и собирательством (рис. 1), морским зверобойным промыслом (у нивхов, ульчей, негидальцев, ительменов). Транспортным животным у рыболовов, как правило, была собака. Уже в конце XIX в. промысловая деятельность рыболовов в значительной степени определялась элементами товарных отношений, такими как необходимость добычи и продажи пушнины, отловом рыбы для русских рыбопромышленников и т. п.

С экологией арктического и северотихоокеанского побережий связано существование особого культурно-хозяйственного типа. В его основе лежал развитый морской зверобойный промысел, на котором в течение как минимум двух последних тысячелетий базировалась экономика приморского населения Крайнего Северо-Востока Азии. При этом уже на рубеже нашей эры древние зверобои добывали те же виды морских млекопитающих (китов, моржей, тюленей), что и охотники начала XX в.² Носителями этого древнейшего типа хозяйственной деятельности были эскимосы. Процессы общественного разделения труда, проходившие на Крайнем Северо-Востоке Азии с середины XVIII в., привели к специализации на морском промысле и части прибрежного чукотского населения. Характерной чертой хозяйства азиатских эскимосов и приморских чукчей являлось комплексное использование природных ресурсов. Основу их жизнеобеспечения составляла добыча нескольких видов морских животных — китов, моржей, нерпы, дополнявшаяся рыболовством, охотой на сухопутных животных, птиц, сбором яиц, морских водорослей и моллюсков, диких растений. В экономике приморского населения большую роль играл также традиционный обмен продуктами производства с чукчами-оленоводами. Промысел моржа был широко распространен от Анадырского залива до мыса Шмидта (по-чукотски — Рыркайпьян, что значит "место закрытия прохода моржам").³ Китобойный промысел был развит в районе пролива Беринга, залива Св. Лаврентия, Мечигменской губы, мыса Чаплина, а также на юго-западном побережье Чукотки. Охотились на гренландских китов, а в районе Мечигменской губы — на серых. Промысел белухи имел хозяйственное значение только в Наукане и Уэлене. Исключительно важную роль практически повсеместно играл промысел нерпы (акибы — се-

² Крупник И. И. Традиционный морской промысел азиатских эскимосов: (Размеры, эффективность, нагрузка на промысловые популяции) // Тихоокеанский науч. конгр. Хабаровск, авг. 1979 г. Секц. 3: Этнокультурные проблемы изучения народов Тихоокеанского региона: Тез. докл. М., 1979. Т. 2. С. 88.

³ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей М.; Л., 1965. С. 25.

Рис. 1. Зимний подледный лов рыбы. Нивхи. (МАЗ, № 1268-182).

рой нерпы, крылатки — полосатой нерпы, ларги — пестрой нерпы) и лахтака, поскольку именно эти животные, которых добывали в течение всего года, снабжали население свежим мясом, жиром для освещения и отопления, шкурами.

Пожалуй, наибольшее распространение в Северной Сибири получил тип комплексного хозяйства с приоритетным развитием охоты, сочетавшейся с другими отраслями промыслового комплекса и транспортным оленеводством, характерный для северных (курейских) и левобережных (елогуйских, сургутских и др.) кетов, северных и туруханских селькупов, эвенков и эвенов (за исключением оседлого населения Охотского побережья и эвенков-скотоводов Южного Забайкалья), хантов и манси, живших в верховьях рек бассейна Оби, сахалинских ороков, лесных ненцев и некоторых других. В основе этого широко распространенного хозяйственно-культурного типа с его многочисленными локальными и этническими вариантами лежит древняя культура пеших охотников (рис. 2) и рыболовов с присущим ей отсутствием выраженной специализации хозяйства. Этот наиболее древний на территории Северной Сибири хозяйственно-культурный тип до наших дней сохранился у южных групп кетов и селькупов, а также у удэгейцев.⁴ То же можно сказать и о юкагирах, энцах и нганасанах, которые, несмотря на развитие у них производительного

⁴ Алексеев Е. А. Промысловая культура коренного населения Туруханского региона // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 57.

Рис. 2. Пеший охотник-селькуп. (МАЗ, № И1177-74).

оленоводства в конце XIX—в начале XX в., были все еще тесно связаны с культурой пеших охотников на дикого оленя.⁵

В комплексном хозяйстве как пеших, так и оленных охотников и рыболовов ведущее место занимал охотничий промысел. При этом

⁵ Грачева Г. Н. Некоторые черты хозяйственной деятельности народностей севера Средней Сибири в прошлом и настоящем // Там же. С. 111.

преимущественное значение для внутреннего потребления имела круглогодичная охота на крупных копытных, основными из которых были дикий олень и лось, а в районах Забайкалья изюбр и кабарга. Добыча этих животных обеспечивала население основными продуктами питания, материалом для пошива одежды, покрытия жилищ. Большим подспорьем в питании был промысел водоплавающей и боровой птицы. Рыболовство носило сезонный характер.

За три столетия вхождения Сибири в Российское государство под воздействием российской экономики и при усиливавшемся влиянии торгового капитала элементы рыночных отношений довольно прочно вошли в традиционное хозяйство. Это нарушило существовавшее в традиционном хозяйственном комплексе равновесие между отдельными натуральными областями. Приоритетным направлением становится пушная охота, в условиях натурального хозяйства носившая ограниченный характер. Охота на крупных копытных, сохраняясь для внутреннего употребления как основной источник мясной пищи, отступает на второй план; за счет сезона пушной охоты сокращается время, отведенное для подсобных промыслов. В начале XX в. благополучие многих коренных народов во многом определялось успехами пушного промысла и возможностью обменять пушнину на необходимые в быту товары. Товарное направление охотничьей деятельности стимулировалось необходимостью закупки получившего повсеместное распространение огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, возросшей ролью в рационе питания ряда покупных товаров и некоторыми другими менее существенными факторами.

Главными объектами пушного промысла в начале XX в. были песец в тундре и белка в таежных и лесотундровых районах. Попутно добывали также горностая, лисицу, куницу, выдру, росомуху, рысь, бобра и др. Добыча соболя к концу XIX в. стала настолько редкой, что считалась среди охотников чрезвычайной удачей.

Экологические условия преимущественно лесной местности, доминирование охотничье-рыболоводческого уклада определяли развитие оленеводства в качестве обслуживающей промысловое хозяйство отрасли, призванной интенсифицировать охоту. Развитие транспортного оленеводства не меняло в корне хозяйственного уклада промысловиков, а оказывалось в значительной степени приспособленным к нему, особенно у тех народов и этнических групп, у которых еще живо сохранялись черты хозяйственно-культурного типа пеших охотников и рыболовов. Так, например, у северных кетов и селькупов вольный летний выпас оленей с применением дымокуров являлся наиболее удобной формой оленеводства, позволявшей летом свободно заниматься ловлей рыбы и заготовкой продукции на зиму. Таким же образом некоторые из ставших в XX в. многооленными подкаменно-тунгусских эвенков на лето отпускали стада оленей в открытые моховые пространства и оставляли их там без присмотра, а сами с наибольшим количеством выючных оленей кочевали у рек, занимаясь главным образом рыболовством.⁶ У этих групп оленеводство не

⁶ Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969. С. 76.

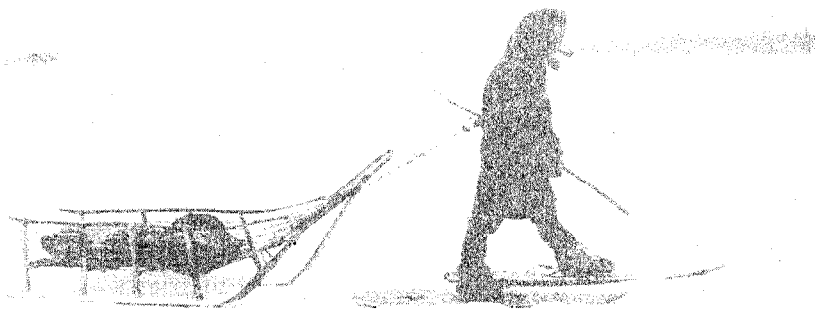

Рис. 3. Пеший охотник-кет с волокушей. (МАЭ, № И1268-89).

воспринималось как нечто обязательное, без чего невозможна хозяйственная деятельность. У кетов и селькупов повсеместно рядом с оленными были безоленные семьи, ручная охотничья нарта и волокуша (рис. 3) сосуществовали рядом с оленными нартами. Характерной чертой транспортного оленеводства было ограниченное использование оленей: олени зачастую применялись только для перевозки грузов, люди кочевали пешком, охота осуществлялась также пешком или на лыжах в зависимости от сезона. В целом оленеводство тем лучше вписывалось в промысловое хозяйство, чем меньшее значение в нем имело рыболовство, требовавшее определенной, сезонной по крайней мере оседлости, и чем больше была роль круглогодичной охоты, с которой связывался подвижный образ жизни. Поэтому наиболее совершенные формы кочевой охотничьей культуры были свойственны классическим оленным охотникам-эвенкам, традиционное промысловое хозяйство которых базировалось практически полностью на круглогодичной добыче лося и отчасти нерегулярной добыче дикого северного оленя, а роль рыболовства сводилась к минимуму.⁷

На рубеже веков пушная охота в условиях значительного опустошения угодий требовала интенсивных перекочевов в поисках добычи, все более широкого охвата территорий, выхода в отдаленные угодья, не освоенные другими охотниками. Существовала синхронная связь между развитием пушного промысла, становлением его на прочную товарную основу и увеличением оленьих стад, что объяснялось явной зависимостью успехов пушного промысла от степени обеспечения охотников достаточным количеством оленей. Процессы имущественного расслоения, характерные для всех коренных народов Сибири на

⁷ Василевич Г. М. Эвенки. С. 78; Карлов В. В. Эвенки в XVII—начале XX в.: (Хозяйство и социальная структура). М., 1982. С. 8.

рубеже XIX—XX вв., привели к сосредоточению в отдельных хозяйствах большого количества оленей, явно превышавшего потребности и возможности промыслового комплексного хозяйственно-культурного типа. Несмотря на это, заложенная в оленеводстве предпосылка к переходу от присваивающих к производящим формам хозяйства в таежных районах не могла быть реализована, поскольку их экологические условия не могли обеспечить выпаса стад, размеры которых были бы достаточны для постоянного и уверенного обеспечения хозяйства мясом и шкурами домашних оленей. Сильны были и традиции ориентированной на охоту культуры. Даже богатые оленеводы Якутского края, владельцы тысячных стад, летом вместе с малооленистыми тунгусами отправлялись в горы на промысел лося и заготавливали его мясо впрок.⁸ Крупные оленеводы у эвенков, имевшие возможность благодаря неограниченному обеспечению транспортом посещать все торговые ярмарки, даже наиболее удаленные, и не имевшие возможности из-за необходимости выпастить крупные стада оленей вести промысловое хозяйство, специализировались на торговом посредничестве.⁹

Промысловое хозяйство народов Северной Сибири, включавшее комплекс взаимодействующих отраслей натурального и товарного направлений, обеспечивало наиболее полное освоение природных ресурсов окружающей среды. Комплексный характер хозяйства, владение разнообразными навыками промысловой деятельности давали возможность сравнительно легко переключаться с одного вида занятий на другой при отсутствии зверя, рыбы или потере оленей. Огромное многообразие известных к XX в. этнических и региональных вариантов конкретных форм эксплуатации природных ресурсов свидетельствует о динамичности и гибкости комбинированного охотничье-рыболоводческо-оленьеводческого хозяйства, способности к быстрым в нем изменениям в своеобразных социально-исторических или природных условиях.

Появление в тундровых районах Евразии продуктивной формы хозяйственной деятельности — кочевого скотоводства, ставшее значительным рубежом в истории культуры аборигенов Крайнего Севера, — явление сравнительно недавнего прошлого. В течение весьма короткого времени (XVIII—XIX вв.) в северосибирской тундре произошла радикальная перестройка структуры связи аборигенного населения со средой обитания. За этот период здесь последовательно сменили друг друга три различные системы жизнеобеспечения — мобильных охотников и рыболовов с транспортным вспомогательным оленеводством, кочевых охотников с транспортным крупностадным оленеводством, высокоспециализированных кочевников-оленьеводов.¹⁰ По мере отмирания старых комплексных форм экономики и появления

⁸ Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Тр. Восточно-сибирского отдела Русского геогр. об-ва. Иркутск, 1898. С. 146.

⁹ Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны средней Сибири в конце XIX—начале XX в. Иркутск, 1990. С. 117.

¹⁰ Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 161.

Рис. 4. Пастухи-чукчи выбирают оленей для убоя. (МАЗ, № И1454-447).

новых, основанных на специализации, складывались и местные рынки обмена. Так, на северо-востоке в сферу активных обменных отношений были вовлечены оседлые и оленные чукчи и коряки, эскимосы.

Крупнотадное оленеводство как высокоспециализированный тип хозяйства с середины XVIII в. практиковалось ненцами, оленными чукчами-чаучу и коряками-чавчувенами. При этом наиболее специализированная модель тундрового оленеводства в конце XIX—начале XX в. была распространена на западе и крайнем востоке Евразии, у европейских и западносибирских ненцев и оленных чукчей, осваивавших пространства Чаунской, Анюйской и Колымо-Индигирской низменности.¹¹ Чукотско-корякское и ненецкое оленеводство, сложившись независимо и различаясь в некоторых деталях, имели тем не менее много общего (рис. 4). Для этого хозяйственно-культурного типа характерно преобладание крупнотадного потребительского оленеводства, постоянно кочевой образ жизни, большая площадь пастбищ и протяженные маршруты кочевания с закономерным последовательным чередованием сезонно используемых угодий-пастбищ. В пределах своих угодий оленеводы совершали регулярные, ежегодно повторяющиеся миграции. В равнинной части арктических тундр эти миграции имели обычно меридиональное направление: весной от границы леса на севере, часто с выходом на морское побережье, а осенью — на юг в обратном направлении. Крупнотадное оленеводство в его развитых формах отличалось высокой степенью регулирования, выраженного в круглогодичном и постоянном окарауливании стада, контроле за его половозрастным составом, селекционной работе и т. д.

В системе природопользования всех этих народов охота на диких оленей, игравшая прежде ведущую роль, постепенно отошла на вто-

¹¹ Там же. С. 86.

рой план, а у европейских ненцев, коряков и большей части чукчей к концу XIX в. она практически исчезла, поскольку с ростом численности домашних оленей численность диких резко сократилась. У оленных чукчей, особенно у северных и северо-восточных групп, кочевавших вблизи побережья Северного Ледовитого океана, вторым по важности занятием был морской зверобойный промысел. Рыболовство имело несравненно меньшее значение. Важной статьей рациона была растительная пища, что поднимало роль собирательства. Особенностью хозяйства ненцев была сравнительно высокая доля рыболовства, которое поддерживало в течение всего года существование малоимущих семей. Напротив, морской промысел был развит слабо и велся ради товарной, а не потребительской продукции. Исключением в этом отношении являлось полусоседное население побережья Югорского п-ова, о-вов Вайгач и Новая Земля. Роль растительной пищи, а следовательно, и собирательства в жизни ненцев была минимальной. В целом же для культурно-хозяйственного типа оленеводов тундры характерна одна общая тенденция — с увеличением числа собственных оленей в хозяйственном комплексе резко сокращалась роль охоты, рыболовства, морского зверобойного промысла за счет все более узкой специализации на оленеводстве. В этом отношении можно говорить о значительно более полноценном использовании ресурсов природной среды, свойственном культурно-хозяйственным типам с комплексным промысловым хозяйством.

В течение XVIII—XIX вв. в качестве заимствованной формы хозяйственной деятельности оленеводство тундрового типа появляется также у энцев, со второй половины XIX в. — у северных (средне- и нижнетазовских) селькупов, обдорских и частично куноватских хантов, тундровых юкагиров, с рубежа XIX—XX вв. — у северных якутов, нганасан, долган. Свойственные этим народам комплексные формы природопользования, сочетавшие мелкостадное натуральное оленеводство с морским зверобойным промыслом (чукчи, коряки, ненцы островов и побережья Баренцева моря, северной части Ямала, ороки северного Сахалина) или охотой на диких оленей (основная часть нганасан, тундровых энцев, северных селькупов, эвенков, якутов, тундровых юкагиров), можно рассматривать как некие промежуточные формы жизнеобеспечения между пешими охотниками на диких оленей и специализированными кочевниками-оленеводами.

Ограниченный объем статьи не позволяет остановиться более подробно на существовавшей региональной специфике способов хозяйствования отдельных территориально и экологически обособленных групп этносов, осваивающих локальные районы Северной Сибири. Что касается таких видов хозяйственной деятельности, как земледелие, огородничество, животноводство, птицеводство, они в целом не были характерны для коренных народов Севера, хотя в ограниченных размерах и примитивной форме присутствовали в районах с сильным влиянием русского населения. Так, березовские, васюганские, иртышские ханты, кондинские, сосвинские и обские манси имели в очень небольшом количестве коров, овец, домашнюю птицу. Держали и лошадей, которыми пользовались только зимой, а летом оставляли

пасть без надзора. Зачатки земледелия у обских угров существовали и до прихода русских. Сеяли они главным образом ячмень, поля обрабатывали мотыгой, колосья вырывали руками и, не зная молотбы, обжигали их.¹² На левых притоках Ангары и Илима, в верховьях Лены, в местностях, смежных с русскими поселениями, некоторые семьи эвенков, потерявших оленей, перенимали у соседей навыки ведения сельского хозяйства. Они приобретали лошадь, корову, разводили огороды, а иногда раскорчевывали в тайге небольшие участки и распахивали их под посевы.¹³ Тесные связи с русским населением привели к тому, что во второй половине XIX в. во всех поселениях ительменов имелись небольшие огороды с посевами картофеля, капусты, репы, а также лошади и крупный рогатый скот. В первых десятилетиях XX в. сельскохозяйственные отрасли занимали в жизни ительменов весьма значительное место.¹⁴

Охота. Очень большая территория расселения народов Сибири, различные географические условия и определенные ими границы распространения тех или иных видов диких животных и птиц обусловили большое разнообразие объектов охоты. В сибирской тайге обитали лось, медведь, соболь, заяц, белка, россомаха, колонок, выдра, бобр, бурундук, лисица, куница, хорек. Для таежной зоны были характерны олень, песец и горноста́й, а для горных районов с гольцовыми участками на восток от Байкала — олень, кабарга, косуля, изюбр, табарган, горный и снежный бараны. Из всего разнообразия птичьего мира объектами охоты служили в основном гусь и утка, куропатка и глухарь. К концу XIX в. универсальное значение в качестве орудия активной охоты имело повсеместно огнестрельное оружие, хотя в некоторых районах (у нганасан, некоторых групп эвенков, хантов, манси, на Нижнем Амуре) вплоть до начала XX в. sporadически отмечалось использование лука и стрел. У эвенков и тунгусоязычных народов Нижнего Амура в начале XX в. еще хорошо сохранялся и широко использовался самострел. Из давящих ловушек известны были слопцы, кулемки, пасти; из ущемляющих — черкан, кляпца и капкан. Капканы получили особенно широкое распространение на Севере в полосе лесотундры и тундры.

Промысел крупных копытных животных осуществлялся в форме индивидуальной и коллективной охоты. Основные способы активной индивидуальной охоты — охота скрадом и гоним. При зимней охоте скрадом часто применялся деревянный щиток на полозьях, внешнюю сторону которого для маскировки покрывали слоем снега. В центре щитка имелось отверстие для дула огнестрельного оружия. Прячась за щитком, охотник мог подкрасться к преследуемому животному на достаточно близкое расстояние (рис. 5). Такой способ охоты был распространен у нганасан, долган, эвенков, северных кетов. Эвенки сооружали засады (или помосты) для специальной весенней охоты за пантами. Охота гоним по насту на лыжах, характерная для хантов и

¹² Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 581.

¹³ Василевич Г. М. Эвенки. С. 90.

¹⁴ История и культура ительменов. Л., 1990. С. 45.

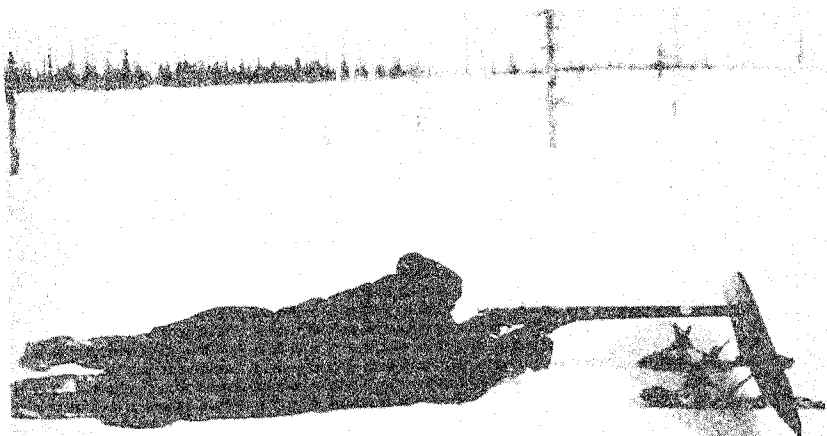

Рис. 5. Охота на дикого оленя. Ненцы. (МАЭ, № И1177-131).

манси, удэгейцев и других тунгусоязычных народов Нижнего Амура, кетов, долган, эвенов и эвенков, практиковалась в весенний и осенний периоды. У эвенков весенний промысел оленя и лося гоньбой по насту считался охотой легкой и особенно продуктивной.¹⁵ Долганы загоняли добычу на оленьей нарте.¹⁶ Осень была временем активного ружейного промысла. Селькупы, эвенки на Нижней Тунгуске, верхнеколымские юкагиры подстерегали оленей и лосей на водопойных и миграционных тропах, где настораживали на них самострелы (рис. 6). Одним из архаических способов охоты на оленя является охота с прирученным оленем-манщиком, известная нганасанам, долганам, верхнеколымским юкагирам, применялся этот способ иногда и нижнетунгусскими эвенками. Проводилась эта охота осенью, в период гона у диких оленей. Оленя-манщика на длинном ремне выпускали в стадо диких оленей и подманивали их к охотнику или, прячась за манщиком, охотник имел возможность близко подойти к диким оленям. Эвенки, негидальцы, ороки во время гона подманивали изюбра, кабаргу, косулю с помощью звукоподражательного манка. Пассивные способы промысла крупных копытных получили меньшее распространение и сводились главным образом к установке на тропах петель (верхнеленские и амурские эвенки, верхнеколымские юкагиры) и сооружению ловчих ям (кеты, ханты, манси) (рис. 7).

¹⁵ Туров М. Г. Хозяйство эвенков... С. 48.

¹⁶ Попов А. А. Охота и рыболовство у долган // Сб. памяти В. Г. Богораза. М.; Л., 1937. С. 159.

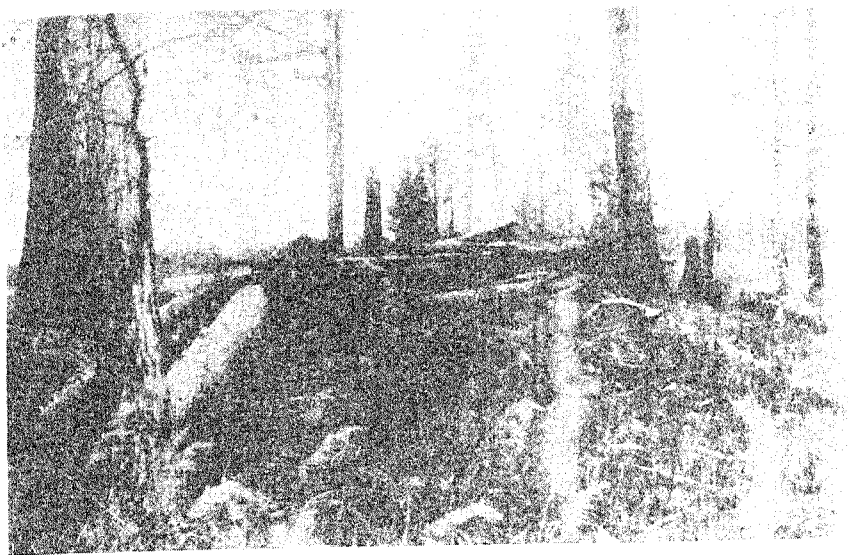

Рис. 6. Ловушка для изюбря. Орочны. (МАЭ, № И1529-49).

Рис. 7. Изгородь и ямы на лося. Эвенки. (МАЭ, № И1470-8).

Основную часть круглогодичной добычи дикого оленя приносил коллективный промысел: загонные охоты и охота на водных переправах. Эти способы охоты, направленные на получение максимального количества продукции в сравнительно непродолжительное время, особенно характерны для народов арктической зоны.¹⁷ Загонная охота на дикого оленя летом и зимой была распространена у нганасан, для чего делались специальные сооружения в виде направляющих аллей, позволявшие собирать стадо животных в нужном для охотников месте. Летом оленей часто загоняли в небольшие озера, зимой облавная охота проводилась на гладком льду. В ясные зимние дни в определенных известных местах практиковалась нганасанами и облавная охота с сетями.¹⁸ Коллективная охота на водных переправах ("поколки", "плави"), приуроченная ко времени весенней и осенней массовой миграции диких оленей, имела огромное значение в хозяйстве нганасан, долган, тундровых и анадырских юкагиров.

Охота на пушных животных повсеместно была индивидуальной. Сезон пушной охоты был достаточно продолжительным и длился с первого снега до первых весенних оттепелей, обычно с небольшим перерывом в середине зимы. Для районов тундры, где основным объектом охоты был песец, попутно с которым добывали горностая и лис, более характерна пассивная охота с помощью различных ловушек — главным образом пастей, кулем и капканов. У нганасан, тундровых юкагиров, ненцев практиковалось и осенняя ружейная охота, во время которой животных загоняли по насту на нарте. Промысел белки в первую очередь был связан с активной ружейной охотой, помощницей в которой была собака. У эвенков Нижний и Подкаменной Тунгусок, хантов и манси на Вахе и Югане была распространена охота на белку с плашками и черканами. Соболя, охота на которого сохранялась в низовьях Амура, промыслили петлями, устанавливаемыми на бревнах, переброшенных через реки, а с началом зимнего охотничьего сезона — с помощью сетки-вентиря и самострелов, а также, как и других пушных животных, различных ловушек давящего типа.¹⁹ Охота на водоплавающую и боровую дичь велась попутно с другими промыслами, как правило интенсифицируясь ранней весной, когда ощущался недостаток в пище, а также осенью в период линьки птиц, когда появлялась возможность, организовав коллективную охоту, сравнительно легко получить значительную добычу. Весной перелетную птицу добывали с помощью огнестрельного оружия, боровую птицу — в основном силками, петлями. Охота силками на куропаток была особенно характерна для селькупов. Наиболее эффективны способы массовой добычи линных гусей и уток сетями, практиковавшиеся у всех народов (рис. 8).

Морской зверобойный промысел. Время охоты на моржей и китов совпадало со временем их весенних и осенних миграций вдоль

¹⁷ Крупник И. И. Арктическая этноэкология, С. 201.

¹⁸ Попов А. А. Нганасаны. М.; Л., 1948. С. 31—38.

¹⁹ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984. С. 94—95.

Рис. 8. Охота на гусей с сетью. Нганасаны. (МАЗ, № И1058-71).

северного побережья Тихого океана. Охота велась на плаву, с байдар или вельботов, по открытой воде, часто при наличии дрейфующего льда. Способы охоты на моржей на открытой воде были практически теми же, что при охоте на кита, но моржовый промысел не требовал такого большого количества охотников, достаточно было одной байдарной общины. Животное необходимо было не только застрелить, но и загарпунить, чтобы привязанные к линю гарпуна поплавки не давали туше затонуть. С появлением огнестрельного оружия гарпун утратил свою функцию основной убойной силы, но как вспомогательное орудие использовался обязательно, кроме того, к концу XIX в. во многих поселках появились китобойные ружья, гарпуны с бомбами.

В большом количестве добывали моржей осенью на лежбищах. Этот способ охоты практиковался до 50-х гг. нашего века, когда были приняты определенные природоохранные меры, запрещавшие этот вид промысла. В традиционном морском промысле на лежбищах огнестрельного оружия никогда не употребляли, а кололи моржей копьями, чтобы не распугивать животных. Тюленей промыслили круглый год. Способы охоты на нерпу и лахтака в основном одинаковы. Поздней осенью, с приходом первого льда, и зимой тюленей добывали на открытой воде: у разводий, на кромке припая, а затем на дрейфующем за кромкой припая льду (рис. 9). Выбрав удобное место, охотник настораживал на сошках ружье и караулил зверя. Нерпу стреляли в голову, убитое животное подтягивали специальным орудием с крючками, привязанным к длинному ремню, или крюком на длинном древке. Добывали нерпу и на припае, подстерегая животное у лунок-отдушин. Лунки, обычно скрытые под холмиками снега, находили специально обученные собаки. Существовали способы промысла нерпы сетями, ставившимися в лунки. Вертикально поставленной сетью ловили нерпу осенью и зимой. Весной, когда нерпа вылезала на лед погреться на солнце, в лунках устанавливали горизонтально меш-

Рис. 9. Осенняя морская охота с берега. Эскимосы. (МАЗ, № И115-67).

кообразные сети, в которые нерпа попадала, ныряя со льда в прощину. В небольшом количестве промыслили тюленей и на открытой воде в теплое время года.

Промысел крупных морских млекопитающих носил коллективный характер, тюленей добывали индивидуально.

Орудия, средства и приемы морского зверобойного промысла эскимосов и приморских чукчей идентичны, а у коряков северо-западного побережья Охотского моря и Пенжинской губы в некоторых деталях отличаются. Коряки, в частности, перегораживали сетями приустьевые протоки рек, куда вслед за рыбой заходили тюлени, а на морских мысах ставили большие прочные сети, которыми добывали лахтак и белух.

Специфическая особенность морского зверобойного промысла в качестве подсобного занятия — отсутствие комплекса специализированных орудий промысла, использование приспособленных орудий более общего назначения, охота преимущественно с берега. Так, ненцы и некоторые северные ханты-оленьеводы, кочевавшие вместе с ненцами, охотились на нерпу, лахтак и гренландского тюленя весной, когда животные выходили на лед, подкрадываясь к ним с уже описанной скрадной доской. На Канинском п-ове, в Большеземельской тундре и на Ямале ненцы иногда выходили и в море на больших деревянных лодках. Тюленей, моржей, белух они били из ружья и подхватывали из воды крюками.²⁰ Весенняя охота на нерпу скрадом по льду практиковалась и оседлыми эвенками Охотского побережья. Эвены и эвенки стреляли в нерпу и из засады на берегу, подстерегали живот-

²⁰ Хомич Л. В. Ненцы. М. ; Л., 1966. С. 77.

ных с ружьем на отмелях и речных пляжах, били палками-дубинами на лежбищах и на припае, преградив доступ к воде. Эвенками практиковался также своеобразный способ "ужения" нерпы с лодки или с берега на обоюдоострую иглу из голени медведя, привязанную к линю из нескольких связанных между собой маутов.²¹ Определенное исключение в этом отношении представляли нивхи, у которых морской промысел с древних времен играл весьма существенную роль. Для добычи нерпы, морского льва, белухи они применяли специализированное оружие — длинный плавной гарпун, коллективная охота была связана с выходом в море, выездом на дальние острова и лежбища.²² Гарпуны, снабженные поплавками, длинные остроги для морской охоты были известны также ульчам, орочам, орокам. В отличие от них у удэгейцев северного побережья Татарского пролива морской зверобойный промысел был развит слабо, они, в частности, не знали морских лодок и паруса и далеко от берега не могли отходить.

Рыболовство. В бассейне Оби и Иртыша известны такие ценные породы рыб, как осетр, стерлядь, муксун, сырок, нельма, таймень, а на притоках промысловое значение имели окунь, ерш, щука, карась, ясь и др. Главной промысловой рыбой на Амуре были проходные лососи — в первую очередь кета и горбуша, существенное значение имела также добыча осетровых — калуги, осетра и др. Ловили здесь также щуку, сома, сазана, амура, ленка, муксуна.

У народов Западной Сибири, в хозяйстве которых рыболовство играло ведущую или по крайней мере существенную роль, определяющее значение имели заборные способы добычи рыбы. Так, например, у хантов и манси зафиксировано более 200 вариантов способов лова рыбы с применением заборов. Одни способы основывались на перегораживании ручья, протоки или речки гибкими щитами из древесных планок, которые образовывали камеру — котец (рис. 10), откуда рыбу просто вычерпывали сачками. Другие предусматривали установку ловушки — морды, верши, саiba, важана — в проходе между стенками запора.²³ Котцовый отлов рыбы имел решающее значение и в хозяйстве кетов, поскольку именно при этом способе получали максимальный улов, дававший возможность заготавливать рыбную продукцию впрок.²⁴ Известны были и сетные орудия лова — пушальни (ставные сети), неводы, применявшиеся и самостоятельно и в комбинации с заборным рыболовством — для вылова рыбы в огороженной части акватории. Неводный лов рыбы получил особое распространение там, где продукция рыболовства приобретала товарное значение. Так, у курейских кетов по мере повышения товарного значения рыбного промысла неводный лов выступил на первое место, а традиционные способы котцовой добычи рыбы были забыты.²⁵ Ши-

²¹ Василевич Г. М. Эвенки. С. 70.

²² Таксами Ч. М., Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975. С. 26—29.

²³ Лукина Н. В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири. С. 124.

²⁴ Алексеенко Е. А. Кеты. Л., 1967. С. 60.

²⁵ Алексеенко Е. А. Промысловая культура... С. 63.

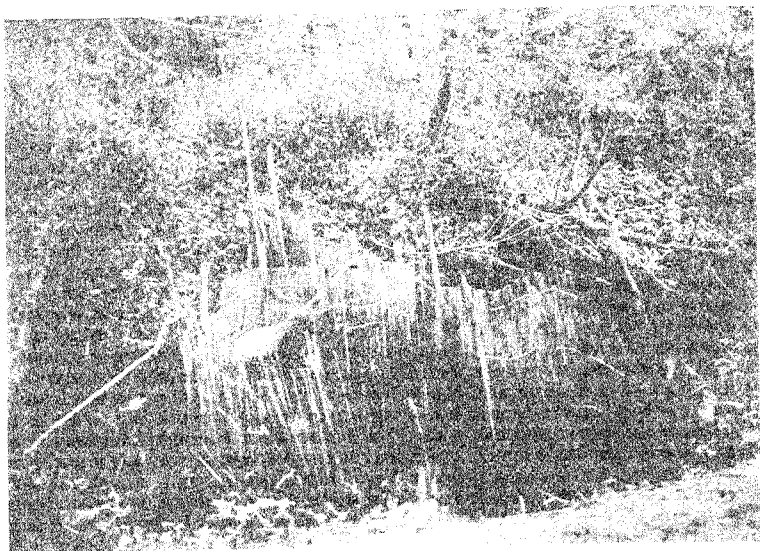

Рис. 10. Котец для ловли ельца. Кеты. (МАЭ, № И1268-17).

роко распространены были и другие орудия рыбной ловли — удочки, спицы, крюки, блесны, остроги, лук со стрелами и др.

Основные орудия рыболовства у ненцев — неводы, ставные сети, переметы и запоры, частично заимствованные у русского населения, а на Оби — у хантов.²⁶ У нганасан орудиями рыболовства служили костяные спицы, железные крючки и сети.²⁷ Для эвенков в целом были характерны древние "охотничьи" способы добычи рыбы — по-колки и стрельба из лука на перекатах во время нерестового хода рыбы. В тех случаях, когда стоянки эвенков располагались вблизи рыбных рек, практиковалась и добыча "жирующей" в ямах рыбы ловушками — мордами и вершами, удочками.²⁸ Основные орудия рыболовства эвенков — древние общетунгусские крючковые снасти.²⁹ Юкагиры при массовом ходе рыбы добывали ее баграми и крючьями, употреблялись и сети из конского волоса, заимствованные у якутов, заездки в горных реках, крючковые снасти.

Оседлые коряки, южные группы чукчей, ительмены в устьях рек ловили рыбу неводами, дальше вверх по течению — с помощью деревянных запоров со вставленными в места соединения двух загоронок мордами и вентилями.³⁰ На небольших реках сооружали на перека-

²⁶ Хомич Л. В. Ненцы. С. 78.

²⁷ Попов А. А. Нганасаны. С. 45.

²⁸ Туров М. Г. Хозяйство эвенков... С. 67.

²⁹ Попова У. Г. Эвенки... С. 105.

³⁰ Тюшов В. Н. По западному берегу Камчатки // Зап. Русск. геогр. общества. 1906. Т. 37, вып. 2. С. 20; Вдовин И. С. Вагские чукчи // Сибирский этногр. сборник. М., 1962. Вып. 4. С. 155—159.

Рис. 11. Старинный запор. Ительмены. (МАЭ, № И1366-9).

тах запоры из камня в виде двух стенок, одна из которых имела проход (рис. 11). Когда между запорами скапливалось достаточное количество рыбы, отверстие перекрывали, а рыбу вылавливали с помощью крючьев, острог или просто руками. Это, видимо, один из древнейших способов лова лососевых.³¹ Запорное рыболовство было особенно характерно для ительменов, которые именно этим способом вылавливали большую часть рыбы.³² Широко бытовал марик (шесть с отделяющимся крючком), употреблявшийся во время рунного хода рыбы, различного рода сачки. Морское рыболовство эскимосов, чукчей и коряков заметно отличалось от речного промысла. Здесь использовались короткие сети, ставившиеся с берега при помощи длинного шеста.

Характерной чертой рыболовства у народов Нижнего Амура был преимущественно сетный лов рыбы. Повсеместное распространение имели сетные орудия лова проходных лососей: плавные и ставные (мешкообразные или четырехугольной формы) сети, невода, а также заездки, основной частью которых были сетные ловушки. Широко применялись также различные крюки, гарпуны, удочки-махалки и т. п.³³ Остроги для добычи рыбы применяли все народы Нижнего Амура и Сахалина, однако наиболее развит этот лов был у нанайцев, орочей, удэгейцев, расселенных преимущественно на притоках и мелких речках с быстрым течением, где лов сетями часто был невозможен. В конце XIX в. коренные жители позаимствовали у русских рыбаков крючковые снасти и переметы.³⁴

³¹ Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. М., 1985. С. 98.

³² История и культура ительменов. С. 41

³³ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство... С. 32

³⁴ Там же. С. 37.

Собирательство. У многих народов существенным подспорьем в хозяйстве был сбор съедобных корней и других частей дикоросов, ягод, орехов и т. п. Пожалуй, наибольшее значение растительная пища имела в рационе питания палеоазиатов. Эскимосам, например, было известно более тридцати дикорастущих съедобных растений. Их молодые побеги, листья, цветы, корни служили прекрасной приправой к мясной пище. Некоторые из растений съедались непосредственно после сбора в свежем виде, сырыми, но и, что особенно важно, их умели запастись на зиму в квашеном, сушеном, мороженом виде.

Из морской растительной пищи наибольшей популярностью пользовалась морская капуста. Морские водоросли, а также моллюсков употребляли в пищу и нивхи. Удэгейцы, жившие на юге, на морском побережье, собирали морскую капусту, трепангов, ягоды. Сбор женьшеня в хозяйстве удэгейцев имел сугубо товарное значение. В отличие от окружающего палеоазиатского населения собирательство эвенов было "подножным" и осуществлялось по необходимости не только летом, но и в другие сезоны. Заготовок на зиму они не делали.³⁵ Такого же рода собирательство было характерно и для эвенков, за исключением ангаро-ленской, забайкальской и верхнеамурской групп, где была распространена заготовка на зиму сараны.³⁶

Оленеводство. Транспортное оленеводство, несмотря на подсобный, в некоторой степени подчиненный характер этой отрасли, было несомненно важной составляющей производственной культуры этноса и имело свое самостоятельное значение. Многообразие известных к XX в. этнических, региональных, локальных вариантов мелкостадного оленеводства значительно затрудняет обобщение этого огромного, зачастую мало исследованного и достаточно пестрого материала.

Нартенное транспортное оленеводство северных кетов, туруханских и верхнетазовских селькупов, лесных ненцев, энцев, северных и восточных хантов, северных манси, западных (сымских, тазовских, туруханских) эвенов в целом отличалось следующими особенностями. Средний размер стада был небольшим — 10—20 голов, в исключительных случаях до 100 голов. Несколько большие по размеру стада были у эвенков, самые маленькие — у манси на Вахе и Агане. В качестве транспортного средства оленей использовали только зимой для перекочки семьи в пределах промыслового участка. Разработанного цикла кочевки не было, зимние передвижения определялись главным образом интересами пушного промысла и отчасти подледного рыболовства, учитывалась при этом, конечно, и потребность оленей в корме. Олени практически круглогодично находились на вольном выпасе без присмотра специальных пастухов, в определенные периоды по необходимости применялись приспособления для ограничения подвижности оленей — пуги, колодки. Способы содержания оленей в теплое время года близки к эвенкийскому оленеводству в целом. Забота о стаде лежала в основном на женщинах и сводилась к сооружению огорода для содержания важенок и телят в период оте-

³⁵ Попова У. Г. Эвены... С. 58—59.

³⁶ Василевич Г. М. Эвенки. С. 89.

Рис. 12. Олений сарай. Кеты. (МАЗ, № И1268-4).

ла и сразу же после него, навесов (иногда сараев) для защиты от солнца и дымокуров от комаров (рис. 12). Иногда практиковалось и объединение стад под присмотром специально выделенных пастухов, что давало возможность большинству трудоспособных членов семей свободно заниматься промысловой деятельностью, в первую очередь рыболовством. Оленеводство эвенков на этом фоне отличалось сохранением тунгусских традиций доения важенок, осеннего забоя небольшой части стада на мясо. У манси оленеводство, по своей ориентации близкое к ненецкому, развивалось там, где была возможность летом перегонять оленей на Урал.³⁷

Различия между двумя типами оленеводства у эвенков, выделенными Г. М. Василевич и условно названными ею "эвенкийским" и "орочонским", к рубежу веков были во многом нивелированы под воздействием развивавшегося пушного промысла. Оленеводческое хозяйство всех групп оленных эвенков Средней Сибири по таким показателям, как размер стада, отношение к оленю и уход за ним, развивалось по направлению к общей стандартной форме.³⁸ Понятие об оптимальном размере стада определялось общей ориентацией хозяйства на интенсивный пушной промысел. Источники XIX—XX вв. от-

³⁷ Алексеев Е. А.: 1) Кеты. С. 65-68; 2) Промысловая культура... С. 60; Лукина Н. В. Культурные традиции... С. 125; Прокофьев Г. Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 100.

³⁸ Туров М. Г. Хозяйство эвенков... С. 85.

мечают, что самые малочисленные хозяйства эвенков располагали стадами в 10—15 голов, тогда как у большей части "бродячих" охотников размеры стада составляли в среднем 25—30 голов.³⁹ Возрастание численности стад сняло ограничения использования оленей только под вьюк, более широкое распространение получило свойственное в прошлом только ороочонам вьючно-верховое оленеводство. Характер и сезонные особенности промысловой деятельности достаточно гибко сочетались с потребностями оленеводства в передвижении по соответствующим сезонам пастбищам и определяли годовой хозяйственный цикл. Вольный зимний выпас оленей соответствовал условиям оседлого зимнего местообитания охотников. До начала отела кочевание обеспечивало продолжение весенних заготовок пушнины и весенних массовых заготовок мяса копытных во время охоты гоном по насту. Период оседлой жизни весной совпадал со временем отела. С появлением комаров начиналось летнее кочевание, связанное в большой степени с охотой и другими видами промысловой деятельности, при котором оленей удерживали сооружением дымокуров. Со второй половины лета начиналось кочевание в обратном направлении в сторону зимних стойбищ, характер использования оленей определялся потребностями промысла копытных, а затем и начинающимся сезоном пушной охоты. Практиковавшийся в эвенкийском оленеводстве небольшой осенний забой оленей (обычно нескольких старых быков, яловых важенок) можно рассматривать не столько с точки зрения характеристики продуктивного направления оленеводства, сколько как необходимую селекционную работу, направленную на поддержание оптимального количественного и качественного состава стада.⁴⁰ Близкий к эвенкийскому тип транспортного оленеводства существовал также в комплексном хозяйстве эвенов и негидальцев верхнего течения Амгуни.

Чукотско-камчатский тип крупностадного производительного оленеводства отличался от ненецкого типа деталями годового рабочего цикла хозяйства, некоторыми приемами выпаса оленей, что объяснялось прежде всего спецификой пастбищных территорий. Флора Чукотки и Камчатки по сравнению с флорой Северо-Западной Сибири более богатая, однако северо-восточные тундры изрезаны горными хребтами, что лимитирует численность стад, определяет направление сезонных кочевок, ритм движения, способы окарауливания. Животные в течение всего года выпасались под охраной пастухов, зачастую круглосуточно. В этой работе было занято все мужское трудоспособное население стойбища. Чукчи и коряки окарауливали стадо пешком (рис. 13), ненцы — на нартах, используя оленегонную собаку. В среднем на каждое хозяйство ненцев и чукчей приходилось по 180—250 оленей⁴¹ при значительном колебании реальной численности оленей в собственности отдельных семей от нескольких десятков до нескольких тысяч голов.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 82.

⁴¹ Крупник И. И. Арктическая этноэкология. С. 96.

Рис. 13. Пастух с арканом. Чукчи. (МАЭ, № И1454-617).

Направление сезонных кочевок зависело от условий региона. С выпадением первого снега и началом зимнего сезона чукчи и коряки выпасали оленей на восточных склонах пологих сопок с неглубоким снегом и хорошими ягельниками. Ненцы-оленьеводы зиму проводили у границы лесов, где олени, укрытые от холодных зимних ветров, без особого труда добывали себе корм из-под рыхлого снега. Кочевки совершались по мере уничтожения оленями кормовых запасов вокруг стойбища. В начале весеннего периода проводилась корализация, т. е. отбивка готовых к отелу важенков в отдельный табун. Затем основное и плодовое стадо двигались отдельно. Для отела выбирали закрытые от ветров районы с богатыми и легко доступными кормами. Соединялись стада только после отела. Во время летнего цикла кочевания стада уходили в горы или передвигались к побережью океана, где было более прохладно и ветренно, что в определенной степени обеспечивало защиту от комаров. Основу питания животных в летний сезон составляли молодые листья ивового кустарника, богатые протеином и минеральными веществами, травы. Главным фактором летнего выпаса было правильное сочетание режима кормежки и водопоя. По утверждениям оленеводов, даже один не вовремя проведенный водопой в течение всего лета приводил тому, что к осени олени не набирали нужного веса и плохо переносили зиму. Смену пастбищ пастухи строили таким образом, чтобы стадо необходимое число раз переходило через речки. Региональные различия в летнем выпасе сос-

тояли в том, что в прибрежной полосе использовался морской водопой и организм оленей получал гораздо больший запас минеральных веществ, чем во внутренних районах. После возвращения с летних маршрутов происходил основной забой оленей на мясо. В чукотско-корякском оленеводстве практиковались два осенних забоя, несколько разнесенных по времени, что позволяло получать от оленей шкуры разного качества: сначала более тонкие для пошива одежды, затем более толстые и прочные для пошива некоторых видов зимней одежды, а главным образом для обтяжки яранг, изготовления пологов, постелей. До начала гона, падавшего на осенний период, проводилась кастрация оленей (рис. 14), которая была наряду с выборочным забоем оленей одним из основных методов селекционной работы в стаде. Качественный и количественный состав стада, соотношение в нем определенных половозрастных категорий оленей строго контролировались.

В целом производственные традиции, связанные с оленеводством, охотой, рыболовством, включают в себя целый комплекс рациональных знаний, базирующихся на огромном, накопленном веками коллективном и индивидуальном опыте. Занятие промысловой деятельностью требовало хороших знаний физико-географических особенностей местности, метеорологии, биологии животных и рыб, их повадок и многого другого. Выбор орудий рыболовного промысла зависел от характера эксплуатируемых водоемов (озеро, река с той или иной скоростью течения воды, лиман с частыми и интенсивными приливами и отливами и т. д.), их берегов (пологие, обрывистые). Рыбак должен был учитывать, какие места предпочитают рыбы тех или иных пород в разные периоды (сезоны года, время суток) в зависимости от погодных условий (дождь, шторм, ветер того или иного направления), состояния водоемов, уровня воды, метеорологических условий и т. п.⁴² Охотникам были свойственны особое чувство местности, расстояния, умение ориентироваться даже в темноте.⁴³ Усвоив естественные закономерности поведения животных, они на основе приобретенных знаний выработали охотничьи навыки, рациональные приемы выслеживания зверя, доведя свое охотничье искусство до совершенства. Так, например, для проведения облавных охот на оленей охотники должны были не только знать основные пути прохода оленей, но и учитывать особенности поведения животных в различные сезоны года, инстинкт стадности копытных, инстинкты ориентирования, пищевые и оборонительные рефлексы, наличие потенциальных вожakov в стаде и т. п. Без этих знаний, без навыков управления дикими оленями для их сбора и подгона к определенному месту были бы невозможны не только достаточно сложно организованные коллективные охоты,⁴⁴ но и развитие оленеводства. Оленеводы виртуозно владели всеми тонкостями управления стадом домашних оленей, основанного на прекрасном знании экологии северного

⁴² Смоляк А. В. Традиционное хозяйство... С. 32.

⁴³ Алексеев Е. А. Промысловая культура... С. 78.

⁴⁴ Грачева Г. Н. Некоторые черты... С. 100.

Рис. 14. Кастрация оленей. Чукчи. (МАЭ, № И1454-600).

олени, структуры и иерархии стада в различные периоды года, половозрастных особенностей поведения оленей. Для успешного ведения оленеводческого хозяйства необходим был и комплекс знаний, связанных с технологией выпаса стад оленей, с практическими представлениями о принципах пастбищеоборота и рационального использования пастбищ. Опытные пастухи, до мельчайших подробностей знавшие "географию" осваиваемых их хозяйством тундр и гор, особенности каждого пастбища и водопоя, прекрасно ориентировались и в метеорологии, определяя по различным приметам погодные особенности предстоящего сезона, что позволяло им точно рассчитывать направление, темп и ритм движения стада, режим выпаса оленей.⁴⁵

Процессы ускоренного развития и интеграции традиционных отраслей северного хозяйства в экономическую, политическую и социальную системы советского периода, происходившие интенсивно главным образом во второй половине XX в., кардинально не изменили характера традиционных хозяйственных занятий и трудовой ориентации большинства народов Северной Сибири. Несмотря на происшедшие за это время огромные изменения в организации труда и техническом оснащении традиционных отраслей хозяйства, не утратили своего значения народные традиции производственной деятельности, опыт и навыки, связанные с промысловым и кочевым образом жизни, организацией быта и т. п.

⁴⁵ Кись Р. Я., Лебедев В. В. Некоторые аспекты изучения традиционного оленеводства Чукотки // Полевые исслед. Ин-та этнографии. 1978. М., 1980. С. 123—124.

Рис. 15. Кеты-охотники с пушниной. (МАЭ, № И1875-292).

Комплекс хозяйственных занятий, включающий рыболовство, охоту (рис. 15), оленеводство (с ведущей ролью рыболовства), до сегодняшнего дня остается основным родом деятельности значительной части восточных хантов и манси, работающих в рыболовецких участках совхозов, промыслово-охотничьих отделениях кооперативных звероводческо-промысловых хозяйств, на рыбоперерабатывающих комбинатах и заводах.⁴⁶ Немаловажную роль в успехах рыбоводческой отрасли современного хозяйства Западной Сибири несомненно играют и производственные традиции исконных рыболовов, какими являются ханты и манси (рис. 16). Рыболовство получило дальнейшее развитие и в таких традиционно связанных с культурно-хозяйственным комплексом рыболовов регионах, как Приамурье и Сахалин, побережье Чукотки и Камчатки. Здесь существуют крупные рыбоводческие хозяйства, в которых развиваются и другие отрасли — оленеводство, земледелие, животноводство, но доходы от вылова рыбы составляют основную статью бюджета. Некоторые колхозы Дальнего Востока являются крупными хозяйствами, имеющими свои промысловые суда, ведущими не только прибрежный, но и экспедиционный лов.⁴⁷

Промысловое и в первую очередь охотничье направление хозяйственной деятельности донные сохраняет свое значение в Туруханском

⁴⁶ Федорова Е. Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях манси // Культурные традиции народов Сибири. С. 139.

⁴⁷ Таксами Ч. М. Культурные традиции рыболовов и морских зверобоев Приамурья, Сахалина и Охотского побережья // Там же. С. 158.

Рис. 16. Неводное звено промысловой бригады отправляется на промысел.
(МАЭ, № И1734-19).

районе. Основу экономики существующих здесь государственных промысловых хозяйств повсеместно составляют охотничий промысел, рыболовство, сбор дикоросов — кедрового ореха, грибов, ягод. Основные объекты пушного промысла в Туруханском регионе — соболь, ондатра, белка. Ведущее место с 1960-х гг. и до сего времени занимает добыча соболя, широко употребляются при этом традиционные способы добычи, в частности сетью-обметом. Охота на крупных копытных — лося, дикого оленя имеет чисто потребительский характер и осуществляется на основе выдачи коренному населению льготных лицензий. При закреплении охотучастков за работниками промхозов из коренного населения стараются учитывать охотничьи "дороги", находившиеся в прошлом в наследственном пользовании нескольких поколений. В озерном рыболовстве применяют в основном неводный способ вылова рыбы, но на небольших реках до сих пор широко используются традиционные пущальни, котцы и самодельные морды.⁴⁸ Исконно малочисленное таежное оленеводство в период промхозной организации оказалось за пределами собственно промысловых интересов хозяйств и постепенно все более утрачивало свое хозяйственное значение. Но поскольку современные исследователи, изучающие возможности дальнейшей интенсификации хозяйства народов Севера и в особенности его охотничьих отраслей, одним из необходимых условий развития охотничьего промысла считают совершенствование

⁴⁸ Алексеев Е. А. Промысловая культура... С. 69.

транспортного оленеводства, перспективный план для Туруханского региона предусматривает усиление здесь и этого направления хозяйственной деятельности.⁴⁹ Пушной промысел, как правило, занимает второе по значению место в экономике современных крупных оленеводческих совхозов, промхозов в якутской тундре, на верхней Колыме. Так, например, успешно добывают пушнину юкагиры, работающие в Среднеканском коопзверопромхозе Магаданской области и в совхозе "Верхнеколымский" Якутской-Саха Республики. Соболя и горностая промышляют в основном с помощью черканов и капканов, песка — пастями, на белку ведется ружейная охота (рис. 17).⁵⁰ Таким образом, промысловые отрасли до сегодняшнего дня сохраняют значительный вес в экономике Крайнего Севера, а их качественный и количественные показатели во многом определяются производственными традициями коренных северных народов.⁵¹

Базовым направлением хозяйственной деятельности современных совхозов тундровых районов Сибири является сегодня оленеводство тундрового типа, развивающееся как крупная и высокодоходная отрасль хозяйства, имеющая продуктивное направление.

Этот тип хозяйственной ориентации распространился и в таежные районы Сибири. В местах расселения обских угров, таежных групп северных самодийцев созданы крупные оленеводческие совхозы, организация оленеводства в которых ведется в традициях и формах, характерных для крупностадного тундрового оленеводства. Таким образом, крупностадное оленеводство распространено сегодня практически у всех народов Сибири, за исключением кетов и восточных хантов. В районах, пограничных с тундровой зоной, а также в тех районах, где продолжают сохраняться традиции локальных оленеводческих систем, основную массу занятых в современном крупностадном оленеводстве составляют представители коренных национальностей. В других районах (Березовском, например) сохраняется традиционная ориентация местного населения на промысловые формы хозяйства, а оленеводством занимаются приезжие, прежде всего коми-ижемцы. Характерной чертой современного таежного оленеводства остается практически повсеместное сохранение таежной оленеводческой системы содержания оленей, находящихся в личной собственности и применяемых как транспорт в промысловой деятельности. Как отголосок таежной оленеводческой системы можно рассматривать и практикуемый в ряде совхозов выпас стад с частичным применением изгородей.⁵²

Крупностадное тундровое оленеводство чукотско-камчатского типа заимствовалось тунгусоязычным населением в ходе его передвижения на северо-восток и вхождения в тесные контакты с чукчами, чуванцами, коряками. У охотских же эвенков и эвенов практикуется

⁴⁹ Туров М. Г. Хозяйство эвенков... С. 86.

⁵⁰ Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 62.

⁵¹ Алексеев Е. А. Промысловая культура... С. 67.

⁵² Козьмин В. А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. С. 43—45.

Рис. 17. Насторожка черкана. Кеты. (МАЗ, № И1268-184).

иная форма выпаса оленей, которая сохранилась и получила развитие в советское время — выпас животных на огороженных участках с сооружением теневых навесов для защиты от солнца, который ныне широко практикуется в Охотском, Тугуро-Чумиканском и других районах Хабаровского края.⁵³

В силу специфических экологических условий Таймырского по-а путь развития хозяйства нганасан и долган сложился по-иному. Войдя в XX в. носителями культурно-хозяйственного типа крупнотадного тундрового оленеводства, эти народы сегодня успешно развивают промысловые направления хозяйства, главным из которых ныне является охота на дикого оленя. После установления советской власти из соображений интенсификации домашнего оленеводства и природоохранных мер были запрещены традиционно практикуемые коренным населением загонные охоты и поковки на водных переправах диких оленей. Уже в конце 50-х—60-х гг. разросшаяся таймырская популяция дикого оленя стала мешать развитию домашнего оленеводства. Проведенные исследования выявили необходимость восстановления традиционных способов охоты на дикого оленя. В 1971 г. на территории наиболее массовых миграций оленей был организован крупнейший в стране госпромхоз "Таймырский", ведущей отраслью которого стало промысловое использование растущей популяции дикого оленя, организованное с учетом хозяйственных традиций коренного населения, его промыслового опыта.⁵⁴

⁵³ *Спеваковский А. Б.* Традиционное в современной хозяйственной деятельности коренного населения севера Дальнего Востока // Там же. С. 206—207.

⁵⁴ *Грачева Г. Н.* Некоторые черты... С. 97, 102—103.

Оленеводство сегодня — наиболее рентабельная отрасль сельского хозяйства Крайнего Севера. Начавшее свое развитие в середине XVII в. и окончательно сформировавшееся к концу XIX в. крупнотадное тундровое оленеводство оказалось явлением культуры настолько идеально адаптированным к условиям арктических тундр, что и современное оленеводческое хозяйство практически в полной мере сохраняет присущие ему народные производственные традиции, а введенные инновации призваны не столько менять его суть, сколько обслуживать на ином техническом уровне уже существующую модель.

Л. Р. Павлинская

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО СИБИРИ. СУДЬБА ТРАДИЦИИ

Искусство, открывающее первую страницу истории человека, является собой то грандиозное здание, в строительстве которого каждый народ, каждая страна и каждый континент внесли свой собственный неповторимый вклад. Являясь одной из основных форм познания и освоения мира, концентрируя в себе духовный опыт и духовный потенциал человечества, искусство представляет собой тот вечный источник нравственной сути, без обращения к которому невозможно поступательное развитие общества. В преддверье XXI в. обращение к мировому искусству, и в частности к искусству народному, стало настоятельной необходимостью, позволяющей надеяться, что новое осмысление тысячелетнего духовного и творческого опыта поможет человечеству войти в следующее столетие нравственно обновленным.

Единство земной цивилизации во всем многообразии и многоликости ее этнических и национальных традиций было осознано человеком сравнительно недавно. Эпоха великих географических открытий положила начало объединению народов в единое население планеты. Однако потребовалось еще несколько веков, для того чтобы человечество не только осознало свое биологическое и духовное родство, но и уникальную ценность каждой культуры, ее особый вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Только в XIX в. Европа постигла и признала величие и мощь культур Востока, в начале XX в. полноправными членами цивилизации стали африканские культуры, несколько позднее был оценен вклад в мировую культуру американских индейцев. В конце XX в. на пороге всемирного признания оказалась культура народов Сибири, тот духовный и творческий опыт, который был накоплен народами, населявшими и населяющими этот обширный регион на протяжении многих тысячелетий.

К рубежу веков народы Сибири подошли с колоссальным художественным наследием и огромным творческим опытом, формирование которых происходило на протяжении многих тысячелетий. Однако

анализ этого наследия, оценка его роли в истории мировой культуры в настоящее время только начинаются. Одной из первостепенных задач и в возрождении национальных культур Сибири, и в изучении вклада сибирских народов в развитие земной цивилизации является обобщение и написание истории искусства народов этого региона. Несколькими поколениями отечественных ученых, археологов, этнографов, искусствоведов собран бесценный материал по искусству отдельных народов Сибири, отдельных культур и исторических периодов,¹ но цельной, единой картины истории развития народного искусства не только Сибири в целом, но и каждого из ее современных народов еще не создано. Развитие этого направления в науке является одной из важнейших задач, стоящих перед учеными и обществом накануне XXI в.

Настоящая статья ни в коей мере не преследует цель дать какое-либо обобщение материалов по искусству народов Сибири, тем более подвести какие-либо итоги его развития. Эта задача большого серьезного исследования. Здесь же представляется важным затронуть такую тему, как традиция, и рассмотреть развитие традиции в некоторых видах народного искусства, а также определить ее значение в формировании его национальной (этнической) специфики. Изучение механизмов развития и функционирования традиции, являющейся одной из основных сил, формирующих искусство и культуру, представляется сегодня достаточно актуальным, так как обобщения именно этого исторического опыта особенно не хватает человечеству в преддверье XXI в.

Традиционное искусство Сибири XIX в. охватывает практически все сферы жизни человека, будь то хозяйство, быт или обрядово-ритуальная деятельность. Оно пронизывает всю жизнедеятельность человека, заключая его в особый мир постоянного творчества — делает ли он орудия труда, строит ли жилище, шьет ли одежду, изготавливает ли домашнюю утварь или создает предметы культа. Неразделимость любого вида созидательной деятельности и процесса творчества в традиционных культурах лежит в основе синкретизма народного искусства, что создает определенную трудность при его классификации. Не вдаваясь здесь в проблему морфологии традиционного искусства Сибири XIX в., отмечу, что с точки зрения поставленной задачи, а имен-

¹ Перечислить все работы, в которых содержится материал по искусству народов Сибири даже только XIX в., не представляется возможным, он содержится в большинстве этнографических исследований по культурам Сибири. Остановимся лишь на трудах, посвященных непосредственно народному искусству этого региона: Иванов С. В.: 1) Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.; Л., 1954; 2) Орнамент народов Сибири как исторический источник: (По материалам XIX—начала XX в.). М.; Л., 1963; 3) Скульптура народов севера Сибири XIX—первой половины XX в. Л., 1970; 4) Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979; Горбунков А. Л.: 1) Художественный косторезный промысел на Чукотке // Сов. археология. 1936. № 6; 2) Искусство народов Обского Севера // Народное декоративное искусство РСФСР. М., 1957; Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974; Кочешков Н. В. Декоративно-прикладное искусство монголоязычных народов. М., 1981; Народное искусство Якутии / Автор-сост. М. В. Хабарова. Л., 1981.

но рассмотрения традиции и особенностей ее развития, в нем можно выделить две области, развивающиеся относительно самостоятельно,— это декоративно-прикладное и культовое искусство. В данной статье речь пойдет главным образом о традиции в декоративно-прикладном искусстве, имеющей свой особый характер развития, тесно связанный с формированием национальной специфики культуры.

Декоративно-прикладное искусство народов Сибири XIX в., вобравшее в себя, условно говоря, профанную сферу жизни и организующее пространство мира людей (жилище, костюм, утварь и т. д.), отражает мировоззрение народа через систему эстетических представлений, воплощенных в пластике формы, структуре композиции, цвете, орнаментальном ритме. При этом именно в эстетических представлениях наиболее четко и зримо аккумулируется этническое сознание народа и именно в декоративно-прикладном искусстве наиболее четко проявляется национальная специфика каждой культуры. Так, по мягким, округлым очертаниям объема уже издали узнается якутская ураса; четкая геометрическая разработка пространства костюма, построенная на сочетании разноцветных прямоугольных полос кожи, абсолютно точно указывает на нганасан; доминирующее сочетание в малице белого, красного и зеленого цветов безошибочно определит ненцев; а сухой геометрический орнамент, построенный на спокойном ритмическом сочетании треугольника, квадрата и ромба,— коряков (рис. 1).

Важнейшую роль в формировании национальной специфики декоративно-прикладного искусства играет технологическая традиция, обусловленная всем развитием материально-хозяйственной основы культуры. Именно материал и техника его обработки во многом определяют стилистический характер произведения искусства, наделяя его неповторимой художественной образностью. Так, один и тот же орнаментальный мотив в вышивке и меховой мозаике, в резьбе по дереву или кости, в металле будет нести в себе свой особый образно-эмоциональный смысл. В то же время каждая этническая культура имеет predisposition к определенным видам материала, что диктуется не только природно-географическими условиями среды обитания, но и особенностями этнической истории. Что же касается собственно технологии, то она представляет собой одну из самых консервативных традиций культуры, так как именно производственные навыки были одной из главных гарантий выживания человека. Поэтому их освоение и передача следующему поколению в условиях медленного развития техники, характерного для традиционных культур, составляло одно из наиболее ценных достояний этноса, которое не только бережно сохранялось, но и подвергалось жестокой сакрализации, что и обуславливало их этническую замкнутость. Вследствие этого каждая технологическая традиция обладает ярко выраженной этнической направленностью и в сплаве с художественно-образной участвует в создании национальной основы декоративно-прикладного искусства. Более того, именно технологическая традиция наименее подвержена инновациям и в силу этого обеспечивает устойчивость преемственности, в то время как художественно-образное содержание искусства,

Рис. 1. меховая одежда (парка). Олений мех. Анадырцы. XIX в. (МАЭ, № 290-1).

тесно связанное с идеологической и социальной сферами культуры, более активно меняет свои формы, отражая любые изменения в миропонимании и мироощущении народа.

Будучи непосредственно связанным с повседневной жизнью человека декоративно-прикладное искусство остро реагирует на любые ее изменения. Оно мобильно настолько, насколько подвержена изменениям жизнь данного этноса. Оно прочно сохраняет глубинные основы древнейших традиций, если не нарушается этногенетическая пре-

емственность культур, и охотно вбирает в себя элементы других традиций, если они подкреплены этнокультурными контактами. Отдельные виды декоративно-прикладного искусства легко умирают, если в силу исторических причин меняется жизненный уклад или мировоззрение народа, а стилистические особенности его могут развиваться и под влиянием отдаленных культур, если с ними существуют длительные торговые связи. Наиболее интенсивно заимствование отдельных элементов других художественных традиций происходит в контактных зонах. Поэтому если рассматривать народное искусство обширного региона, как например Сибири, народы которого тесно связаны общими их историческими судьбами, то оно будет представлять конгломерат ярких локальных пятен, интенсивность цвета которых убывает от центра к периферии, переходя на границе с другой культурой в смешанные тона. Ну и, конечно, искусство умирает с гибелью этноса или, что более характерно для истории культуры, прорастает в виде различных форм, сюжетов, приемов в этнически другом искусстве, если носители данной художественной традиции ассимилируются этим этносом. Более того, в живой ткани художественной традиции все эти процессы находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, которые, развиваясь во времени, и формируют национальную основу и специфику культуры.

Однако, несмотря на все превратности этнической истории, основной тенденцией в развитии народного искусства является преемственность традиций, сохраняющая в нем глубинные базисные основы и формирующая его непреходящую духовную и этническую ценность.

В декоративно-прикладном искусстве народов Сибири XIX в. имеются традиции, проходящие сквозь все этнические границы и восходящие к пластам древнейших культур региона. Одной из таких традиций является циркульный орнамент, известный в искусстве почти всех народов. Меняя свой стилистический характер в зависимости от материала и техники нанесения, он оформляет костяные пряслица и табакерки хантов, костяные накладки на луки седла эвенков и эвенов, существует в различных костяных изделиях и вышивке коряков, чукчей и эскимосов, в деревянной и костяной резьбе якутов и художественном металле бурят. Циркульный орнамент, генетически связанный не только с солярной символикой,² но и более широким кругом представлений о пространстве в целом,³ приходит в искусство народов XIX в. из глубокой древности. Его появление в Сибирском регионе относится к эпохе неолита, ко второй половине III—началу II тысячелетия до н. э.⁴ Важным представляется то, что в XIX в. циркульный орнамент в большинстве культур преобладает на изделиях из кости, т. е. в том самом материале, в котором он зарождается в неолитическую эпоху. Эта сюжетно-образная и технологическая пре-

² Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 465—466

³ Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст : Семантика и структура. М., 1983. С. 259.

⁴ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 242.

емственность позволяет говорить о сохранении в декоративно-прикладном искусстве народов Сибири XIX в. генетических истоков культур древнейшего населения региона. Широкое бытование циркульного орнамента в XIX в. свидетельствует о поразительной стойкости художественной традиции, а также раскрывает особенности формирования национальных основ культуры, которые складываются, как показывает материал, на протяжении многих поколений и в отдельных своих элементах оказываются значительно древнее, чем сами носители и создатели данной художественной традиции.

То же самое можно сказать в отношении многих орнаментальных мотивов, в частности геометрических, возникновение которых восходит к первым шагам творческой деятельности человека. Самые ранние памятники относятся к эпохе верхнего палеолита — периоду зарождения искусства и становления художественно-образного мышления, давшего человеку возможность постигнуть вселенную и осознать себя ее органической частью. Важнейшим феноменом палеолитического искусства явилось возникновение монументальных форм — наскальной живописи и рисунка, отразивших уникальный скачок в развитии мировоззрения — выход человека из прагматического мира трудовой деятельности, удовлетворяющей биологические потребности, в мир макрокосма, вызывающего и стимулирующего развитие духа.

Жизнь космоса во времени была в представлении человека неразрывно связана с движением, ритмически повторяющимся и ритмически пульсирующим. Ритм выступал основной мерой в организации пространства и времени, расчленяя их и соединяя в единый пространственно-временной континуум.⁵ Выражением ритма в пространстве и времени в первую очередь явился орнамент. Сначала простой и робкий, состоящий из параллельных и пересекающихся линий, уже в палеолите он получает мощный внутренний импульс к развитию, заполняя в дальнейшем все жизненное пространство человека (жилище, костюм, утварь, оружие и т. д.), являясь знаком постигнутого и освоенного пространства, символом мира людей. Это внутренняя, скрытая семантика орнамента сохраняется в искусстве на протяжении всей его истории, вплоть до наших дней.

Особенно бурное развитие получает орнамент в эпоху неолита и бронзы, выделяя и оформляя реальный, бытовой мир человека системой знаковой символики и тем самым включая его в космический мир вселенной. Эта важнейшая функция орнамента определила его необходимую устойчивость в культурной традиции, его всеохватывающую роль в народном декоративно-прикладном искусстве.

Отдельные элементы орнамента, такие как квадрат, ромб, треугольник, круг, восходящие к неолитической традиции, известны в искусстве всех народов Сибири.⁶ Столь же древними являются и более сложные элементы, например различные решетчатые квадраты, широко представленные в искусстве угров и северных алтайцев. К

⁵ Топоров В. Н. Пространство и текст. С. 267.

⁶ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 454.

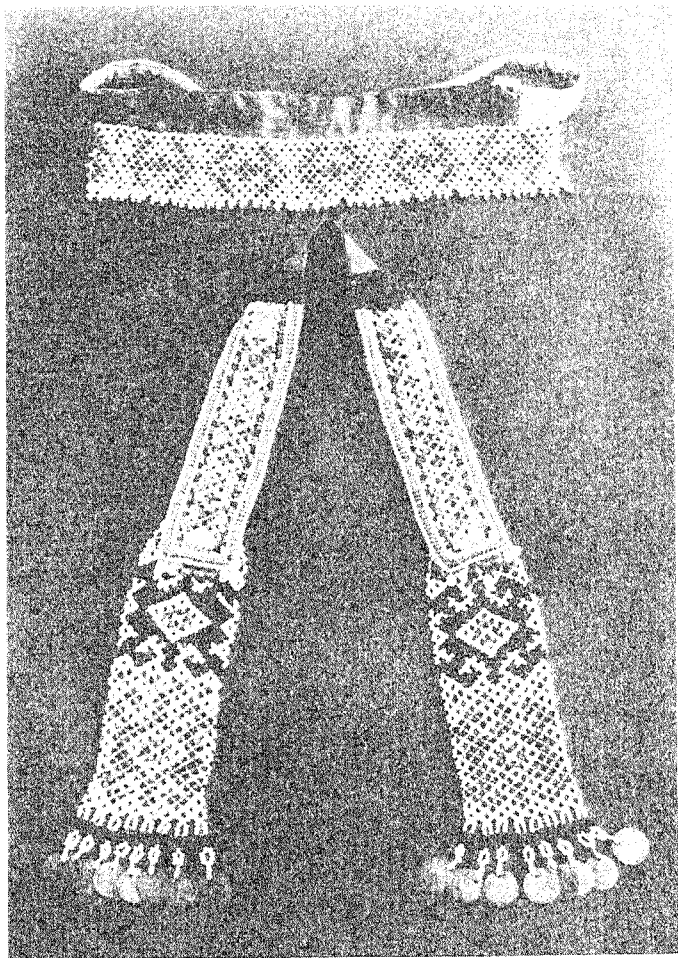

Рис. 2. Декоративный воротник и головная повязка. Ткань, бисер. Ханты. XIX в. (МАЭ, № 1965-10 а, б).

более позднему времени, а именно к эпохе бронзы, относят исследователи возникновение в сибирском орнаментальном искусстве таких элементов, как различные крестовидные фигуры, розетки и спирали (рис. 2).⁷ Однако элементы эти относятся к тем фундаментальным изобразительным символам, присутствие которых в орнаменте свидетельствует не о генетической преемственности культурной традиции, а о едином пути становления художественно-образного мышления человека на всем пространстве планеты.

⁷ Там же. С. 455.

Совершенно другое значение имеют орнаментальные мотивы (рапорты) и их композиционная организация в пространстве предмета, обусловленные всей совокупностью элементов этнокультурной традиции: формой предмета, материалом, выработанными технологическими и техническими приемами обработки и, конечно, общей системой эстетических представлений. На этом уровне орнамент уже выражает этническую специфику культуры, а на диахроническом срезе — генетическую преемственность культур.

К неолитической традиции восходит основной комплекс орнаментальных мотивов декоративно-прикладного искусства палеоазиатов.⁸ Это простейший геометрический орнамент, построенный на ритмическом сочетании полос, квадрата, треугольника, циркульный орнамент, а также различные узоры в виде полукруга, овала (рис. 3).

Генетическая связь орнаментального искусства палеоазиатов XIX в. с неолитической традицией особенно явно проявляется в его особом стилистическом характере. Это монохромная цветовая гамма, основанная на использовании только естественных материалов: оленьих мех (белый и коричневый), мех морских животных, вышивка оленьим волосом, дымленная, а также отбеленная ровдуга. Из красителей главным образом применялась охра. Вышивка цветными нитками и бисером пришли в искусство палеоазиатов сравнительно поздно и использовались достаточно редко, не оказывая существенного влияния на традиционный колорит культуры. Пожалуй, из всех народов Сибири лишь чукчи, коряки и эскимосы сохранили в своем искусстве практически в чистом виде тот естественный природный колорит, который должен был отличать древнейшие культуры северных охотников и который позднее у большинства народов Сибири был в значительной степени обогащен яркими цветами, присущими их южным и западным соседям.

Большую роль в развитии стилистических особенностей орнаментального искусства палеоазиатов сыграла резьба по моржовому и мамонтовому бивню — материалу, доминирующему как в сфере искусства, так и в производственной деятельности. Этот вид искусства в культуре народов Крайнего Северо-Востока на протяжении нескольких тысячелетий занимал ведущее положение. Специфика материала, его текстура и белизна цвета диктовали определенные приемы резьбы, а именно, неглубокое проникновение внутрь поверхности, легкость линий, отсутствие насыщенности и плотности в орнаментальной разработке декора. Тонкое чувство материала, свойственное народным мастерам, подсказывало северным резчикам особое отношение к орнаментации поверхности костяных изделий: они всегда сохраняли естественную природу кости, подчеркивая ее лишь тонкими линиями узора. Эта легкость орнаментальной разработки, спокойное течение ритма, ненавязчивое включение узора в естественную среду материала отразились на всех видах декоративно-при-

⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья : Ч. 3 // Материалы Ин-та археол. 1955. № 43. С. 50.

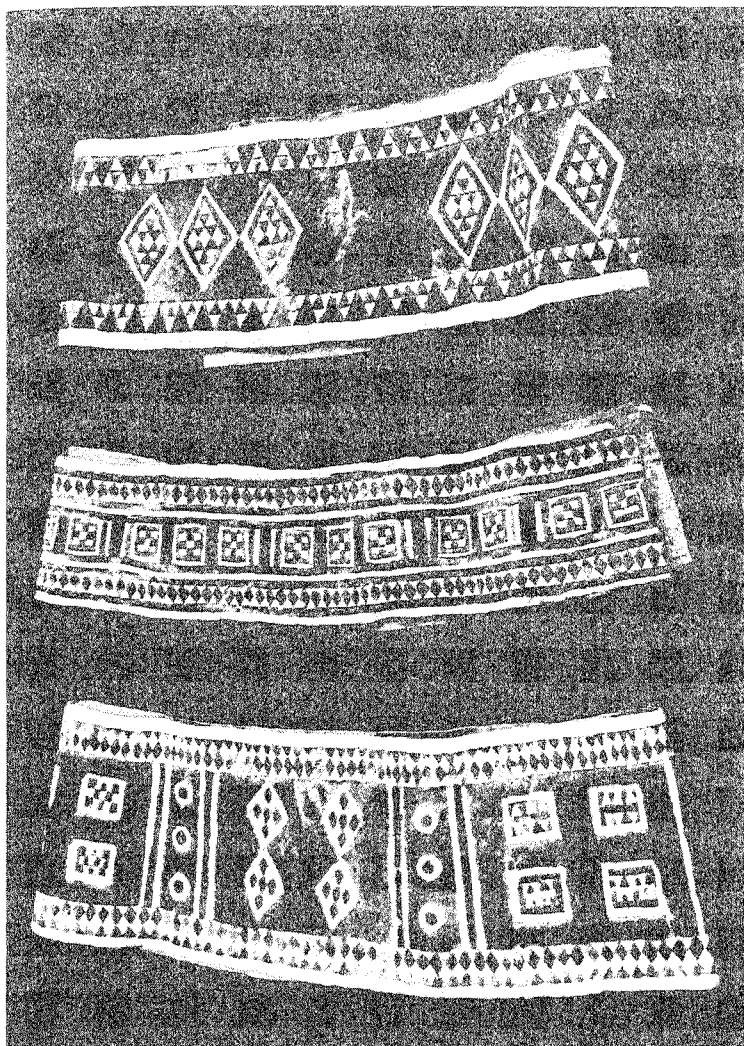

Рис. 3. Декоративная кайма (опуван), украшающая мужскую и женскую одежду. Меховая мозаика, олений мех. Коряки. XIX в. (МАЭ, № 441-17/5, 2, 12).

кладного искусства этих народов, будь то меховая мозаика, плетение из кожи и растительных волокон или вышивка.

К древнейшим неолитическим принципам композиции восходит и характерная для чукчей, коряков, эскимосов и ительменов организация орнаментом пространства предмета, построенная на зональном расположении мотивов.⁹

⁹ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 240.

Рис. 4. Мужская одежда. Олений мех, бисер. Эвенки. XIX в. (МАЭ, № 330-1).

Эти особенности орнаментального искусства палеоазиатов XIX в. прослеживаются в отдельных своих элементах в искусстве эвенков, эвенков, долган и нганасан, выявляя в нем древнейшую традицию культуры неолитических охотников таежной зоны Сибири (рис. 4). В то же самое время местная неолитическая традиция Северо-Востока, хорошо известная по памятникам берингоморской культуры, не оказала сколь бы то ни было существенного влияния на орнаментальное

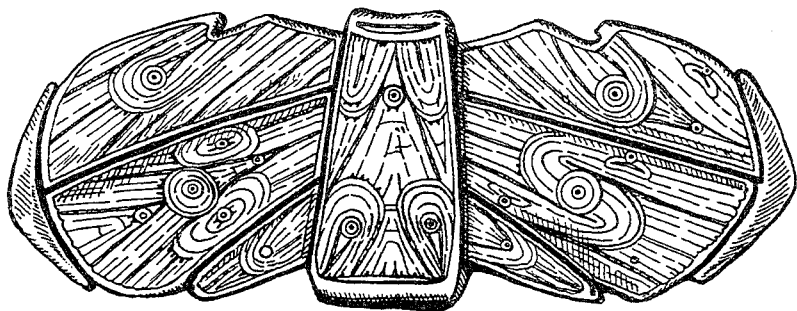

Рис. 5. Балансир для копья. Моржовый клык. Берингоморская культура.
I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.

искусство палеоазиатов XIX в. Здесь преемственность традиции проявилась в других сферах культуры, таких как хозяйственная и технологическая, в частности обработка моржового клыка. Что же касается пластики и орнаментики, то берингоморская традиция основывалась на совершенно иных композиционных и изобразительных принципах, сохранившихся в XIX в. частично лишь в искусстве алеутов, айнов и индейцев северо-западного побережья Америки.

Расцвет искусства Берингоморья, подготовленный длительным периодом становления и развития культуры охотников на морского зверя, наступает в первых веках нашей эры. Материалы Уэленского и Эквенского могильников раскрывают явление, которое по своему всеохватывающему торжеству художественно-образного видения мира не имеет аналогов в истории мирового искусства. Практически каждый предмет быта отмечен здесь творческим гением его создателя, начиная с функционального совершенства формы и кончая блестящей пластической и орнаментальной разработкой. Наконечники гарпунов, балансиры, или "крылатые предметы" (рис. 5), рукоятки ножей и сосудов, крюки для подтягивания туши морского зверя, украшения, снеговые очки и штампы для орнаментации керамики — все эти изделия, выполненные из моржового клыка, отличает удивительная функциональная логика и бесконечная в своих вариантах множественность пластических решений.

Особого совершенства пластической разработки объема древние мастера Берингоморья достигали в многофигурных полиэikonических композициях, где несколько изображений животных, а иногда животных и человека, как бы вытекают одно из другого и перевоплощаясь друг в друга, создавали единый художественный образ предмета, всегда оправданный его функциональным назначением (рис. 6). Эта своеобразная пластическая повествовательность художественного языка была органической частью общего процесса мифопоэтического познания мира, расцвет которого в северной Азии приходился именно на эпоху неолита. Хотя близкие по характеру всплески мифопо-

Рис. 6. Блок для подтягивания убитого зверя. Моржовый клык. Берингоморская культура. I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.

он достаточно трудно поддается анализу, не просто выделить его элементы и рапорты. Любая попытка расчленить его на составляющие единицы выявляет лишь набор примитивных элементов — круг, полоска, дуга. И вместе с тем этот набор фигур превращен в берингоморском искусстве в насыщенный, напряженный узор, охватывающий и как бы вновь моделирующий форму предмета. Это узор, рождающийся в каждом предмете заново, никогда не повторяющийся сам себя, что резко отличает его от большинства известных орнаментальных традиций сибирского искусства. По внутренней сущности его можно сравнить с узорами на австралийских чурингах, но содержание последних нам достаточно хорошо известно, а берингоморские орнаментальные узоры пока не читаемы, да и вряд ли когда-либо будут прочтены.

Искусство древнего Берингоморья представляет собой один из величайших взлетов творческой энергии человека. Оно явилось результатом особого откровения, охватившего целиком весь этнос, и это откровение, переживаемое и осознаваемое только этим этносом, невозможно передать другому, оно принадлежит только ему и уходит

этичности в изобразительном искусстве наблюдаются в различных культурах и в более позднее время, например "скифский звериный" стиль в степях Евразии в эпоху бронзы или кулайское литье в Западной Сибири в эпоху раннего железа.

Важнейшую роль в выявлении формы предмета и окончательной отточенности его пластического решения играла орнаментальная разработка, составляющая ведущую линию в декоративно-прикладном искусстве древнего Берингоморья. Берингоморский орнамент столь необычен, обладает столь ярко выраженной самобытностью, что не находит прямых аналогов ни в синхронных с ним культурах, ни в более поздних, хотя к его истокам восходит орнамент алеутов XIX в., используемый ими главным образом в росписи деревянных промысловых шляп, и орнамент северо-западных индейцев, известный по тканым накидкам, а определенное сходство в элементах и принципах композиции прослеживается в древних культурах северной Японии.¹⁰

Древнеберингоморский орнамент характеризуется исследователями как криволинейно-глазковый, хотя как орнамент

¹⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья: Эвенский могильник. М., 1975. С. 188.

вместе с ним. Однако энергия, рожденная этим откровением и сконцентрированная процессом творчества, не исчезает бесследно, ее импульсы передаются из поколения в поколение, переходят в другой этнос, сменяющий данный, постепенно аккумулируются и вспыхивают вновь, но уже каким-то совершенно новым художественно-образным видением мира, воплощаются в иных пластических, орнаментальных и цветовых формах. В этом и заключается одна из линий генетической преемственности культур, сменяющих друг друга, но никогда не повторяющих одна другую, какие бы отдельные традиции и элементы они бы не наследовали от своих предшественниц.

Творческий импульс древних арктических охотников на морского зверя породил традицию косторезного искусства Северо-Востока Азии, которая продолжает жить и в наши дни. Унаследовав от древних мастеров сам материал и технику его обработки, а также его чувствование и видение, отдельные образы и орнаментальные элементы, чукотские, корякские и эскимосские резчики XIX в. создали свое собственное, неповторимое искусство, несущее в себе совершенно иное художественно-образное восприятие мира, резко отличающееся от мира древних жителей Берингоморья.

Ведущим жанром в резьбе по моржовому клыку или мамонтовому бивню в XIX в. была миниатюрная скульптура. Широкое развитие этого жанра проходило не без влияния того большого спроса, которым пользовались изделия арктических народов у американских китобоев и русских промышленников.¹¹ Однако, не отрицая определенного влияния вкуса заказчиков, следует прежде всего отметить абсолютно самостоятельное и самобытное формирование и развитие художественно-образного языка в косторезном искусстве палеоазиатов Сибири. Круг художественных образов миниатюрной пластики необычайно разнообразен. Его центральной темой является мир животных, исконно обитавших в этих краях. Это хозяин океанских просторов — кит, обитатели прибрежных вод — морж и тюлень, царь тундры — белый медведь и более мелкие ее жители — лисица, заяц, песец. Такие образы, как морж, тюлень, кит и белый медведь, вошли в искусство XIX в. из берингоморской культуры и безусловно восходят к древнейшим пластам мифологической традиции. Однако смысловое содержание этих образов полностью лишено той мифопоэтической наполненности, которая отличает искусство берингоморского периода.

Характерной особенностью миниатюрной пластики народов Северо-Восточной Азии XIX в. является абсолютно реалистическое осмысление образа, его художественная трактовка. Ярким, живым, наполненным внутренней индивидуальностью и пронизанным мягким народным юмором предстает перед зрителем животный мир Арктического побережья. Великолепное знание животных, отточенное тысячелетней охотничьей практикой, позволяло народным мастерам предельно точно отразить в пластике наиболее существенные черты того или иного зверя, передать его индивидуальные особенности, выра-

¹¹ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству... С. 457.

зять его характер. Изображениям животных в берингоморском искусстве также присуща художественная выразительность, основанная на профессиональном знании охотника, но характер образов совершенно иной. Он несет в себе предельную обобщенность и отрешенность от жизненной конкретности, он лишен индивидуальности реального зверя. Это — образ-символ, образ, существующий в мифологическом пространстве, а не в окружающей человека реальности. Мир животных образов XIX в. роднится с миром народной сказки, где образ зверя предельно очеловечен и предельно реален, несмотря на всю фантастичность сюжета.

Чувство материала, понимание его изобразительных возможностей диктовало мастерам мягкую пластическую трактовку формы, являющуюся характерной особенностью художественного языка миниатюрной скульптуры XIX в. При этом чувство меры, свойственное народному искусству в целом, оберегало косторезов от натурализма, от точного копирования природы. В синтезе всех этих особенностей народного творчества и рождалась выразительность художественного образа, столь присущая косторезному искусству чукчей, коряков и эскимосов XIX в.

Две неолитические художественные традиции определили не только общий облик культуры народов Крайнего Северо-Востока Азии, но и заложили основу художественно-образного видения мира. Традиция древнего искусства таежных охотников, в частности, определила дальнейший путь развития орнамента, берингоморская — передала резьбу по кости, свою развитую технологию и блестящее чувство материала. К сожалению, недостаточная изученность истории искусства этих народов не дает возможности сегодня проследить весь путь развития данной художественной культуры. Однако необходимо отметить, что художественная традиция палеоазиатов отличается удивительной цельностью и достаточной замкнутостью, свидетельствующих об определенной изолированности ее развития. Бисер, вышивка цветными нитками не играли существенной роли в искусстве северных народов, более того, орнамент, воспроизводимый в этих техниках, был традиционным. Большинство инноваций проникло в искусство Крайнего Северо-Востока с новым материалом — металлом. Именно на наконечниках оружия появился криволинейный орнамент, близкий по характеру к амурскому, на металлических браслетах возникли шумящие конические подвески, свойственные многим традициям культового искусства эвенов, эвенков, народов Амура и Центральной Сибири. Но в целом эти влияния мало изменили общий характер искусства палеоазиатов, которое формировалось в основном в результате внутреннего развития художественно-образной системы, определившей национальный колорит художественной традиции этих народов.

К древнейшим этапам художественной культуры восходит и орнаментальное искусство угорских народов Сибири — хантов и манси. Орнамент на изделиях из меха, дерева и особенно бересты (рис. 7) обнаруживает генетическое сходство с орнаментальным искусством

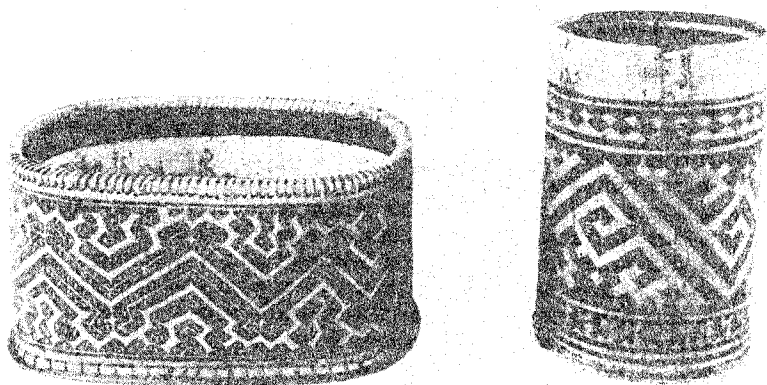

Рис. 7. Домашняя утварь. Береста. Ханты. XIX в. (МАЭ, № 5111-24, 199).

культур Западной Сибири андроновского периода эпохи бронзы.¹² Это сходство проявляется не только на уровне мотивов, таких как меандр (мотив крайне редкий в искусстве Сибири XIX в.), парные развилки, "волна", Г-образные мотивы, но и в системе орнаментальной композиции, построенной по принципу бордюра.¹³ И хотя андроновская орнаментика известна в настоящее время только в керамике (рис. 8) и бронзе, материалах, не используемых хантами и манси в XIX в., характерная для нее система организации и членения объема предмета ярусами, выделение центральной части предмета более насыщенным орнаментальным мотивом, четкая графичность узора, активная работа в орнаменте фона безошибочно указывают на этнокультурную преемственность между населением Сибири эпохи бронзы и угорскими народами XIX в., на древние истоки традиции в их декоративно-прикладном искусстве.

Эпоха бронзы, первого металла, освоенного человеком, является важнейшим этапом в истории искусства Сибири, в истории становления многих его традиций. Новый материал и новая технология необычайно расширили диапазон творческой деятельности человека, активизировали ее, дали как бы новый толчок в ее развитии. Мощный всплеск происходит в орнаментальном искусстве Западной Сибири, хорошо известном по многочисленным памятникам Зауралья, Тоболо-Ишимья и Верхнего Приобья. Главным в развитии орнаментики эпохи бронзы является четкое внутреннее структурирование орнамента, формулирование упорядоченной системы орнаментальных

¹² Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // Сов. этнография. 1948. № 1. С. 151-152; Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 161.

¹³ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 161.

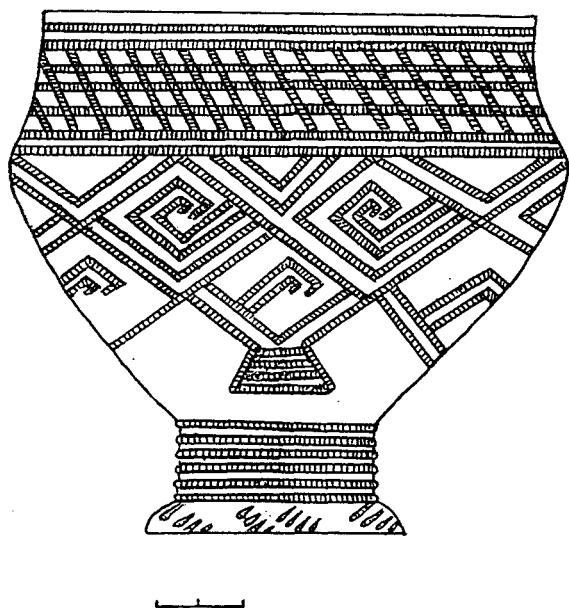

Рис. 8. Сосуд. Керамика. Верхнее Приобье, Ирменская культура, период поздней бронзы.

мотивов, разработка разнообразных принципов композиции и рисунка орнаментальных узоров. Немаловажную роль в этом, видимо, играла металлургическая традиция, требующая в силу сложности своей технологии четкой логики организации орнаментального пространства. Эта общая тенденция в развитии орнаментики эпохи бронзы, продолжающаяся и в период раннего железа, закладывает основы новой орнаментальной культуры Сибири, которая явилась базой для дальнейшего формирования декоративно-прикладного искусства многих народов сибирского региона. К этой орнаментальной культуре восходит народное искусство XIX в. селькупов, ненцев, энцев, однако наиболее значительную роль она сыграла в развитии декоративно-прикладного искусства хантов и манси. Особенно сильно генетическая преемственность в орнаментике проявляется в таких видах искусства XIX в., как меховая мозаика, мозаика из сукна, а также в изделиях из дерева и бересты, т. е. в традиционных для данного региона (за исключением сукна) материалах. Основной чертой орнамента здесь является предельная насыщенность узора, напряженность ритма, бесконечная вариантность орнаментальных мотивов, создающих удивительное богатство декоративно-прикладного искусства угорских народов.

Одной из самых ярких особенностей традиционного искусства хантов и манси является широкое распространение таких видов, как

Рис. 9. Женская одежда. Крапивное волокно, вышивка. Ханты. XIX в. (МАЗ, № 859-17).

вышивка по крапивному полотну (рис. 9), вязание из шерсти и бисерное плетение, абсолютно не свойственные в целом народному искусству Сибири. Как орнаментика, так и техника этих видов искусства раскрывают иную, более позднюю, собственно угорскую традицию в культуре этих народов, отражающую широкие культурногенетические связи угров Сибири с финнами, тюрками и славянами Восточной Европы.¹⁴ Эта традиция во многом определяет общий колорит и пластический характер художественной культуры сибирских угров, наполняя ее сочными яркими тонами, абсолютно не свойственными северным культурам, обогащая ее разнообразием материалов и техник. Этот удивительный сплав из двух необычайно разных художе-

¹⁴ Там же. С. 168.

ственных традиций и лег в основу формирования национальных особенностей народного искусства хантов и манси XIX в.

С эпохой бронзы связано и рождение такого вида декоративно-прикладного искусства, как художественный металл, получившего в XIX в. широкое распространение в большинстве культур Сибири. При этом в XIX в. под влиянием русской культуры, имеющей развитую металлургию и обеспечивающей народы Сибири металлом и многими орудиями труда, местное металлургическое производство начинает приходить в упадок: практически исчезает добыча сырья, резко сокращается изготовление орудий труда, прекращается производство оружия. Единственной областью, где сохраняется металлургическая традиция, остается декоративно-прикладное искусство. Основанное на рукотворном труде, оно всегда является убежищем для традиционных технологий, наиболее подверженных разрушению в процессе поступательного движения технологического прогресса.

К эпохе бронзы восходит и сохранившаяся в XIX в. у многих народов Сибири приверженность к желтому металлу, что говорит о присутствии в ценностной ориентации этих народов древнейшей мировоззренческой традиции. К культуре "желтых металлов" принадлежали народы самодийской и тунгусо-маньчжурской групп. В XIX в. они использовали главным образом сплавы меди — бронзу и латунь. Желтый металл полновластно господствует в ювелирных украшениях и декоре костюма у ненцев, энцев, селькупов, нганасан, эвенков и эвенов. У народов Амура он присутствует и в костюме, и в украшениях, но в последних бронза, а чаще латунь соседствуют с серебром. У алтайцев, тувинцев, якутов и бурят желтый металл сохраняется главным образом в металлическом декоре пояса — пряжках, подвесках, накладных пластинах, где серебро так и не может добиться абсолютной монополии. Даже у самого "серебряного" народа — якутов встречаются наборные пояса, украшенные литыми бронзовыми бляшками.

Естественным образом традиция эпохи бронзы сохраняется в технике и технологии обработки металлов. Во многих культурах Сибири XIX в. еще бытовало литье в каменные формы (изложницы). Хотя этот древнейший способ изготовления бронзовых изделий не занимал в технологической традиции XIX в. ведущего положения, он все же использовался селькупам, эвенкам, хантам, манси, якутам. К древней технологии относится также литье в глиняные изложницы по костяной или деревянной модели, широко распространенное у народов Амура, и литье в корьевые формы, практиковавшееся хантам и манси. Отражается она и в литье в земляные формы по деревянной модели, используемом якутами и бурятами, алтайцами и тувинцами.

Непосредственно с технологической традицией связано сохранение в костюме многих народов Сибири древнейших форм металлического декора (рис. 10). Так, в украшениях и одежде использовались металлические пластины сложных форм, образованных на основе удвоения или многократного повторения простейших геометрических форм: круга, квадрата, треугольника. В культурах Южной Сибири этот древнейший орнаментальный комплекс дополняется новым мо-

Рис. 10. Женское нагрудное украшение (гривна). Бронза, серебро. Якуты. XIX в.
(МАЭ, № 4774-14).

тивом — спиралью, который необычайно обогащает пластическую структуру орнамента, вносит особое напряжение в его ритмический строй, что и определяет основной характер декоративно-прикладного искусства этого региона.

Традиция эпохи бронзы была столь мощной, что оказала существенное влияние на весь дальнейший путь развития художественного металла, тем самым заложив основы формирования этнической специфики этого вида декоративно-прикладного искусства в культуре многих народов Сибири.

Так, на примере художественного металла отчетливо видно, что преемственность традиций — сложный и многогранный процесс, развивающийся по многим линиям и каналам межпоколенной связи. Художественный опыт, постепенно накапливаемый из поколения в поколение, включает в себя мировоззренческий, эстетический и технологический аспекты, каждый из которых, несмотря на их глубокое

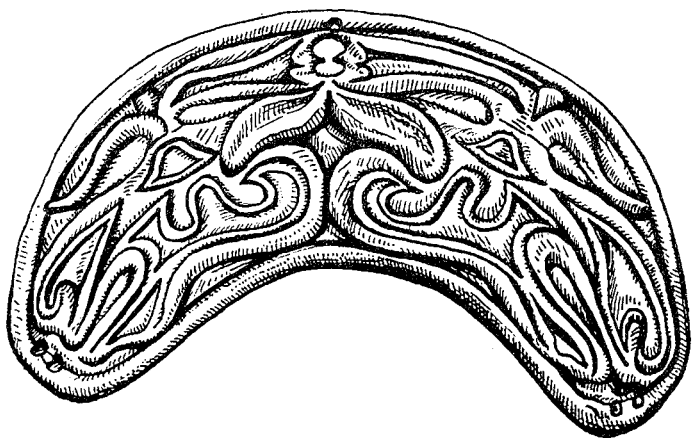

Рис. 11. Украшение седла с изображением головы лося. Кость. Третий Пазырыкский курган. V—IV вв. до н. э.

взаимодействие в процессе формирования и развития народного искусства, обладает своей собственной линией преемственности. Именно эта множественность передачи художественной традиции и обеспечивает ее устойчивость во времени.

К эпохе поздней бронзы и раннего железа относится и такое уникальное явление в истории искусства Евразии, как скифский "звериный стиль". На территории Сибири крупнейшими центрами этого искусства явились южные районы — Тува и Алтай, где открыты такие знаменитые памятники, как Аржан, Пазырык, Башадар.

Скифо-сибирский звериный стиль — это прежде всего движение, которое выражается как в сюжетах (борьба животных), так и в пластической трактовке образов. Напряженный ритм линий, пластическая насыщенность форм, создающие ощущение экспрессии и динамики, составляют основные черты этого стиля (рис. 11). Отличительной особенностью искусства ранних кочевников является удивительное сочетание декоративности и художественной обобщенности образа с поразительным реализмом в передаче характера того или иного животного, с живостью и непосредственностью реального наблюдения. Это искусство необычайно точно передает мироощущение человека той далекой и бурной эпохи, когда дальние перекочевки, молниеносные набеги и войны впервые стали лейтмотивом всей жизни степных племен. Однако мироощущение — лишь одна из сторон содержания искусства степных скотоводов, наиболее ярко проявившаяся в его стилистических особенностях. Другая же, более глубинная, связанная с символикой образов и сюжетов, отражает мифологическую картину мира, мифологическое пространство и время. Сейчас трудно сказать, какие конкретно идеи воплощены в зверином стиле: были ли это изображения божеств, мыслившихся в образах животных, или олицетворение космических сил, но тесная связь этого искусства с идеологией общества бесспорна.

Однако эта столь самобытная художественная традиция в искусстве народов Евразии, родившаяся в культуре индо-иранских племен, угасает вместе с уходом с исторической арены ее носителей. Правда, ее исчезновение связано не только с ассимиляцией древних кочевников последующими волнами преимущественно тюркских, а затем и монгольских племен. Главным, по-видимому, является внутренний процесс, связанный с тем, что животный образ в мировоззренческой системе изживает себя. Его сменяет антропоморфная идея, которая воплощается в древнетюркскую эпоху в монументальной скульптуре — в знаменитых каменных бабах, являющихся символом совершенно нового мировоззрения.

Но и традиция монументальной скульптуры недолговечна в истории сибирского искусства. Закрепляя в идеологии антропоморфный образ, который затем продолжает свое развитие в жанрах устного народного творчества (эпос, легенды, сказки), монументальная скульптура как вид искусства не получает стимула развития в кочевом обществе. Возникнув в период образования древнетюркских государств и являясь одним из первых признаков зарождения городской культуры в кочевом обществе, она исчезает из творческой практики вместе с эфемерными государствами кочевников, не находя конкретной почвы для дальнейшего развития в реалиях кочевой культуры.

Но если содержание и стилистика звериного стиля, а также традиция монументального образа не находят продолжения в последующие эпохи, то традиция изображения животных и технология резьбы по камню продолжают жить в последующих культурах тюркского населения Южной Сибири, получая в XIX в. воплощение в мелкой каменной пластике тувинцев (рис. 12). И хотя искусство тувинцев несет в себе совершенно иное художественно-образное содержание, его возникновение стало возможным благодаря сохранению в культуре преемственности древних художественных традиций.

Однако устойчивость художественной традиции во времени, составляющая основу в развитии народного искусства, определяется существованием двух взаимодействующих процессов: сохранением и развитием уже выработанных форм и постоянным впитыванием в себя инноваций, рожденных главным образом в результате взаимовлияния разных культур.

Высокой степени совершенства достигло в XIX в. орнаментальное искусство народов Амура — ульчей, нанайцев, негидальцев, нивхов. Пожалуй, в этом виде декоративно-прикладного искусства они превзошли все другие народы региона, создав уникальный по богатству и своеобразию мотивов, по красочности колорита и напряженности ритма орнамент (рис. 13), составляющий значительный вклад этих народов в сокровищницу мировой культуры.

Истоки амурского орнамента XIX в. в своих основных мотивах — меандр, спираль, "плетенка", да и в общем характере композиционных принципов уходят в культуры Восточной Азии неолитической

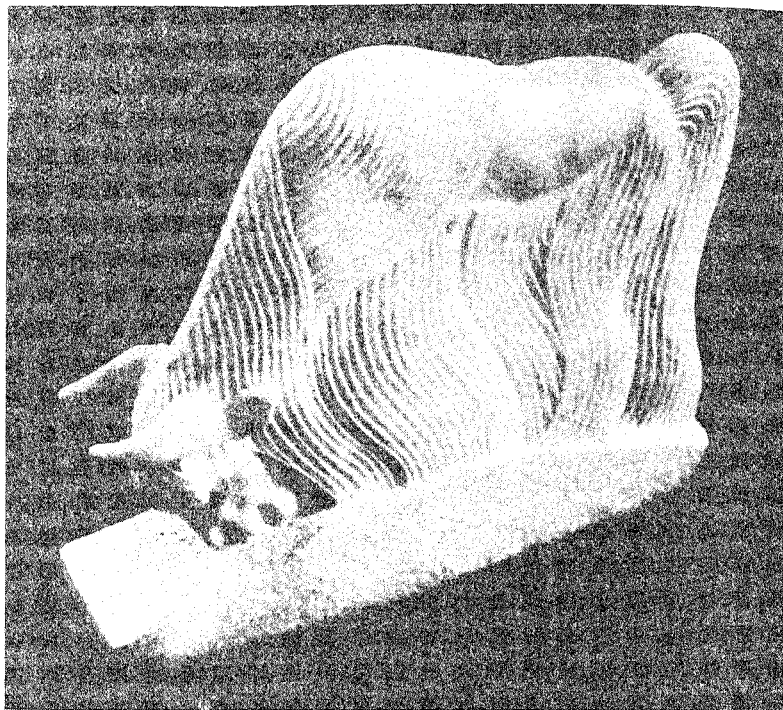

Рис. 12. Фигурка сырлыка. Агальматалит. Мастер Ойдул. Тувинцы. 80-е гг. XX в. (МАЭ, № 6871-2).

Рис. 13. Шляпа. Береста, аппликация. Ульчи. XIX в. (МАЭ, № 334-1/17).

эпохи.¹⁵ Однако орнамент XIX в. гораздо богаче и разнообразнее древнего, значительно шире охватывает предметный мир человека, создавая неповторимый образ красочной, динамичной культуры народов амурского региона. В своей основе амурский орнамент геометрический. Ведущим мотивом в нем является спираль и ленточный узор ("плетенка"). Но его пластическая трактовка, отличающаяся необычайной текучестью линий, насыщенностью орнаментальными сюжетами и сложностью композиционных приемов, приближает характер этого орнамента к растительному. Значительную роль в этом сыграли собственно растительные и животные мотивы, такие как цветочные, лиственные, стилизованные изображения птиц, рыб, оленей, драконов, появившиеся в искусстве амурских народов в результате этнокультурных контактов с народами Восточной, Южной и Центральной Азии.

Орнамент наполняет все виды декоративно-прикладного искусства народов Амура, будь то резьба по дереву или кости, вышивка, аппликация из рыбьей кожи или бересты. Он организует пластическую структуру костюма, подчеркивая конструкцию кроя, акцентируя его наиболее важные элементы и в то же время объединяя их ритмом и цветом, создает единое гармоничное целое (рис. 14). Орнаментальная насыщенность костюма поддерживается внесением орнамента во все предметы, окружающие человека и сопутствующие ему. Однако насыщенный цветной орнамент халатов, головных уборов, обуви, выполненный в технике аппликации и вышивке, уравновешивается монотонными узорами в костяных ножнах и игольниках, в берестяной и деревянной утвари, металлических подвесках костюма, что порождает удивительную целостность декоративно-прикладного искусства народов амурского региона.

Богатство и разнообразие мотивов и сюжетов амурского орнамента развивались на основе широких этнокультурных контактов с китайцами, маньчжурами, монголами, эвенками и эвенками.¹⁶ Культуры эти не похожи одна на другую, относятся к разным хозяйственно-культурным типам, имеют разную историю развития, разный социальный уровень. Результатом этого взаимодействия явился необычайно широкий диапазон материалов и технических приемов их орнаментации, выделяющий декоративно-прикладное искусство амурских народов среди других культур Сибири. В нем в практически равной степени развиты вышивка и резьба по кости, аппликация из рыбьей кожи и бересты, художественный металл и резьба по дереву. Уже само разнообразие материалов, влекущее за собой множественность технических и технологических приемов, необычайно обогащает орнамент. Но помимо этого постепенное включение в древний геометрический орнамент растительных и зооморфных мотивов не только обогащало его сюжетно-образное содержание, но и формировало его

¹⁵ Деревянко А. П. Древние культуры среднего Амура. Новосибирск, 1970. С. 156; Окладников А. П. Неолит Нижнего Амура // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С. 200.

¹⁶ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... С. 380.

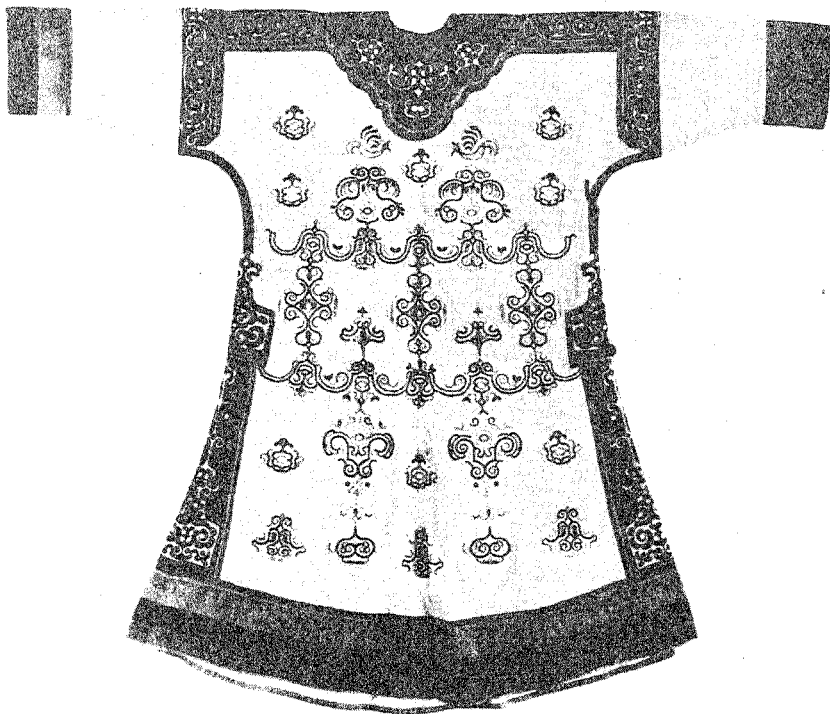

Рис. 14. Халат. Рыбья кожа, аппликация. Ульчи. XIX в. (МАЭ, № 1751-1).

внутреннее развитие. При этом новые сюжеты, введенные в местную орнаментальную традицию, подчинялись законам ее композиционно-образного строя, ее стилистике, трансформируя свое пластическое содержание. В этом сложном взаимодействии различных традиций и рождался национальный характер традиционного искусства каждого из народов амурского региона.

Процесс взаимовлияния художественных традиций имеет огромное значение в развитии как народного искусства, так и культуры в целом. При этом в нем следует различать два момента: органическое впитывание инноваций, которое обуславливается готовностью данной культуры к их принятию и усвоению, и механическое заимствование, которое чаще всего существует в культуре в определенной изоляции, хотя опосредованно и оказывает на нее свое влияние. Готовность культуры к плодотворному взаимодействию с другой, обогащающему и стимулирующему ее развитие, и в частности развитие ее художественной традиции, определяется большим количеством факторов, коренящихся в особенностях этнической истории ее народа. Но важным представляется то обстоятельство, что эта готовность внутри одной культуры может быть разной направленности. Характерным при-

мером такого явления служит культура бурят, которая в XIX в. включала в себя две локальные традиции — западную прибайкальскую и восточную забайкальскую, развивающиеся длительное время в рамках разных этнокультурных контактов.

Развитие художественной культуры бурят представляет собой длительный процесс, истоки которого уходят в эпоху раннего железа. В то же время основным этапом становления художественной традиции декоративно-прикладного искусства в двух ее локальных вариантах, определивших общий национальный характер культуры, явилась эпоха средневековья. Основным районом формирования культуры бурят была территория Прибайкалья и земли, прилегающие к Байкалу с юга и востока, т. е. исконная территория этноса занимала пограничное положение между сибирской тайгой и центрально-азиатской степью, что сыграло важную роль в направленности этнокультурных контактов и развитии локальных особенностей художественной традиции. Так, население Прибайкалья на протяжении длительного времени находилось в тесном взаимодействии с эвенкийскими и енисейско-самодийскими этносами тайги, а также тюркским населением Саяно-Алтая; этнические группы Забайкалья испытывали постоянное влияние культур Центральной и Южной Азии. Именно эти различия в направленности этнокультурных контактов и обусловили локальные особенности в культуре, и в частности декоративно-прикладном искусстве, западных и восточных бурят XIX в. Они проявляются в характере жилища, крое костюма, его материале и цветовой гамме, в технике и орнаментике вышивки, в материале и стилистике украшений, в технике и технологии обработки металла.

Тесные этнокультурные связи восточных бурят прежде всего с монголами, усиленные вхождением в XVII в. в их состав отдельных монгольских групп, придали их искусству типично центральноазиатский характер. Принятие ламаизма с его развитой идеологией и художественно-образной системой не только самым сильным образом подорвало доламаистские шаманистические представления коренного населения Забайкалья и традицию культового искусства, но и создало предпосылки для более быстрого восприятия различных инноваций.

Широкое распространение китайских шелковых тканей ярких синих, красных и зеленых цветов определило основную гамму костюма, повлияло на развитие полихромной вышивки и росписи по дереву, сформировало сюжетное и пластическое содержание орнамента, в котором преобладающими мотивами стали растительный побег, цветок лотоса, изображение дракона, птицы и летучей мыши (рис. 15). Новые сюжеты повлияли на развитие композиции, в которой главным стал принцип центра, занимаемого зооморфным изображением в сложном обрамлении растительных побегов. В художественном металле эти многоплановые композиции могли быть выполнены только в таких мягких материалах, как серебро или золото, и только в технике чеканки, что привело к изменению древней технологической традиции, связанной с техникой серебряной насечки, возникновение которой относилось к древнетюркской эпохе (рис. 16). Большую роль

Рис. 15. Халат. Шелк, вышивка. Забайкальские буряты. XIX в.
(МАЭ, № 313-17/3).

в развитии художественного металла восточных бурят сыграло и непосредственное бытование в их культуре изделий, выполненных монгольскими и китайскими мастерами.¹⁷ При этом важным обстоятельством явилось то, что влияние китайского искусства на художественную традицию забайкальских бурят было в большей степени опосредованным и проникало к ним уже в форме, адаптированной монгольской кочевой культурой, близкой по характеру к бурятской.

¹⁷ Кочешков В. Н. Народное искусство монголов. М., 1973. С. 56.

Рис. 16. Детский пояс с ножиком и сумочкой, игольник. Нивхи. XIX в.
(МАЭ, № 700-46, 138-44 а).

Именно потому это влияние было так органично и быстро воспринято северными скотоводами.

Совершенно иной характер носила художественная культура западных бурят. Ее ориентированность на этнокультурные контакты с населением таежной зоны и кочевниками Саяно-Алтая определила ее сдержанный, чисто сибирский облик. Сохранение древней шаманистической системы воззрений во многом определяло эстетические нормы культуры. Для художественной традиции западных бурят характерна спокойная цветовая гамма, преобладание в костюме темно-синего, коричневого цветов, отсутствие обилия серебряных украшений, простота их формы и орнаментации. Господствующее положение в орнаментальном искусстве занимают геометрические мотивы, а их пластическая трактовка носит сухой графический характер. Растительные мотивы существуют преимущественно в вышивке, но и здесь отсутствует свойственная востоку пышность колорита и насыщенность композиции. Сохраняется в культуре западных бурят и древняя металлургическая традиция, восходящая к древнетюркской эпохе. Наиболее прочно она удерживается в XIX в. в металлическом декоре

снаряжения всадника и коня, выполненном в технике серебряной насечки.

Народное искусство каждого этноса, как правило, содержит в себе несколько локальных традиций или вариаций одной традиции, отражающих конкретное развитие его этно- и культурогенеза. В бурятском искусстве эти локальные особенности имели сильно выраженную дифференциацию, в основе которой лежали различия в этнической истории отдельных групп населения, вызванные расселением этноса в особой маргинальной зоне, являющейся своеобразной границей между Сибирью и Центральной Азией, определившей двойственный характер этнокультурных контактов бурят с народами двух различных регионов.

Искусство народов такого огромного региона, как Сибирь, имеющего многотысячелетнюю историю развития, естественно, нельзя охватить в одной работе, тем более в небольшой статье. И все же рассмотрение лишь некоторых аспектов его развития позволяет говорить о том, что национальный характер народного искусства сосредоточен в традиции, которая, уходя своими истоками вглубь веков, несет в себе живую связь поколений. Она представляет собой активный процесс познания мира, основанный на взаимодействии творческого опыта предшествующего поколения и художественного осмысления действительности ныне живущим поколением.

Е. Г. Федорова

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ТУНДРОВОЙ ЗОНЫ СИБИРИ

Одежда — это та область народной культуры, исследование которой, так же как и изучение материальной культуры вообще, в отечественном сибиреведении началось сравнительно поздно. Говоря о традиционной одежде народов Сибири и Севера, нужно учитывать, что в этнографической литературе под этим определением подразумевается главным образом комплекс предметов одежды, зафиксированный на конец XIX—начало XX в. и реконструированный в статьях или соответствующих главах монографий, посвященных тому или иному народу и написанных уже в советский период. Основными источниками, на базе которых были выполнены эти работы, послужили музейные коллекции и полевые материалы сравнительно позднего времени. Данные об одежде коренного населения Сибири первой половины XIX, XVIII в. и более раннего времени крайне незначительны. Работ же, посвященных национальной одежде народов Сибири конца XIX — XX в., типологии отдельных ее элементов, насчитывается не один десяток.¹

Трудно определить, какое количество времени потребовалось для формирования этнографически зафиксированной одежды сибирского населения. Считается, что этническая группа вырабатывает оптимальную форму системы жизнеобеспечения, неотъемлемой составной частью которой является и одежда, всего за несколько поколений.² Изменение среды обитания, как правило, влечет за собой и изменение формы системы жизнеобеспечения. Но в разных сферах культуры эти изменения проявляются различным образом, в зависи-

¹ Работы, посвященные типологии элементов костюма населения всего региона: *Василевич Г. М.* Типы обуви народов Сибири // Сб. МАЭ. 1963. Т. 21; *Прыткова Н. Ф.*: 1) Верхняя одежда // Историко-этногр. атлас Сибири. М.; Л., 1961; 2) Головные уборы // Там же.

² *Дубова Н. А.* Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: Теория и практика. М., 1991. С. 79.

мости от того, насколько то или иное культурное явление в своем первоначальном виде соответствует новым условиям.

Смена среды обитания может вызываться двумя факторами: изменениями климата (засушливые и влажные периоды) и миграциями населения. Последние в свою очередь могли быть обусловлены различного рода историческими обстоятельствами, а также уже упомянутыми изменениями климата, когда население вынуждено осваивать новые территории в связи с разрушением традиционной системы хозяйства и невозможностью экономической переориентации на исконной территории в силу каких-либо определенных причин. Подробнее говорить об этом здесь не представляется возможным. Вопрос о том, каким образом эти процессы влияли в каждом конкретном случае на изменения в одежде, требует детального изучения. На примере некоторых народов и на конкретном временном срезе можно попытаться выявить какие-то общие закономерности формирования национального костюма народов Сибири.

В процессе своего развития одежда прошла сложный путь, обусловленный не только ее имманентными свойствами, но и внешними, инокультурными влияниями. Это и было отражено в ряде работ исследователей, занимавшихся ее изучением. Одежда коренного населения Сибири является наиболее приспособленной к географическим условиям и образу жизни народа как по основному материалу, из которого она шьется, так и по покрою, характеру дополнительных материалов и деталей. Экологический подход при изучении одежды подразумевает несколько уровней. Первый из них непосредственно зависит от ландшафтно-климатических условий, второй связан с географической средой опосредованно, через основные хозяйственные занятия, которые также влияют на характеристики одежды. В то же время костюм каждого из народов имеет ярко выраженную этническую специфику, которая не всегда проявляется именно в покрое. Основными здесь будут украшения самих предметов, причем не только, например, орнаментальные мотивы, но и материал украшений, их техника, в определенных случаях — топография. Вместе с тем у ряда народов Сибири имеются и общие черты в одежде. Нередко это народы, которые проживают на большом расстоянии друг от друга, но в сходных географических условиях, много общего проявляется и в их хозяйственных занятиях. Параллели в одежде таких народов — результат конвергентного развития. Но бывают и другие причины, вызывающие сходство в одежде народов, живущих далеко друг от друга. Это общий для них этнический компонент, присутствие которого в той или иной степени отразилось на культурном облике населения. Общие черты наблюдаются в одежде народов, которые не только не контактируют сейчас, но и живут в разных географических условиях, занимаются разными видами хозяйственной деятельности. Одежда как один из наиболее консервативных элементов культуры является ценным источником, на базе которого наряду с другими возможна реконструкция этногенетических и этноисторических процессов.

Есть общие черты и в одежде разных народов, проживающих на одной территории, соседствующих друг с другом. Это можно объяс-

нить заимствованием как отдельных элементов, так и костюма в целом. В данном случае большой интерес представляет проблема, связанная с механизмом заимствований. На примере одежды народов Сибири в целом она еще не рассматривалась. Предварительно можно сказать, что заимствование одежды, возможно только мужской, происходит с проникновением в культуру народа новых хозяйственных занятий, которые требуют соответствующего костюма. Например, с распространением оленеводства так называемого самодийского типа на части территории Сибири происходит и распространение элементов ненецкого костюма. Определенную роль при заимствовании одежды играет также момент престижа, но данная тема представляет особую сложность, поскольку здесь речь идет о характерной для каждого народа системе ценностей, а это та сфера, которая на сибирских материалах практически не исследована. В любом случае вопрос о заимствовании элементов одежды является крайне сложным и в каждом конкретном примере нужно искать не только причину заимствования/внедрения, но и пытаться определить способы и пути этого внедрения, причины исчезновения исконной формы одежды. Весьма показательным в данных обстоятельствах может быть факт ношения мужчинами у некоторых народов покупной одежды еще во второй половине XIX в. и сохранения промысловой мужской у тех же самых народов в конце XX в., а также использование последней пришлым населением. Таким образом, в течение более чем столетия основные детали костюма, как показывают источники, практически не менялись. Это лишний раз подтверждает распространенное положение, согласно которому народ, более или менее длительное время проживающий в конкретной среде, вырабатывает оптимальный для этой среды вариант костюма. Заимствование же пришлым населением элементов одежды коренных жителей, т. е. того варианта, который сформировался здесь, является своего рода проявлением адаптации. В дальнейшем развитии элементов костюма может принимать участие как народ, в среде которого они сложились, так и народ, заимствовавший их.

Таким образом, при изучении одежды как элемента системы жизнеобеспечения в первую очередь нужно рассматривать экологически и функционально обусловленные характеристики костюма. Если говорить о покрое одежды, то они могут проявляться и в основных, и во второстепенных деталях. В использовании материала, из которого шьют одежду, отражаются не только местные традиции. Нередко употребление различных материалов, особенно их сочетание, является важным показателем адаптивных возможностей этноса.

В опубликованных ранее работах подробно рассматривался покрой одежды, обуви, головных уборов народов Сибири, была также разработана типология ряда основных элементов костюма. Поэтому в данной статье при характеристике традиционной одежды внимание обращается на те признаки костюма, которые отражают связь его с окружающей средой и хозяйственными занятиями, образом жизни. Прежде чем говорить об основных изменениях в национальной одежде на протяжении XX в. — в период, который не только в достаточ-

ной степени представлен этнографическими материалами, но и характеризуется крупными историческими процессами, происходящими на глазах исследователей, что немаловажно, поскольку позволяет определить ряд закономерностей развития традиционной культуры, в том числе и одежды, и ситуацию, сложившуюся в этой сфере накануне XXI в., — нужно привести сведения о национальном костюме народов Сибири, известные по этнографическим источникам (литературе и музейным коллекциям) на конец XIX—начало XX в. Костюм этого периода служит своего рода точкой отсчета в данной работе. Иллюстрации характеризуют его состояние уже в более позднее время — с конца 1920-х по 1980-е гг.

Как отмечалось, формирование традиционной одежды обусловлено ландшафтно-климатической средой и хозяйственными занятиями. Поэтому целесообразно рассматривать одежду прежде всего именно по природным зонам, каждая из которых предъявляет определенные требования к костюму, а внутри них — по хозяйственно-культурным типам, что дает возможность выявить общие черты в культуре народов — представителей одного и того же хозяйственно-культурного типа, а в дальнейшем, при более детальном исследовании одежды, и особенности переходных вариантов.

Первой такой зоной с севера на юг является тундра, которая населена народами различной лингвистической принадлежности. Здесь можно выделить три комплекса одежды (с локальными вариантами), уже вполне сформировавшихся к концу XIX в. Два из этих комплексов связаны с типичными тундровыми оленеводами — ненцами, с одной стороны, и чукчами и коряками, с другой — третий — с охотниками на дикого северного оленя — энцами и нганасанами. Относительно одежды арктических охотников на морского зверя — приморских чукчей и коряков, а также эскимосов нужно сказать, что в настоящее время, видимо, правильнее считать ее вариантом чукотско-коряцкого комплекса в целом с включением эскимосских элементов. Одежда долган, поздно сформировавшегося тюркоязычного народа, включает в себя разнотнические элементы. Она является, скорее, примером, характеризующим этногенетические процессы.

Одежда перечисленных народов состояла из поясной и плечевой, которая делилась в основном на верхнюю и нижнюю. Костюм дополнялся обувью с чулками, головными уборами, поясами и рукавицами, выявляются и элементы чисто производственного костюма. Мужская одежда по ряду признаков отличалась от женской. Основным материалом, из которого народы тундровой зоны шили одежду, был олений мех.

Ненцы. Для одежды ненцы использовали шкуры домашнего и дикого оленя, последние были хороши тем, что почти на имели свищей от овода. Для конкретных деталей одежды требовались шкуры определенного качества. Кроме того, ненцы, занимавшиеся охотой на морского зверя, использовали для шитья обуви шкуры нерп. Качество оленьей шкуры зависело не только оттого, когда она была снята, но

и оттого, насколько тщательно она была выделана.³ Сам по себе олений мех не относится к числу особо прочных материалов, одежду из него долго не носили. Срок ее годности можно было продлить ношением и хранением одежды при относительно стабильной температуре. Поэтому одежду из оленьего меха старались не держать в теплом помещении, так как это приводило к пересыханию мездры, выпадению ворса. Для предохранения одежды, сшитой мехом внутрь, от сырости, солнца и загрязнения использовали специальные чехлы. Для выколачивания одежды и обуви служили особые деревянные колотушки саблевидной формы.

Меховую одежду шили нитками из сухожилий оленя. Нитки, полученные из спинных и ножных сухожилий, различаются по качеству. Например, нитки из ножных сухожилий более прочны, ими пользовались при шитье обуви. Толстая оленья шкура позволяет применять только один вид шва — через край. Куски шкуры складывали вместе, ворсом друг к другу, и сшивали их со стороны мездры. Так делали в том случае, если одежду носили мехом наружу. У предметов мехом внутрь шов делали со стороны ворса.⁴ Для тепла в швы прокладывали пучки подшейного оленьего волоса. Меховые орнаменты, которыми украшали одежду, особенно женскую, шили из камуса, более удобного для выкраивания мелких деталей материала с гладким прилегающим ворсом, что придавало орнаментальным мотивам особую четкость. Кроме того, камусы — это одна из самых прочных частей шкуры оленя. Изготовление же мелких мозаичных орнаментов, нередко достаточно сложных, — работа кропотливая, трудоемкая, требующая больших затрат времени, поэтому орнаменты старались делать из более прочного материала. После того как изнашивались основные части одежды, орнаментированные полосы можно было перенести на вновь сшитую деталь костюма.

Мужской костюм ненцев состоял из штанов, плечевой одежды (малицы, совика, парки), пояса, обуви, головных уборов.⁵

Зимние штаны шили из мягкой шкурки пыжика, а летние — из ровдуги. В их основе лежат натазники, выкроенные из сложенного вдвое куска материала, с надставками-штанинами. Штаны не имели разреза спереди; в верхней части делалась кулилка, в которую продевалась полоска ровдуги — вздержка. К поясу штанов крепились ремешки с колечками для привязывания обуви. Длина штанин — ниже колена. Меховые штаны носили ворсом к телу.

Нижней плечевой мужской одежды у ненцев, судя по источникам, не было до XIX в., позднее в их обиход постепенно входят рубахи.

Верхняя плечевая одежда — малица (рис. 1) — длинная, глухого

³ Подробно о выделке шкур у ненцев см.: *Хомич Л. В.*: 1) *Ненцы: Историко-этногр. очерки*. М.; Л., 1966. С. 86—87; 2) *Одежда канинских ненцев // Одежда народов Сибири*. Л., 1970. С. 103—106.

⁴ *Хомич Л. В.* Одежда канинских ненцев. С. 107.

⁵ Описание одежды ненцев дается по: *Хомич Л. В.*: 1) *Ненцы*; 2) *Одежда канинских ненцев*; *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // *Одежда народов Сибири*.

Рис. 1. Малица. Ненцы. (МАЭ, № 6902-1).

покроя, сшитая из так называемой телячьей постели — шкуры шестимесячного теленка, снятой осенью, с мягким густым ворсом и без свищей от личинок овода. Малицы шили также из снятых летом, в конце июля—августе, шкур 2.5 — 3-месячных телят (так называемый *нябллой*), имеющих еще не переросший ворс. Материал для шитья

малицы был достаточно теплым и прочным, в то же время не грубым, "подвижным", для того чтобы одежда не выглядела неуклюжей и предоставляла необходимую свободу движений.

Стан малицы шили либо из двух больших шкур, либо из двух кусков шкуры, которые приходились на перед и спину, и еще двух кусков меньшего размера, закрывавших бока. По подолу шла широкая опушка — панда, которую делали из шкуры осеннего теленка или летней шкуры взрослого оленя (с коротким мехом невысокого качества), а у зауральских ненцев — из собачьего меха.

Нужно отметить, что вообще малица в нижней части надставлялась кусками оленьей шкуры, поскольку основные детали стана давали эту одежду лишь в сравнительно коротком варианте, а во время длительных перекочевок требовалась длинная одежда, закрывающая ноги.

К стану малицы пришивали рукава, которые заканчивались наглухо пришитыми рукавицами из камусов или оленьих лбов, также достаточно прочного материала. На уровне запястья рукавицы имели разрез, через который в случае необходимости можно было вытащить руку из рукавицы. Разрез закрывался широким меховым клапаном, и таким образом холодный воздух не проникал в рукавицы.

Малица имела капюшон, всегда двойной, который так же, как и рукавицы, шился мехом наружу. Для него использовали пыжик — материал с мягким и неплотным ворсом, хорошо держащий форму. Его подклад шили из оленьего выпоротка с короткой и слабой шерстью. Подклад был обращен ворсом к голове. Нередко по краю капюшона пришивали опушку из песцовых хвостов или густошерстного белого оленьего меха. Такая опушка предохраняла лицо от ветра. Удобство одежды с капюшоном заключается в том, что, с одной стороны, при длительных переездах, когда олени шли на большой скорости, наглухо пришитый капюшон со вздержкой, закрепляющей его вокруг лица, не падал с головы, с другой — капюшон можно было быстро снять в случае необходимости, чтобы он не мешал обзору и не заглушал звуки.

У западных групп ненцев — канинских и колгуевских — малица более узкая, вместо капюшона она имела высокий меховой воротник и носили ее с шапкой. Считается, что этот вариант малицы был первоначальным и для более восточных территорий.⁶ В качестве подтверждения этого приводится и такой аргумент, как отсутствие специального термина для обозначения капюшона.⁷ Видимо, расширение малицы и появление наглухо пришитого капюшона связано с необходимостью формирования более удобной одежды в результате развития оленеводства, увеличения амплитуды кочевков и т. п.

Ненцы постоянно пользовались множеством мелких предметов, которые нужно было носить при себе. Их хранили за пазухой, которая образовывалась при подпоясывании малицы. Делали большой напуск так, чтобы можно было, не снимая малицу, вынуть руки из рукавов и набить под малицей трубку и т. п.

⁶ Подробнее см.: Хомич Л. В. Ненцы. С. 118.

⁷ Пряткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... С. 12.

Украшали малицу узкими полосками разноцветного сукна и суконными же кантиками. Цветовая гамма сукон была различной у разных групп ненцев.

Малица была, с одной стороны, нательной одеждой, поскольку ее надевали непосредственно на голое тело, с другой — одеждой для улицы — в чуме у костра сидели без малицы, иногда накидывая женскую распашную одежду, которая для мужчин-ненцев служила также спальнoй. В то же время для всего тундрового населения характерна двойная одежда: нижнюю носили, как малицу, мехом к телу, верхнюю — мехом наружу. Существует предположение, согласно которому малица первоначально была нижней одеждой. Оно основано не только на том, что сам принцип ношения малицы соответствует принципу ношения нижней одежды у всех народов, которые ее имеют, но и на названии малицы у лесных ненцев, которое переводится как "внутренний".⁸

Малица была не только зимней, но и летней одеждой. Летом носили потертую малицу.

Весной и осенью, а также зимой около дома поверх малицы надевали специальную наверхницу (маличную рубаху), которая, как уже говорилось, защищала поверхность малицы (рис. 2). Наверхницу шили из сукна или плотной ткани, выкраивая их двух больших кусков перед и спинку. В боковые швы вставлялись клинья, к стану пришивались рукава с ластовицами. Наверхница в целом была больших размеров по сравнению с малицей — она должна надеваться свободно. Позднее ее стали шить из хлопчатобумажных тканей. В отличие от меха, из которого шили малицу, материал наверхницы можно было довольно быстро высушить. У ямальских ненцев существовал своего рода дождевик, который шили из осетровой кожи, из шкуры нерпы.

У восточных групп ненцев суконную одежду в летнее время носили как самостоятельную (без меховой малицы). По подолу она имела меховую опушку. Нередко наверхницу украшали геометрическим орнаментом, выполненным в технике мозаики. Возможно, появление такой специальной летней одежды показывает, что в процессе развития ненецкого национального костюма происходило разделение одежды на зимнюю и летнюю, сформировавшуюся на базе наверхницы. Но нельзя исключать и вероятность того, что летняя суконная одежда была принесена предками ненцев в тундровую зону с более южных территорий, население которых издавна знало одежду из ткани.

В небольшие морозы поверх малицы носили парку, которая также была глухой, но шилась из тонких шкурок телят мехом наружу. Ее отличала особенность кроя капюшона: затылочная часть представляла одно целое со спинкой. На капюшон обычно приходилась часть шкуры, снятая с головы оленя, что может подтверждать гипотезу о происхождении этой одежды из накинutoй на голову и спину шкуры животного. Отверстия от глаз и рогов на капюшоне парки зашива-

⁸ Там же.

Рис. 2. Ненец в малице с наверхницей. П-ов Ямал. 1936 г. (МАЭ, № И1162-51).

лись и украшались полосками сукна и кисточками. Парку обязательно украшали мозаичным орнаментом, расположенным между станом и надставкой подола. Парка получила распространение среди восточных групп ненцев. Не исключено, что она не является исконной формой их одежды. Как известно, наибольшего мастерства при изготовлении парок достигли манси. По мнению Н. Ф. Прытковой, название этой одежды происходит из мансийского языка.⁹

⁹ Там же. С. 14.

Рис. 3. Ненцы в малице и совике. П-ов Ямал. 1936 г. (МАЭ, № И1162-90).

В сильные холода, в пургу, при переездах поверх малицы носили совик (сокуй), который по покрою совпадал с паркой, но не украшался орнаментом (рис. 3). Поскольку одежда, предназначенная для холодной и снежной погоды, должна быть как можно более теплой, совик шили из так называемой постели (шкура с длинной шерстью, снятая со взрослого оленя зимой) или выростка (шкура 4—5-месячного тельца), также с длинным ворсом, который дольше сохранял тепло. Шкуры располагали ворсом вниз — так они меньше намокали. Для предохранения лица от ветра и обморожения к капюшону совика пришивали опушку.

Совик шили без рукавиц. Они имелись у малицы, и дополнительные рукавицы затрудняли бы подвижность. Совик — настолько ши-

рокая и большая одежда, что под ним легко помещается малица. Размеры совика, а также то, что он шился из длинноворсного меха и был очень теплым, давали возможность использовать его во время пути в качестве спального мешка. В нем ложились прямо в снег. Таким образом, для особо суровых погодных условий ненцы использовали двойную одежду: нижнюю — мехом внутрь и верхнюю — мехом наружу, что, как уже говорилось, было характерно для всего населения тундровой зоны.

Из мужской одежды у ненцев подпоясывалась только малица. Пояс шили из покупной кожи коровы и украшали медными бляхами и пуговицами. На медных же цепочках к ним привешивались нож в ножнах, точильный камень в чехле, медвежий клык-оберег. Л. В. Хомич обратила внимание на сходство между ненецкими поясами и поясами ранних кочевников.¹⁰ Но в данном случае интересна такая деталь, как металлические цепочки для крепления. Они значительно прочнее, чем кожаные ремешки, которые удобнее для охотничьего быта, поскольку практически во время движения крепления из кожи не издадут шума — это необходимо при выслеживании зверя. Для оленеводов же это было необязательно. Их производственная практика требовала в первую очередь другого качества материала для крепления — прочности.

Мужская обувь ненцев не отличалась особым разнообразием типов. Повсеместно бытовала обувь, голенище которой шили из полос камуса, а подошву — из оленьих щеток или лбов. Между подошвой и голенищем вшивали ряды камусных же союзок (рис. 4). В отличие от плечевой одежды обувь имела большое количество швов, она повторяла форму ноги, что обеспечивало достаточную свободу движений. Использование камуса, особо прочной части оленьей шкуры (самым прочным был осенний камус, ему отдавалось предпочтение), делало обувь более ноской. Вообще камус шел на те детали одежды, которые больше, чем другие, находились в своего рода "движении" — соприкосновении с другими предметами и материалами. Щетки, из которых выкраивали подошву, кроме того что также были достаточно прочными, имели жесткий грубый ворс, при шитье направленный вперед, из-за чего подошва не была скользкой, она легко освобождалась от снега при выбивании.

Ненецкую обувь характеризует косой срез верха голенища, что считается признаком знакомства населения с верховой ездой, на основании чего наряду с другими признаками устанавливается южное происхождение ненцев.¹¹ Но здесь может быть и другое объяснение. Голенище ненецкой обуви достаточно высокое, и при прямом срезе его верха в такой обуви неудобно было бы сидеть, поджав под себя одну ногу, как это принято у ненцев, под коленом создавалось бы лишнее утолщение. Вместе с тем это объяснение не противоречит

¹⁰ Хомич Л. В. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 17—19.

¹¹ Василевич Г. М. Типы обуви... С. 60.

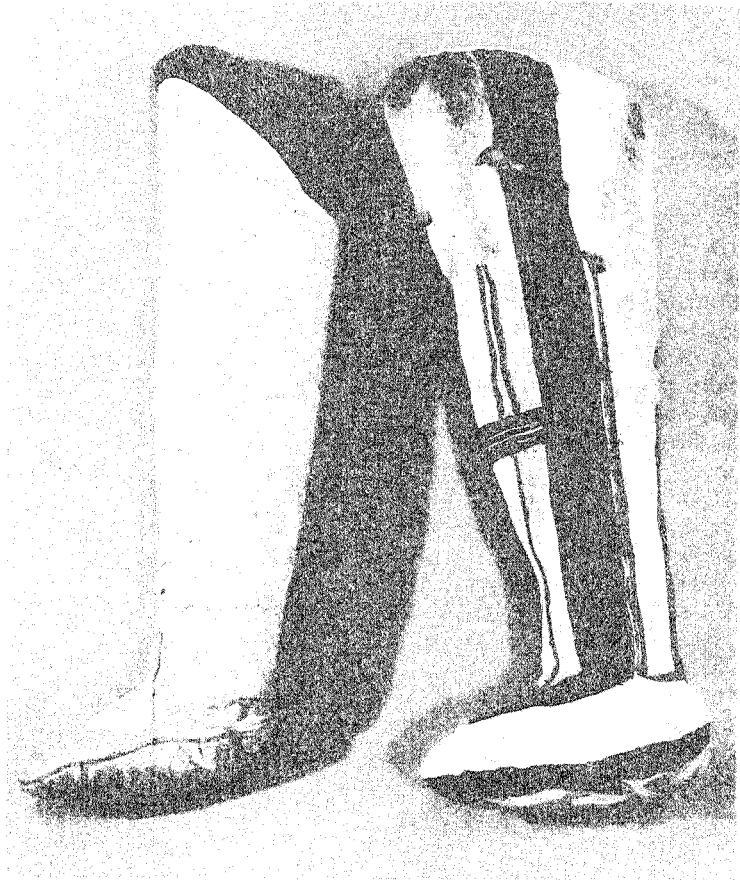

Рис. 4. Мужская обувь. Ненцы. (МАЗ, № 6902-2/1-4).

тому, что вариант обуви с косым срезом верха голенища мог сформироваться в среде населения, знакомого с верховой ездой.

При помощи ровдужных ремешков, расположенных в верхней части голенища, обувь крепилась к поясу или кольцам, пришитым к штанам. Кроме того, она еще и завязывалась под коленом особыми шерстяными тесемками. Мужчины вели более подвижный образ жизни — их обувь требовала дополнительного крепления.

В сильные морозы и в сырую погоду поверх обуви с высоким голенищем надевали еще одну — грубо сделанную, короткую, из камусов или шкуры нерпы, крепившуюся вокруг щиколотки при помощи ремешков. Она служила для утепления и предохранения обуви с высоким голенищем. Для сырой погоды ненцами, занимавшимися еще и морским зверобойным промыслом, использовалась обувь, нижняя часть которой была сшита из шкуры нерпы, верхняя — из шкуры оле-

ня. Ненцы, жившие к востоку от Урала, летом носили ровдужную поршневидную обувь, но чаще всего — поношенную камусную.

Обувь носили с меховыми чулками, таким образом, и в данном случае имеет место характерная для костюма всего тундрового населения особенность — сочетание деталей, нижняя из которых носится мехом к телу (здесь это чулки), а верхняя — мехом наружу (обувь).

Как уже говорилось, основным головным убором ненцев являлся капюшон плечевой одежды. Лишь у канинской группы, где малицы были без капюшона, бытовали специальные шапки с ушами. Летом в комариное время носили платки.

Специальной производственной одежды у ненцев не было, за исключением скрада для охоты. Обычно же использовали старую, вытертую одежду и обувь, где главную роль играл цвет шкуры, что было необходимо охотникам для маскировки. Делали и рабочую обувь, которая была грубой и не имела украшений.

У ненцев сложилась традиция выщипывания пинцетам бороды и усов, поскольку в холодную погоду они покрывались льдом.

Женская одежда ненцев состояла из поясной и плечевой, пояса, обуви и головных уборов.

Женские штаны шили из короткошерстной оленьей шкуры мехом внутрь, штанины надставлялись. Их нижняя часть заправлялась в голенща обуви. На талии имелся пояс с двумя кольцами, к которым подвязывались ремешки обуви. У ненцев, за исключением самых западных групп, были женские штаны с нагрудником из меха или ровдуги, к верхней части которого прикреплялись ремешки для завязывания вокруг шеи.

Женская плечевая одежда была распашной. Известно два ее типа. Для западных групп, а восточнее — до Большеземельской тундры, была характерна одежда, в покрое которой преобладали горизонтальные линии (рис. 5). В то же время она не имела плечевых швов. Верхняя часть стана шилась из перекинутых через плечи кусков шкурок бобра, лисицы, белки или оленьего камуса. При шитье этой одежды обгрыбался цвет, в швы вставлялись узкие полоски сукна или камуса, контрастного по отношению к основному цвету. Таким же образом делалась и верхняя часть рукавов, к концам которых пришивались камусные рукавицы, как и в мужской одежде. От бедер вниз шли надставки — чередующиеся широкие полосы оленьего меха, сукна, шкуры собаки. На воротник и окантовку бортов использовали мех песца или красной лисицы. Полы сходились встык и завязывались на несколько пар ровдужных ремешков.

Вероятно, в прошлом одежда этого типа бытовала у ненцев повсеместно, а позднее, начиная с восточных районов, постепенно вытеснялась одеждой другого типа.¹² На примере женской одежды ненцев хорошо прослеживается ее трансформация, вызванная новыми географическими условиями и хозяйственными занятиями. Так, развитие горизонтальных линий покроя связывается с традиционной тех-

¹² Хомич Л. В. Ненцы. С. 126.

Рис. 5. Ненка в шубе первого типа. П-ов Канин. 1936 г. (МАЭ, № И1162-171).

никовой шитья одежды из шкурок мелких животных и птиц,¹³ что может быть характерным для охотничьих культур. Вероятно, сравнительно короткая, сшитая из небольших шкурок женская одежда сфор-

¹³ Hatt G. Arctic skin clothing in Eurasia and America : An Ethnographic study // Arctic Anthropology. 1969. Vol. 5, № 2. P. 52—55.

мировалась у предков ненцев тогда, когда они занимались преимущественно охотой на пушного зверя. Позднее, уже в тундровой зоне, она стала надставляться по низу полосами шкуры собаки. С развитием же оленеводства для надставок стали использовать также и шкуры оленя, а верхнюю часть этой одежды — шить из оленьего камуса.

Женская одежда второго типа бытовала в основном за Уралом, но к началу XX в. была известна уже и в Большеземельской и Малоземельской тундрах. Ее шили целиком из меха оленя, в покрое преобладали вертикальные линии. Очень четко отмечаются появившиеся для утепления одежды надставки пол и подола — между ними и основными деталями вшивались полосы сукна или орнамента, использовался мех разных цветов. Одежда этого типа имела песцовый воротник и камусные рукавицы.

Женская одежда ненцев второго типа аналогична шубе северных манси и хантов. Происхождение ее покроя вероятнее всего связывать именно с этими народами, у которых она бытует еще и в суконном варианте и является практически единственной. Верхняя плечевая одежда другого покроя этим группам обских угров неизвестна. Проникновение же ее к ненцам связано, скорее всего, с родами хантыйского происхождения.

Меховая одежда как первого, так и второго типов имела подклад. Его шили из зимней или летней постели мехом внутрь. Вдоль бортов пришивали полосы меха из-под шеи оленя, длинный ворс которого не пропускал сквозь разрез холодный воздух. На рукава шла шкура с шеи оленя. Они были без рукавиц, с небольшими ластовицами. В целом подклад имел меньше конструктивных швов, чем верх одежды. Иногда верхняя одежда делалась без воротника, в этом случае на нее выправлялся воротник нижней.

Верхнюю одежду могли носить и без подклада. В частности, летней одеждой служила потертая зимняя (верхняя). Но у ненцев имела и специальная женская летняя одежда. Ее шили из разноцветных сукон. Выявляется два типа покроя такой одежды: один из них соответствует покрою меховой одежды второго типа, но имеет дополнительные клинья, расширяющие подол, второй сближается с одеждой энцев и нганасан, одежду этого типа шьют из прямоугольников и полос сукна. Суконная одежда была без рукавиц и подклада, но обязательно с дополнительными меховыми надставками подола (шкуры оленя, коровы, собаки), воротником и оторочкой бортов из меха лисицы или песца. Полы соединялись при помощи нескольких пар ровдужных ремешков.

Верхнюю женскую одежду ненцы подпоясывали узким, плетеным из шерсти поясом с пряжкой в виде большого медного кольца. При подпоясывании старались правую полу слегка натянуть на левую. В данном случае опять же наблюдается сочетание двух традиций: сходящиеся полы с ремешками-завязками, которые при подпоясывании, хотя и незначительно, находят друг на друга.

Женская обувь по покрою не отличалась от мужской. Лишь ее украшение в виде узких полосок на центральной части голенища располагалось намного ниже, чем на мужской обуви, поскольку женская

одежда была длиннее мужской, а украшение должно было быть видно из-под нее. Женская обувь в отличие от мужской не имела дополнительного крепления в виде вязок под коленом. Это объясняется тем, что женщины вели менее подвижный образ жизни и для их обуви достаточно было крепления при помощи ремешков к поясу штанов. Существовали различия в мужской и женской обуви, связанные с использованием материала: для шитья женской одежды нельзя было применять шкуру нерпы и оленьи лбы. Эти материалы считались священными, а женская обувь "нечистой".

Женская одежда ненцев не имела капюшона. Его заменяли специальные головные уборы. У канинских ненцев они походили на мужские шапки той же группы и шились на подкладке из брюшной части постели оленьего тельца с ушами из пыжика. Их длина была меньше длины ушей мужской шапки, к концам прикреплялись завязки, которые соединялись под подбородком. У ненцев Большеземельской и зауральских тундр шапки другого покрова. Это капоры, состоящие из трех деталей, центральная из которых шилась из шкуры с оленьего лба. Вокруг лица пришивалась опушка из меха песца или белого оленя, защищавшая лицо от ветра и обморожения. Сзади к шапке прикрепляли тяжелые металлические подвески, которые были не только украшением, они удерживали шапку на голове при сильном ветре. Кроме того, к краям шапки прикреплялись ремешки, завязывавшиеся под подбородком.

Женский капор был двойным, нижний, как и вся нижняя одежда, — мехом внутрь. У восточных ненцев верх капора иногда шили из разноцветного сукна. Бытовали также женские головные уборы из меха росوماхи на подкладе из оленьего меха, которые не завязывались под подбородком, а держались на голове исключительно за счет веса металлических подвесок.

Потертые зимние шапки ненки носили летом, но достаточно распространенным был и платок, его завязывали вокруг шеи.

Детская одежда по покрою повторяла одежду взрослых (рис. 6). Здесь нужно отметить две детали костюма самых маленьких детей. Это штаны, сшитые вместе с обувью, что удобно не только при ношении (минимальное количество швов делало одежду более теплой; отсутствовали лишние завязки; ребенка быстрее можно одеть и т. п.), но и при изготовлении. Вторая деталь — двойная меховая одежда типа парки (т. е. глухого покрова), которую до 4—5 лет носили не только мальчики, но и девочки.

Заканчивая описание ненецкой одежды, нужно сказать, что наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой она окончательно сформировалась уже на севере из принесенной с юга короткой и распашной путем пришивания различного рода надставок, глухая же одежда сложилась на базе скрада и каких-то форм одежды доненецкого населения Арктики.¹⁴ Важным представляется тот факт, что наиболее древние формы одежды, если иметь в виду повседневную, проявляются в женской одежде, мужская быстрее

¹⁴ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... С. 93.

Рис. 6. Ненецкий ребенок в национальной одежде. (МАЭ, № И1832-110).

приспосабливается к новым природным условиям и хозяйственным занятиям (или же заимствование мужской одежды происходит без особых препятствий).

Ко второму комплексу одежды населения тундровой зоны относится одежда оленеводческих групп чукчей и коряков.¹⁵ Отли-

¹⁵ Описание одежды чукчей и коряков дается по: *Прыткова Н. Ф.* Одежда чукчей, коряков и ительменов // *Материальная культура народов Сибири и Севера.* Л., 1976.

Рис. 7. Мужские нижние штаны. Коряки. (МАЭ, № 6885-17).

чия ее от одежды ненцев объясняются особенностями оленеводства в этом регионе, главным образом тем, что окарауливание стада производилось пешком, что требовало более короткой и легкой одежды. В одежде чукчей и коряков обнаруживается много общего. Для ее изготовления использовали в основном шкуры оленей осеннего забоя: первый забой давал тонкие шкуры, олени к этому времени еще не сменили летнюю шерсть на зимнюю, второй — более толстые, которые шли в основном на зимнюю одежду. Помимо оленьих шкур при шитье одежды применяли также шкуры волка, россомахи, собаки, нерпы. Между жителями тундры и морского побережья постоянно происходил обмен как материалом для шитья одежды, так и готовыми изделиями.

Мужской костюм состоял из поясной и плечевой одежды, поясов, обуви, головных уборов, рукавиц.

Поясная одежда — штаны, которые имели одинаковый покрой у чукчей и коряков, занимавшихся оленеводством. Зимние штаны бы-

ли двойными: нижние — мехом внутрь (рис. 7), верхние — мехом наружу. Штанины шили узкими, причем у коряков — уже, чем у чукчей, длиной до щиколотки. На каждую из штанин шло по отдельному куску шкуры. Между собой они соединялись клиньями. Штаны крепились на бедрах при помощи кожаного ремешка или шнура из сухожильных ниток, которые продевались в кулиску, для чего верхний край штанов отгибали на внутреннюю сторону и подшивали. Таким же образом обрабатывались и края штанин, которые натягивали поверх голенищ обуви, для того чтобы в нее не попадал снег. Чаще всего носили только нижние штаны, их шили обычно из пыжиков. Верхние штаны требовались во время длительных переездов: поскольку плечевая одежда в отличие от ненецкой была короткой и не закрывала ноги. Нередко нижняя часть штанов, начиная от колен, шилась из камусов, расположенных ворсом вниз. Использование более прочного материала в данном случае можно объяснить особенностью конструкции чукотско-корякской нарты — более низкой и узкой по сравнению с самодийской, подвижными креплениями ее деталей, в свою очередь обусловленными характером рельефа, способом посадки — верхом. При езде на такой нарте штаны и обувь изнашивались довольно быстро.

Верхние штаны могли шить и из собачьей шкуры, которая прочнее оленьей. Особенно теплыми и прочными были штаны из волчьих лап.

Летние штаны оленные чукчи и коряки шили из дымленины, ровдуги, носили также и потертые зимние. У приморских групп и части оленных для изготовления летних штанов использовались тюленьи шкуры.

К началу XX в. в быт чукчей и коряков начинают входить рубахи из ткани, но встречаются они в это время еще довольно редко.

Покрой меховой (верхней и нижней) плечевой одежды у разных групп имел много общего (рис. 8). Она была глухой, длиной выше колена. Расположение шкур хвостами вниз (вариант стана из двух целых шкур) или дополнительные клинья в боках (вариант стана из кроеных шкур) делали одежду достаточно широкой в подоле. Рукава, от проймы широкие, суживались к концам, все срезы одежды обрабатывались опушкой из меха собаки, волка, росомахи или выдры. Корякская одежда характеризуется такой деталью, как *ылван*, — меховая орнаментированная или контрастная по цвету надставка шириной 10—12 см, пришитая к подолу, что удлиняло одежду.

Одежда мехом внутрь служила не только нижней зимней, но и летней. Верхняя же одежда шилась несколько короче нижней, из-под нее была видна опушка последней. На верхнюю одежду выправлялась также и опушка ворота нижней. Чукчам известна и верхняя одежда с надставкой подола, аналогичная корякской. Поскольку верхняя одежда надевалась на нижнюю, она всегда была несколько больше по размерам. Со стороны мездры ее окрашивали в светло-коричневый цвет настоем из ольховой коры.

Если нижняя одежда не имела опушки вокруг ворота, для защиты шеи от холода чукчи носили специальный меховой нагрудник квад-

Рис. 8. Мужская верхняя плечевая одежда (вывернута наизнанку).
Чукчи. (МАЭ, № 6989-19).

ратной формы, с двумя ремешками, завязываемыми вокруг шеи, русские шарфы или боа из беличьих хвостов.

У чукчей существовала особая одежда для сильных холодов. Это куклянка, которую шили из короткошерстных оленьих шкур, двойная, с капюшоном. Одинарная одежда подобного покроя служила для предохранения повседневной плечевой одежды от снега и сырости. Интересно, что ее носили ворсом внутрь, т. е. меховой поверхностью к мездровой, а не мездровой к мездре, как во всех других случаях.

Большое распространение кухлянка получила также у коряков. Она была двойной, причем нижняя и сшитая из тонкой оленьей шкуры верхняя детали (они имели одинаковый покрой) скреплялись в нескольких местах по подолу, кроме того, плотно сшивались края капюшонов нижней и верхней кухлянок. Капюшон являлся обязательной принадлежностью этой одежды. У коряков он имел одну характерную особенность — меховой нагрудник прямоугольной формы, сшитый из оленьего камуса. Одежду коряков отличали также мозаичные или вышитые орнаменты на *ыпван*'ах и нагрудниках капюшонов. Признаком того, что верхняя кухлянка могла быть самостоятельной сезонной одеждой и носилась мехом внутрь, а не наружу, как в сочетании с нижней, считают то, что ее нагрудник заправлялся внутрь одежды,¹⁶ в то время как нагрудник нижней кухлянки, наоборот, выправлялся наружу.

Аналогичные формы верхней плечевой одежды существовали и у приморских групп чукчей (рис. 9) и коряков. Кроме уже неоднократно упоминаемого характерного для всех тундровых народов сочетания верхней (мехом наружу) и нижней (мехом внутрь) одежды (рис. 10), элементы костюма чукчей и коряков имели и такую особенность, как более длинную нижнюю одежду, опушка которой была видна из-под верхней. Опушки (по вороту, краю капюшона, концам рукавов) выправлялись наружу при отсутствии опушек на верхней одежде. Таким образом, с их помощью осуществлялось не только утепление, но и как бы дополнительное скрепление верхней и нижней одежды.

Как для чукчей, так и для коряков были характерны так называемые камлейки из ровдуги, хлопчатобумажной ткани (рис. 10), фладели. Их основная функция та же, что и у наверхники ненцев — предохранение меховой одежды от сырости. Как и у всей верхней одежды этих народов покрой стана камлеек был нескольких типов: из двух кроеных шкур; с боковыми вставками между передом и спинкой; туникообразные с треугольными клиньями для расширения в боках (только из ткани). Все камлейки имели пришитые капюшоны и широкие, суживающиеся к концам и заканчивающиеся узкими ровдужными полосками рукава. Для украшения камлеек использовались различные виды техники: штамп и раскрашивание для ровдуги, аппликация для ткани. Чукчам были также известны камлейки без капюшона. У коряков камлейка из ткани могла быть и отдельной летней одеждой: после дождя ее в отличие от ровдужной можно было легко высушить.

Чукчи носили летом преимущественно вытертую верхнюю или нижнюю меховую зимнюю одежду, а также камлейку из ровдуги или хлопчатобумажной ткани, одежду из непромокаемой дымленины, наиболее удобную для пастухов, которым необходимо было работать при различных погодных условиях. Приморские же чукчи шили камлейки из толстых нерпичьих кишок, которые предварительно распарывались и высушивались. Такие камлейки обязательно имели капюшоны со вздержкой, концы рукавов обычно присбаривались. Кишеч-

¹⁶ Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов. С. 54.

Рис. 9. Приморские чукчи в летней одежде. 1951 г. (МАЭ, № И1454-352).

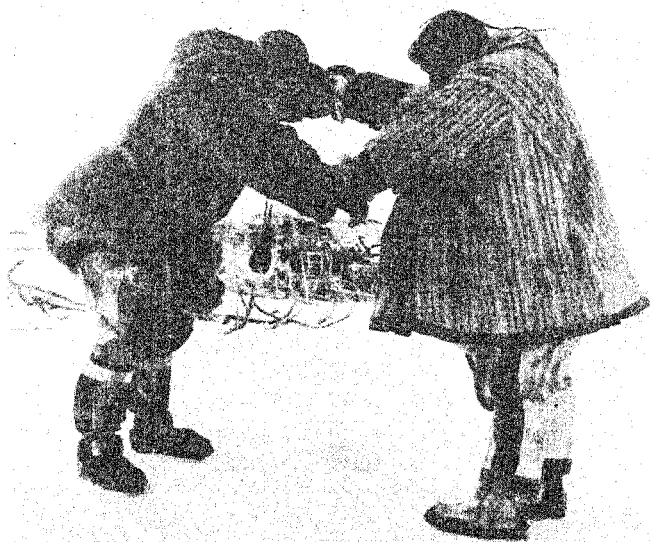

Рис. 10. Приморские чукчи в зимней одежде и камлейке из ткани. 1951 г. (МАЭ, № И1154-286).

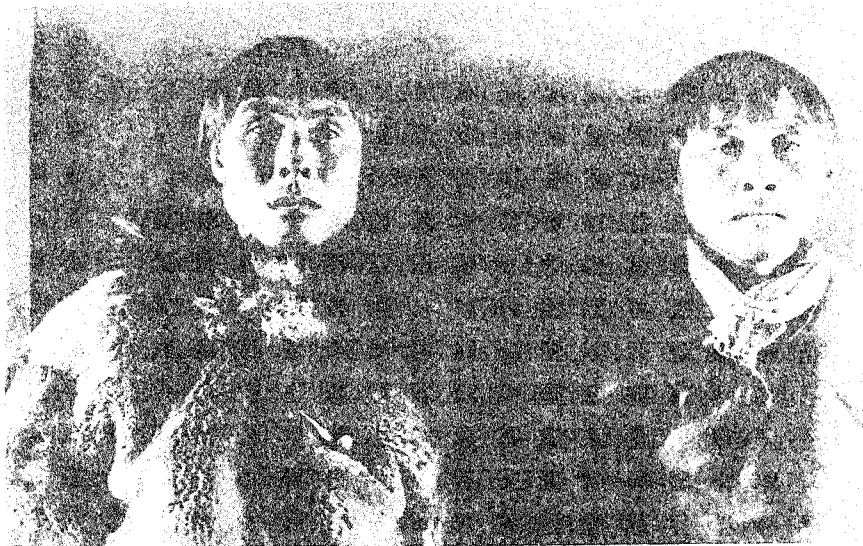

Рис. 11. Эскимосы в меховой одежде. 1929 г. (МАЗ, № И115-99).

ные камлейки бытовали также и у оленных чукчей, которые вымывали их на оленьи шкуры. У коряков эта одежда как будто не фиксируется. Наибольшее же распространение она получила у азиатских эскимосов. Их меховую одежду, покроем которой (рис. 11) считается заимствованным от чукчей, практически постоянно нужно было предохранять от воздействия влаги: во время морского промысла, при разделке на берегу туш морских животных и т. д. Эскимосские камлейки шили из моржовых и нерпичьих кишок, предварительно обработанных,¹⁷ а также из тканей (рис. 12). Для рабочих (повседневных) камлеек использовались толстые невыбеленные, чаще моржовые кишки. Наиболее практичными являются камлейки с горизонтальным расположением кишок: они прочнее, поскольку кишки плохо растягиваются в ширину.¹⁸ То, что кишечные камлейки были не только рабочей, но и ритуальной одеждой эскимосов и приморских чукчей,шний раз подчеркивает первостепенную роль охоты на морского зверя среди их хозяйственных занятий, поскольку ритуальная одежда — одно из тех явлений культуры, в котором концентрируются и проявляются (через материал, покроем, украшения) наибо-

¹⁷ Подробно способ обработки см.: Михайлова Е. А. Общие элементы в одежде народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 117.

¹⁸ Там же. С. 119.

Рис. 12. Эскимос в камлейке из ткани. 1929 г. (МАЗ, № И115-14).

более значимые, сущностные характеристики этноса, отражается развитие его культуры в историческом плане.

Приморские чукчи носили также одежду из тюленьих шкур, сшитую мехом наружу, глухого покроя, с капюшоном. Размеры шкуры не позволяли делать одежду широкой, поэтому для ее расширения в бока у подола вшивали треугольные клинья, а в верхнюю часть переда одежды, под капюшон, — полосу черной кожи. Рукав был довольно узким.¹⁹

У эскимосов преобладала верхняя плечевая одежда, сшитая из тюленьих, птичьих и собачьих шкур, сведения о покрое которой крайне незначительны.²⁰

И чукчи, и коряки подпоясывали меховую одежду ремнем из узкого куска кожи с костяной или металлической пряжкой. Другой способ соединения концов чукотского ремня — камень-пуговица на од-

¹⁹ Приткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов. С. 15.

²⁰ Михайлова Е. А. Общие элементы... С. 116.

ном из них и петля на другом. К поясу подвешивали нож в ножнах. При подпоясывании образовывали пазуху, где, как и ненцы, хранили кiset с табаком, трубку, спички. У части приморских коряков были распространены широкие пояса, вышитые бисером.

Для обуви в зависимости от сезона и ее назначения использовался различный материал. Голенище зимней обуви как оленные, так и приморские чукчи шили из оленьих камусов, хорошо защищающих в холодное и сухое время года, а подошву — из оленьих щеток (оленьи чукчи) или менее промокаемых лахтачьих шкур мехом внутрь (приморские). Этот же материал шел и на подошвы осенней и весенней обуви оленных чукчей. Несмотря на то что он вынашивался довольно быстро и нередко население отдаленных стойбищ испытывало в нем недостаток, все же ему отдавалось предпочтение. Этот факт требует дополнительного рассмотрения, вероятно, в данном случае можно говорить о сохранении традиции, чуждой для чисто оленеводческой культуры.

Повсеместно голенище зимней обуви было коротким, форма подошвы же различалась: у оленных чукчей она выкраивалась по ноге, у приморских — в виде поршня, что делает ее менее промокаемой. Такая подошва считается эскимосской.²¹ Вокруг щиколоток обувь крепилась при помощи завязок из ровдуги или мандарки (обработанной особым способом шкуры нерпы, без шерсти), которая является очень прочной и в отличие от ровдуги не растягивается. Несмотря на то что зимняя обувь была короткой, чукчи выработали оптимальный для зимних условий способ ее обувания. Штанины нижних штанов, стянутых ровдужными завязками вокруг щиколотки, находили на короткие чулки, которые шили из камусов (а для больших холодов — из подстриженной оленьей постели) и носили мехом к ноге. Затем надевали обувь, по верхнему краю которой продевался шнурок из оленьих сухожилий, также фиксирующий голенище вокруг ноги, и уже поверх обуви натягивали штанины верхних штанов, закрепляемых так же, как и у нижних. Чулки из оленьего меха носили в сильные холода и приморские чукчи. Для шитья летней обуви у оленных чукчей служила в основном дымленина, характерной особенностью которой было то, что она почти не промокала, а при высыхании не коробилась. Приморские чукчи шире использовали шкуры морских животных, хотя и холодные, но малопромокаемые: им отдавалось предпочтение при изготовлении летней обуви. На нее шла также и ровдуга. Поскольку обувь часто нуждалась в просушке, у чукчей повсеместно была распространена специальная домашняя обувь, которую шили целиком из ровдуги или с камусным голенищем и подошвой из дымленины. С любой обувью чукчи обязательно носили травяные стельки.

У коряков бытовала короткая и высокая обувь (рис. 13). Короткая была достаточно свободной, так как ее носили с толстыми меховыми чулками (рис. 14), по покрою и материалу она походила на чукоотскую. Голенища высокой обуви доходили до колен. Они натягивались

²¹ Там же. С. 115.

Рис. 13. Зимняя обувь. Коряки. (МАЭ, № 6885-19 аб).

на штаны и завязывались ремешками под коленом. Предполагается, что эти виды обуви не были в равной степени характерны для всех групп коряков.²²

Материал, который коряки использовали для шитья летней обуви (по покрою она повторяла зимнюю, но была меньших размеров, так как носили ее не с чулками, а только с травяной стелькой), достаточно разнообразен. Это ровдуга, дымленина, выделанные шкуры нерп, камус оленьих телят, кожа с ног щенков.

Эскимосы носили короткую камусную обувь, аналогичную чукотской, только в холодное и сухое время года. Типично эскимосской же считается обувь с широким голенищем до колен, поршневидной подошвой и объемным носком, предназначенная преимущественно для теплой и влажной погоды.²³

Головные уборы, бывшие отдельным элементом костюма, мужчины-чукчи, как и ненцы, носили сравнительно редко. Их надевали в сильные холода или при длительных переездах. По покрою выделяют три типа чукотских головных уборов — капоров, в равной степени распространенных среди всех групп.²⁴ Зимний капор (рис. 15) был двойным, с верхом из пыжика или шкуры собаки, росомахи, лапок выдры и подкладом из любого находившегося под рукой меха. Вокруг лица располагалась опушка, одинарная или двойная (корякский ва-

²² Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов. С. 58

²³ Михайлова Е. А. Общие элементы... С. 115.

²⁴ Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов. С. 25.

Рис. 14. Зимние чулки. Коряки. (МАЭ, № 6885-23 аб).

риант). К боковым лопалям пришивались ремешки, которые могли завязываться как под подбородком, так и на затылке (при этом лопасти капора также отгибались назад), или ременная петля, которую пропускали под подбородком и накидывали на темя, для того чтобы капор держался на голове. В случае необходимости головной убор можно было снять и оставить свободно висящим на спине на этой петле.²⁵ У чукчей бытовал еще специальный большой и теплый дорожный головной убор из шкуры, снятой с головы волка, который надевали поверх двойного. Для ветреной погоды существовала так называемая варварка — из волчьей или оленьей шкуры, обычно мехом внутрь. Она представляла собой закрывающую плечи накидку с капюшоном, которая легко надевалась и снималась. К нижнему краю пришивали ровдужные петли для закрепления под мышками. Варварка была дополнительным элементом костюма, защищавшим главным образом шею от проникавшего между капором и одеждой ветра и холода.

У оленных чукчей пастухи, особенно молодые, носили головной убор, плотно прилегающий к голове, с отверстием на макушке. Главное его назначение — закрывать уши. Летом носили накомарник, по покрою аналогичный варварке, но сшитый из дымленины.

Для коряков головные уборы были более характерны, вероятно, потому, что они, как уже говорилось, находились в менее благоприятных климатических условиях. Зимой носили двойной капор с верхом из шкурок оленьих телят, собачьих или волчьих камусов на подкладе из оленьего меха, наглухо пришитом к верху. И верх, и подклад имели по всему периметру опушку, причем нижняя была из длинношерстного меха и выступала из-под верхней. Летний капор — одина-

²⁵ Там же. С. 26.

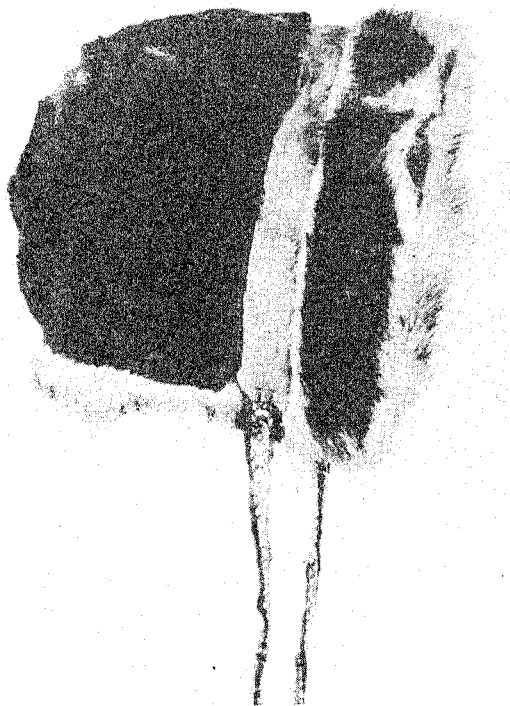

Рис. 15. Зимний головной убор. Чукчи. (МАЭ, № 6986-3).

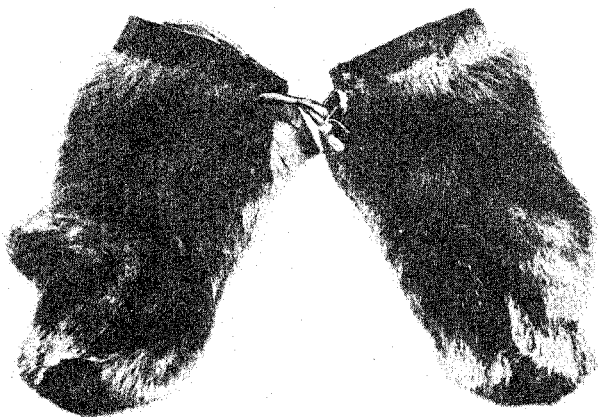

Рис. 16. Мужские рукавицы. Чукчи. (МАЭ, № 6889-14/1, 2).

рный меховой или ровдужный. Способ крепления корякского капора на голове был аналогичен чукотскому. В теплое время также носили его свободно висящим на спине или отгибали на затылок и завязывали там боковые лопасти, опушку же поднимали над лицом в виде козырька. В пургу и сильные морозы опушку, наоборот, опускали на лицо.²⁶

Пастухи летом ходили в неглубоких круглых шапочках из дымленины с опушкой из меха выдры и собачьей шерсти, в ровдужных накомарниках длиной ниже бедер типа чукотской варварки, но с несколько иной формой накидки или в виде круглой шапочки с пришитыми к ней наушниками и спускающимся по спине ситцевым платком.

Широкое распространение у чукчей и коряков получили рукавицы (рис. 16) и перчатки. В отличие от ненецких они не пришивались наглухо к плечевой одежде, а носились отдельно и были одинарными. Чукчи использовали для зимних рукавиц оленьи камусы и длинношерстный олений мех (последний — для рукавиц, которые носили в сильные морозы), для летних — тюленью кожу или ровдугу, для весенних — камус и дымленину. У коряков рукавицы шили из оленьих камусов мехом наружу или собачьих лап с ремешками для связывания их парами во время просушки.²⁷ И чукчам, и корякам было известно несколько вариантов кроя рукавиц (один из них был общим для этих народов). Мех располагали ворсом по направлению к концам пальцев, что увеличивало силу сцепления между материалом рукавицы и предметом, взятым в руки, и не позволяло ему выскальзывать.

Рукавицы — чрезвычайно важная деталь чукотского и корякского костюма, судя по разнообразию вариантов, известная с достаточно давнего времени. Перчатки же считаются заимствованием от русских или тунгусов. В каких-то случаях они удобнее рукавиц, так как обеспечивают большую подвижность пальцев. В то же время чукчи перерабатывали перчатки в соответствии со своими потребностями, делая одну из них или обе четырехпальными. Для ненцев-оленьеводов рукавицы не менее важны, но они не пользовались перчатками. Возможно, определенную роль в том, что в быт ненцев они не проникли, играл тот факт, что в ненецкой одежде рукавицы пришивались наглухо к концам рукавов, у чукчей же и коряков они носились отдельно, это делает деталь костюма более подвижной.

Известны также чукотские и корякские особые охотничьи костюмы. Распространены они были среди приморских групп. У чукчей такой костюм использовался во время весенней охоты на нерпу. Он состоял из глухой, плотно прилегающей к телу плечевой одежды из оленьей или тюленьей шкуры с пришитым сзади к подолу треугольным клином, который пропущен между ног и пристегивался к подолу спереди, в результате чего одежда еще плотнее прилегала к телу, в ней можно было двигаться бесшумно. Головной убор представлял

²⁶ Там же. С. 61

²⁷ Там же. С. 58.

собой шкуру, снятую с головы тюленя, частично набитую травой (реже — из кусочков оленьего меха), прикрепляемую на лбу охотника с помощью завязываемых на затылке ремешков. Обязательными для костюма охотника были наколенники, набедренник (для левого бедра) и налокотник (для левого локтя), сделанные из прямоугольных кусков шкуры белого медведя.

Во время морской охоты и на рыбалке чукчи и коряки широко использовали высокие (у коряков — до бедер) непромокаемые сапоги из дубленых тюленьих шкур с поршневидной подошвой и штаны из тюленьей кожи. У чукчей иногда штаны соединялись с сапогами. У коряков же нередко непромокаемая одежда шилась из шкуры собаки мехом внутрь.

Чукотский женский костюм состоял из нижней и верхней одежды, обуви, головного убора.

Для приморских групп нижней поясной одеждой являлся кожаный пояс-повязка или натазники, которые шили из ровдуги, дымленины, бумажных тканей. Считается, что и пояс-повязка, и натазники проникли к чукчам от эскимосов.²⁸ Повсеместно был распространен меховой комбинезон (рис. 17) — одновременно поясная и плечевая одежда. Нижний комбинезон шили из пыжиков (ранее использовался мех горного барана) мехом внутрь. Это довольно объемная, неотрезная по талии одежда, расширяющаяся за счет клиньев, вшитых спереди и сзади между основными шкурами. Широкие рукава с опушкой по низу у приморских чукчей стягивались при помощи ремешка. Штанины длиной до колен закрывали верх обуви и также делались с ремешком-вздержкой. Комбинезон спереди и сзади имел очень глубокий вырез, отороченный полосой меха собаки, росомахи или волка, благодаря чему его можно было легко сбросить с плеч при кормлении ребенка или тогда, когда нужно было освободить для работы руки (рис. 18, 19). Нагрудный разрез стягивали ремешковые завязки. Такой комбинезон носили зимой в жилище, а летом и на улице. Зимой же, выходя на улицу, поверх надевали комбинезон аналогичного покроя, но сшитый мехом наружу. Опушку нижнего комбинезона выправляли на опушку верхнего — прием, который использовался и в мужской плечевой одежде. При работе на улице даже зимой молодые женщины всегда спускали комбинезон и оставались с голыми руками и плечами. У пожилых же вырез комбинезона был меньше, кроме того, они закрывали шею от холода полосой оленьего меха или шалью. Летом носили потертые меховые комбинезоны.

Аналогичная одежда была характерна и для коряков, которые считали ее исключительно нижней. Иногда комбинезоны надевали поверх покупной рубашки из ткани. Кроме того, в отличие от чукчей корякские женщины не находились в жилище с открытыми руками и плечами (а в присутствии чужих — еще и в одном нижнем комбинезоне), хотя во время работы обнажали правую руку, спустив с нее рукав, и не носили пояса-повязки и натазников. Летний комбинезон коряки шили из ровдуги или дымленины.

²⁸ Михайлова Е. А. Общие элементы... С. 119.

Рис. 17. Женщины в комбинезонах. Приморские чукчи. 1951 г.
(МАЗ, № И1454-158).

Корякские комбинезоны имеют некоторые отличия от чукотских и в покрое, но в целом в том, что касается использования материалов, способа ношения, наблюдается полное сходство с чукотскими. Нужно отметить еще и то, что комбинезон коряков, как и вся корякская одежда в сравнении с чукотской, шилась более тщательно и большее внимание обращалось на ее отделку.

В комбинезоне сочетаются наиболее важные требования, предъявляемые к одежде: за счет объемности в нем можно легко двигаться, движению не препятствуют и тонкие, хорошо выделанные шкуры. Поясная и плечевая детали костюма, соединенные в одну, имеющую меньше швов и рубцов, натирающих тело, лучше защищают от ветра и холода. Глубокий вырез, в случае необходимости закрываемый полосой меха, позволяет легко освободить руки.

При переездах зимой поверх комбинезона чукчанки надевали верх-

Рис. 18. Женщины в комбинезонах. Приморские чукчи. 1951 г.
(МАЭ, № И1454-309).

Рис. 19. Женщины в комбинезонах. Приморские чукчи. 1951 г.
(МАЭ, № И1454-307).

нюю одежду, сшитую из осеннего стриженного оленьего меха ворсом внутрь, которая была также и праздничной. Установлено два типа покроя этой одежды: первый из них, длиной ниже колен, близок по покрою к мужской плечевой одежде, но с более широким подолом. Капюшон иногда заменялся большим отложным воротником из шкуры собаки. Стан одежды второго типа составлялся из небольших кусков шкуры, капюшон выкраивался вместе с верхней частью рукавов. Этот покрой, за исключением формы капюшона, аналогичен корякскому, кроме того, у чукчей такая одежда несколько уже. Края рукавов, подол, капюшон имели опушку из собачьего меха. У ворота спереди пришивался нагрудник из оленьих камусов. Летом поверх комбинезона надевали камлейки из бумажных тканей с капюшоном и надставкой по подолу. У оленьих чукчей такие камлейки были распространены меньше, чем у приморских.²⁹ У последних женщины в дождливую погоду ходили еще и в кишечных камлейках длиной до колен.

Корякские женщины зимой при выходе на улицу надевали одежду, аналогичную мужской кухлянке. Около жилища носили одинарную, мехом наружу, а в дорогу — двойную: нижнюю мехом внутрь, верхнюю — мехом наружу.

Как домашней рабочей одеждой в течение всего года, так и праздничной, была гагагля из зимних оленьих шкур со срезанной шерстью или короткошерстных оленьих шкур, которую носили мехом к телу. Это легкая одежда, длиннее мужской, с относительно короткими и неширокими рукавами, с капюшоном и нагрудником из мелкого оленьего камуса. Иногда капюшон заменялся большим воротником из шкуры собаки. Праздничная гагагля имела большое количество украшений, выполненных из различных материалов и в различных видах техники.

Женская обувь у чукчей и коряков по материалу и покрою не отличалась от мужской, но делалась с более высоким голенищем. Чукотские женские чулки были немного короче обуви. Их нижняя часть шилась из пыжика, а верх — из толстой зимней, слегка стриженной шкуры оленя, в результате чего икры казались толстыми. Сначала надевали комбинезон, а затем чулки и сапоги, закрепляя последние ремнями вокруг щиколотки, после чего поверх голенища спускали края штанин комбинезона, которые затягивали ремешками. Такой способ надевания обуви в принципе совпадал с мужским.

Чукотские и корякские женщины нередко ходили с непокрытой головой. У коряков в качестве головного убора использовался капюшон плечевой одежды. Во время переездов и чукчанки, и корячки под капюшон надевали капор, по покрою аналогичный мужскому. Чукотские женщины в сильную пургу носили также варварку.

У чукчей женские рукавицы были такими же, как и мужские, у коряков они совпадали по покрою, но делались утепленными — двойными (верх из пыжика, низ из выпоротка) и обшивались по запястью полосой собачьего, волчьего или лисьего меха.

Одинаковой у чукчей и коряков, а также эскимосов была детская

²⁹ Пряткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов. С. 43.

Рис. 20. Эскимосские дети в комбинезонах. 1929 г. (МАЭ, № И115-17).

Рис. 21. Чукотские дети в национальной одежде. 1951 г. (МАЭ, № И1454-430).

Рис. 22. Чукотский ребенок в национальной одежде. 1957 г. (МАЭ, № И1852-329).

одежда. До 6—8 лет дети носили комбинезоны (рис. 20), а затем переходили на одежду, по покрою повторяющую одежду взрослых (рис. 21, 22). В бытушем уже не менее 100 лет детском комбинезоне народов Крайнего Северо-Востока сосредоточены, пожалуй, все основные идеи, обеспечивающие удобство детской одежды. Для новорожденных комбинезон шили из мягкой телячьей шкурки мехом внутрь, концы рукавов и штанины зашивались наглухо. Между штанинами оставляли незашитое отверстие, через которое меняли подстилки из меха, смешанного с оленьей шерстью. Спереди комбинезона имелся разрез с ровдужными завязками по краям. По вороту шел круглый меховой отложной воротник. Комбинезон грудных детей был такого же покрою, но его делали двойным — верхний мехом наружу. Когда ребенок начинал ходить, ему шили двойной комбинезон без нагрудного разреза, с капюшоном и нагрудником. Отверстие между штанинами закрывали треугольным клапаном из меха, ровдуги или кожи, конец которого пропускали между ног. На нем имелось два ров-

Рис. 23. Чукотский ребенок в комбинезоне. 1957 г. (МАЭ, № И1852-56).

дужных ремешка, которые завязывались вокруг пояса, закрепляя таким образом клапан. Комбинезоны были без рукавиц, но на концах зашитых наглухо рукавов и нижнего и верхнего комбинезонов делались отверстия (на нижнем — с меховой обшивкой), через которые ребенок мог просунуть руки. Такие комбинезоны носили не только мальчики, но и девочки (рис. 23). Детская обувь была короткой, ее надевали тогда, когда ребенок начинал ходить. До этого концы штанов комбинезона также зашивались наглухо.

У приморских чукчей дети до 10 лет в жилище ходили без одежды, затем девочки начинали носить пояс-повязку (в жилище).

Исследователи одежды народов Крайнего Северо-Востока отмечают значительное сходство в костюме оленных групп чукчей и коряков по сравнению с оленными и приморскими группами каждого из этих народов.³⁰ Но приведенный здесь материал показывает, что общего в

³⁰ Там же. С. 84.

одежде оленных и приморских групп, вероятно, больше, чем принято считать. Возможно, это относится к уже сравнительно позднему периоду, когда хорошо были налажены торгово-обменные связи между различными группами и одежда стала стабильным предметом обмена. Хотя, как представляется, подобные связи существовали всегда и различия в повседневной одежде обусловлены исключительно природной и хозяйственной спецификой каждой конкретной территории и группы. Определенную роль играет также степень активности контактов с эскимосами. Заслуживает внимания предположение, сделанное Н. Ф. Прытковой в результате анализа одежды чукчей и коряков, поддерживающее высказанное ранее мнение, что эти народы не являются арктическими аборигенами.³¹ Оно подтверждается тем, что некоторые детали одежды, особенно у коряков, имели сложный покрой и шились из большого количества сравнительно маленьких кусочков меха — прием, присущий населению, занимающемуся охотой на мелких зверей. У коряков же сочетание этих кусочков стало приемом украшения одежды, что для чукчей было менее характерно. Кроме того, костюм состоял преимущественно из отдельных деталей, которые не объединялись, как у ненцев, в один элемент одежды (в частности, плечевой с наглухо пришитыми рукавицами и капюшоном). У коряков одежда с капюшоном встречалась чаще, чем у чукчей, — возможно, адаптация корякской одежды к более суровым климатическим условиям началась несколько ранее чукотской. Вероятно, больше общего, чем кажется на первый взгляд, имеется между так называемой варваркой и охотничьими накидками таежного населения.

Процесс трансформации костюма охотников, пришедших в тундровую зону, хорошо прослеживается на примере одежды энцев и нганасан, которая у этих народов совершенно одинакова.³² В конце XIX в. они были типичными тундровыми охотниками на дикого оленя. В соответствии с их образом жизни на базе первоначального варианта формировалась и одежда.

Мужской костюм состоял из поясной и плечевой одежды и обуви. Поясной одеждой были двойные натазники. Нижние шили из ровдуги, верхние — из оленьей шкуры мехом внутрь. В основе натазников лежал прямоугольный кусок материала, который надрезался и складывался так, что закрывались поясница и живот, остальные детали выкраивались в виде клиньев различной формы. Швы приходились снаружи. Натазники имели вздержку на поясе и по краям штанин. Они украшались ровдужной бахромой, полосами, нанесенными черной и красной краской и окантованными подшейным волосом оленя. Поверх меховых натазников носили кожаный пояс, с подвешенными к нему на медных кольцах ножом в ножнах, огнивом, футляром с трубкой, который, как и ножны, дополнительно привязывали к ноге. То, что этот пояс носили под плечевой одеждой, счита-

³¹ Там же. С. 87.

³² Описание одежды энцев и нганасан дается по: Попов А. А. Нганасаны: Материальная культура. М.; Л., 1948; Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы....

ется отличительным признаком мужской одежды энцев и нганасан.³³ Наличие нижнего пояса и отсутствие верхнего объясняется, скорее всего, особенностями плечевой одежды. Она короткая, в то же время достаточно толстая. Если пояс носить поверх такой одежды, он будет соскальзывать.

Энцы и нганасаны шили верхнюю плечевую одежду из пыжиков мехом наружу. Она глухого покроя, длиной выше колен, спереди подол имеет выступ в виде мыса. Отличительной особенностью этой одежды было то, что стан и рукава состояли из большого количества кусочков шкуры разных размеров, соединенных в определенном порядке: четко выделяется кусок, приходящийся на спину, полки, а также нагрудник и кокетка, надставки подола. К одежде пришивался капюшон без опушки, но со вздержкой, благодаря которой он стягивался вокруг лица. Мужская плечевая одежда энцев и нганасан отличалась большим количеством различных украшений (мозаика, бахрома, раскраска).

Зимой описанную выше одежду носили поверх другой, сшитой из осенней шкуры дикого оленя, положенной хвостовой частью вверх, мехом внутрь и без капюшона, которую надевали прямо на тело. В ее покрое прослеживается распахная одежда с вырезанными в нижней части лапами, которая превратилась в глухую путем сшивания полков вверх и включения в нижнюю часть большого закругленного куска шкуры.³⁴ Эта одежда длиннее верхней, кроме того, к ней пришивались рукавицы из камусов с незащитным отверстием над большим пальцем, через него можно было освободить руку. В качестве опушки использовали собачий или песцовый мех.

При ношении вместе нижняя и верхняя одежда соединялись в нескольких местах по подолу. В то же время каждую из них могли носить и отдельно — летом (рис. 24, 25). Поношенная верхняя одежда являлась рабочей.

Специальной дорожной одеждой у энцев и нганасан был так называемый сокуй, надеваемый поверх двойной одежды. Его шили из зимних шкур белого цвета мехом наружу. Линии кроя подчеркивались вставками из темного меха. Сокуй делали с капюшоном, который имел султан из оленьего хвоста.

Энцы и нганасаны носили, кроме того, особые охотничьи сокуи, зимние и летние, одинаковые по покрою, с несколько меньшим, чем у другой одежды, количеством швов. Охотничьи сокуи делались с капюшонами без султана, они выкраивались, как и капюшоны ненецкого совика. По подолу пришивалась широкая полоса собачьей шкуры, а на капюшоне вокруг лица — опушка из грубого оленьего меха. На зимний сокуй шли белые шкуры, так как он обычно использовался при охоте со скрадом и для того, чтобы не хрустел снег при под-

³³ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... С. 62.

³⁴ О трансформации распахной одежды в глухую см.: Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... С. 75—76; Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 179, 181—182.

Рис. 24. Энец в нижней одежде. 1936 г. (МАЗ, № И1162-92).

Рис. 25. Вадеевские нганасаны в национальной одежде. 1938 г.
(МАЗ, № И1058-62).

ползании, его переднюю часть делали из мягких собачьих шкур.³⁵ Летний сокуй хорошо защищал от дождя, из-за подрезанного ножом до половины ворса шкура была непромокаемой.³⁶ Для осенней охоты служила вытертая одежда, которая сливалась с цветом камней, маскируя таким образом охотника. Она дополнялась специальным головным убором из мелкого камуса оленя.³⁷

Мужская обувь энцев и нганасан значительно отличается от обуви других народов Сибири. Она представляет собой длинный мешок, не имеющий выемки в подъеме, и не повторяет форму ноги. Зимнюю обувь шили из полос белых камусов. На подошву шли оленьи лбы, щетки или камусы с подрезанным в виде ступенек ворсом, чтобы подошва не скользила. По длине мужская обувь была выше колена. Верхний край голенища имел косой срез, как у ненецкой обуви. Обувь крепилась к поясу при помощи двух ровдужных ремешков, пришитых спереди к верху голенища. Еще двумя ремешками обувь закреплялась под коленом. Украшением были канты из разноцветного сукна. Обувь носили с чулками, сшитыми мехом внутрь. Их покроя совпадал с покроем обуви. Дополнительной деталью был кусочек меха, который крепился к чулкам над коленом, чтобы оно не замерзло при стрельбе "с колена".³⁸ Летняя обувь — того же покроя, что и зимняя, ее голенища шили из ровдуги, а подошвы — из оленьих лбов или камусов. Носили такую обувь без чулок.

Возможно, обувь подобного покроя характеризует процесс формирования костюма в новых для этноса условиях: плечевая одежда дает крайне сложный покроя, в котором можно выявить первоначальную форму костюма в виде распашной одежды с нагрудником, превратившейся затем в глухую, обувь же по сравнению с плечевой одеждой выглядит достаточно неуклюжей — не исключено, что у энцев и нганасан раньше бытовала другая обувь, совершенно непригодная к тем условиям, в которых они оказались, а новая еще не сформировалась.

Женская одежда состояла из натальной, верхней и нижней плечевой, обуви, головного убора. Непосредственно на тело надевали комбинезон (рис. 26) — сочетание поясной и плечевой одежды. Зимний комбинезон шили из стриженного оленьего меха ворсом внутрь, летний — из ровдуги. Эта одежда имела достаточно сложный покроя, близкий к таковому чукотских и корякских женских комбинезонов.³⁹ Украшения, типичные для энцев и нганасан, — ровдужная бахрома, нанесение краской линий, оконтуренных подшейным волосом оленя. Во время поездок сначала надевали ровдужный комбинезон, а поверх него — меховой. Ровдужный комбинезон был также и домашней одеждой. Его дополнительными украшениями служили металлические подвески. Но летом их снимали со штанов, так как они мешали

³⁵ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... С. 55.

³⁶ Там же.

³⁷ Попов А. А. Нганасаны. С. 29.

³⁸ Там же. С. 110.

³⁹ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... С. 71.

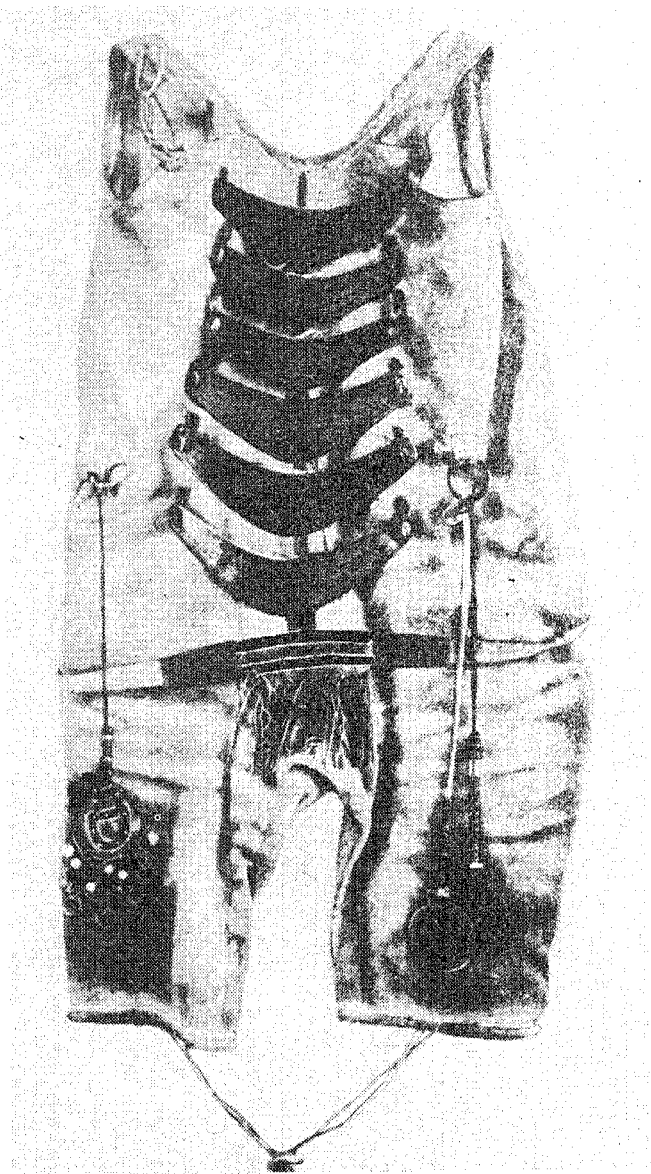

Рис. 26. Женский комбинезон. Нганасаны. (МАЗ, № 6970-2).

при ходьбе.⁴⁰ Комбинезон носили с ровдужным поясом, который прикреплялся спереди, концы же его завязывались сзади.

Женская плечевая одежда состояла из нижней и верхней (рис. 27).

⁴⁰ Попов А. А. Нганасаны. С. 116.

Рис. 27. Энки в нижней и верхней одежде. 1936 г. (МАЭ, № И1162-168).

Нижняя, которую надевали на комбинезон, по покрою и технике украшений совпадала с нижней мужской, но имела разрез спереди, большой воротник из собачьих или песцовых хвостов, выправляемый наружу, и пришитые к концам рукавов камусные рукавицы. Длинной

одежда была чуть ниже колен. Нижняя одежда служила также летней и домашней.

Совпадала с мужской и верхняя женская плечевая одежда. Отличалась она только наличием разреза спереди и отсутствием капюшона. Эта одежда была выше колен и без воротника. Зимой ее носили с нижней, приметывая вдоль полок и в отдельных местах скрепляя на подоле. Полки соединились при помощи ровдужных ремешков.

В качестве самостоятельной эта одежда бытовала только в сильно потертом виде.⁴¹

Энки и нганасанки носили также дорожную одежду из длинношерстного меха, схожую с мужским сокуем, но опять же распашную и без капюшона, и дождевики аналогичного покроя, сшитые из подстриженного меха.

Женская обувь отличалась от мужской более короткими (чуть выше колена) голенищами. Это объясняется тем, что женская нательная одежда (комбинезон) в отличие от мужской (натазников) имела длинные штанины, при которых не было необходимости в обуви с особо высокими голенищами. Низ штанин, как и у чукчей и коряков, находил на верх голенища и затягивался под коленом.

Поскольку женская одежда шилась без капюшона, энки и нганасанки носили отдельные головные уборы (рис. 28). Это были двойные капоры из оленьего меха (нижний — мехом внутрь, верхний — наружу), одинакового покроя, с опушкой из черного собачьего меха, пришитой по всему периметру. Опушка верхнего капора была длиннее, чем у нижнего, кроме того, он украшался суконными кантами.

Одежда энцев и нганасан, как и ненецкая, чукотская, корякская, считается в основе своей южной по происхождению, сложившейся в этнографически зафиксированном облике в условиях севера.⁴²

Не останавливаясь здесь на вопросе формирования глухой и распашной одежды вообще, чему в литературе уделено немало внимания, хотя этот вопрос далек от разрешения, можно попытаться определить черты одежды, характерные для тундрового населения в целом и для населения, относящегося к конкретному хозяйственно-культурному типу, не затрагивая, особенно в данной ситуации, этнической специфики.

Итак, общим для населения тундры является широкое применение оленьего меха, причем шкуры определенного качества повсеместно использовались одинаково. Например, дорожную одежду шили из зимних постелей, головные уборы из пыжика, рукавицы и зимнюю обувь из камуса, подошву обуви из щетки. Таким образом, все тундровое население хорошо знало качества той или иной части шкуры и шило из нее именно ту деталь одежды, для которой она больше всего подходила. Развитие оленеводства способствовало усовершенствованию одежды: появлялась возможность подобрать нужные шкуры.

На втором месте, пожалуй, были собачьи шкуры, также легкодо-

⁴¹ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы... С. 73.

⁴² Там же. С. 92—93.

Рис. 28. Женский капор. Нганасаны. (МАЭ, № 6970-3 аб).

ступный для населения тундры материал. Интересно, что в конце XIX — начале XX в. для одежды использовали в основном шкуры животных, одомашненных уже задолго до этого времени. Материал же, который добывался в результате охоты, шел либо на отделку, либо на изготовление наиболее архаичных элементов костюма, а в ряде случаев для производственной одежды, которая, как например кишечные камлейки, была также и ритуальной, что, как уже говорилось, подчеркивает большое значение охоты на морского зверя.

Для шитья меховой одежды повсеместно употреблялся только один вид ниток — сухожильные. По своим качествам они вполне подходили для скрепления деталей из такого трудного в шитье материала, как мех, — были прочными и скользкими. Кроме того, во многих местах сухожилия были единственным сырьем для изготовления ниток.

Если говорить о покрое одежды, то общим здесь является бытование глухой мужской одежды с капюшоном. Меховая одежда глухого покроя, по общепризнанному мнению, сформировалась в арктической зоне. В данном случае нужно различать две позиции. Согласно первой, глухая одежда была характерна для арктических аборигенов и предки современных народов, живущих в тундре, заимствовали ее; согласно второй, глухая одежда сформировалась из традиционной для неаборигенного населения распахной одежды под влиянием новых климатических условий. Как показывают рассмотренные материалы,

и та, и другая позиции в равной степени справедливы, поскольку обнаруживаются различные варианты покроя стана глухой одежды, которые можно объяснить не только характеристиками самого материала (размеры шкуры), но и этническими традициями. Одежда, основные детали которой выкраиваются из больших шкур, могла развиваться, вероятно, только в среде оленеводческого населения, т. е. там, где эти шкуры были изначально.

Характерным для населения тундровой зоны конца XIX — начала XX в. являлось также использование потертой зимней одежды в качестве летней. Это может говорить о том, что к тому времени еще не сформировалась стойкая традиция ношения специальной летней одежды из более легкого материала. Следует отметить, что, по имеющимся данным, в большей степени это касалось мужской одежды.

Повсеместно также наблюдалось наличие более или менее развитого производственного костюма. Здесь нужно подчеркнуть следующее. Отдельные элементы одежды коренного населения свободно заимствовались пришлым населением, в первую очередь русскими, как на рубеже XIX и XX вв., так и в течение всего XX в. Это касается прежде всего производственной, а также дорожной одежды. Основных причин здесь, как представляется, две. Первая состоит в том, что производственная и дорожная одежда являются оптимальным вариантом костюма для данной конкретной местности и пришлое население в том случае, если оно переходит на характерные для этой местности виды хозяйственной деятельности, заимствует все сопровождающие: орудия труда, средства передвижения, одежду. Вторая причина, по которой производственная одежда заимствуется довольно-таки свободно, то, что в ней в меньшей степени отражается этническая специфика и практически не проявляется оппозиция "свое — чужое". Вариантов покровов для определенных географических условий, да и вообще, не так уж много, этнические признаки проявляются либо в других характеристиках одежды, либо в сочетании всех характеристик. Производственная одежда, как правило, не имеет украшений: они могут мешать, выделяются при маскировке. Остается в чистом виде функциональность, знаковая сущность одежды теряется, поэтому становится возможным ее заимствование.

Сказанное в основном относится и к дорожной одежде. Кстати, пришлое население может заимствовать национальную одежду автохтонов (которая нередко не имеет вариантов) и воспринимать ее как дорожную для себя, если оно переходит на новые, чужие виды средств передвижения.

Эти причины вполне могут объяснить существующий облик ненецкой мужской одежды (процессы развития женской одежды характеризуются несколько иными закономерностями): она заимствовалась от аборигенного тундрового населения как производственная и дорожная одежда, каковой является по сей день, что кстати и обусловило ее сохранение.

Относительно женской одежды нужно сказать, что у всех народов тундры она имеет какие-либо существенные отличия от мужской.

Если рассматривать одежду по хозяйственно-культурным типам и

их вариантам, можно сказать, что внутри их она различается в основном по длине и использованию дополнительных деталей костюма, связанных с конкретными, характерными для данной местности условиями.

Если сопоставить в целом костюмы тех народов, о которых здесь говорилось, то получается, что ранее других как оленеводы тундры сформировались ненцы, у которых следы одежды, присущие населению другого хозяйственно-культурного типа, обнаруживаются лишь в женской шубе первого типа, уже к началу XX в. имевшей достаточно ограниченное распространение. Одежда энцев и нганасан начала XX в. может считаться характерной для охотников тундры, в то же время она четко отражает процесс трансформации костюма. Корякская, а особенно чукотская одежда, как представляется, дает пример процесса формирования костюма охотников, которые перешли к оленеводству.

Сейчас трудно сказать, как бы развивалась традиционная одежда, если бы в течение XX в. не происходили столь серьезные вмешательства в естественный процесс развития национальной культуры, что привело в ряде районов к почти полному ее уничтожению. Нужно отметить, что нередко одежда сохранялась уже после того, как были утрачены другие компоненты традиционной культуры. Это наблюдается в первую очередь там, где хозяйство по-прежнему базируется на традиционных отраслях, и национальная одежда приобретает характер промысловой, производственной, естественно, в тех случаях, когда ее невозможно заменить покупной. Рассмотренная в данной статье одежда именно в таком плане продолжает бытовать и в настоящее время. В поселках же носят преимущественно городскую одежду. Исследования показали, что в целом женская одежда более консервативна, чем мужская, но теперь в быт населения тундровой зоны прочно вошла покупная женская одежда, которую носят в основном летом даже во время работы в бригадах, мужчины также одевают под меховой одежду и белье из ткани. Вполне возможно, что внедрение одежды из ткани — завершение того процесса, который начался еще в конце XIX в., уже тогда были известны рубахи из этого материала. Традиционная же одежда стала, по сути дела, верхней.

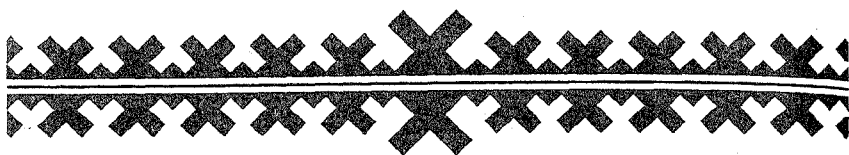
Основные элементы производственного костюма продолжают сохраняться и в наши дни, причем часто их специально шьют в поселковых мастерских, что только лишний раз подчеркивает незаменимость ряда элементов национального костюма.

В ряде случаев при полном исчезновении национальной одежды из повседневного быта она употребляется в качестве праздничной, используются традиционные украшения, покупная одежда сочетается с какими-то элементами традиционной.

Особая ситуация наблюдается с обрядовой одеждой. Как известно, она служит важным источником для выявления наиболее древних традиций в покрое одежды (наряду с украшениями повседневного костюма), но в течение второй и третьей четвертей XX в. в связи с преследованием религиозной деятельности коренного населения обрядовая одежда почти исчезает.

Естественно, процесс трансформации национального костюма на протяжении XX в. у различных народов Сибири происходил по-разному, но основные причины, которые влияли на этот процесс, в целом одинаковы. Это изменения в традиционном природопользовании, вызванные промышленным освоением Севера, укрупнение населенных пунктов, содержание детей в школах-интернатах. Степень сохранения традиционной одежды у отдельных народов была различной. С конца 1980-х гг. наблюдается рост национального самосознания и интереса к собственной культуре. В связи с этим в ближайшие годы можно ожидать и частичного ее возрождения. Главное, чтобы эти процессы не были насильственными. Относительно одежды населения тундровой зоны можно предварительно дать следующий прогноз. Будет бытовать производственная одежда, в которой сочетается большинство известных деталей традиционного мужского костюма, поскольку она является наиболее удобной при ведении традиционного хозяйства, а его возрождению сейчас уделяется очень много внимания. Возможно, постепенно снова войдет в быт в качестве верхней зимняя одежда, которую сейчас носят люди старшего поколения и то не повсеместно. Несомненно, национальная одежда сохранится в качестве праздничной, хотя в этом случае она приобретет, вероятно, характер, скорее, театрализованного костюма, как это уже показала практика. В большем соответствии с традиционными образцами будет возрождаться ритуальная одежда. В настоящее время мы являемся свидетелями еще одного процесса, вполне естественного для развития национальной культуры, — распространение традиционных приемов украшения одежды на покупной костюм или какие-то другие предметы быта.

Н. В. Ермолова

**ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ
У НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ.
ОЛЕННЫЙ ТРАНСПОРТ И УПРЯЖНОЕ СОБАКОВОДСТВО**

В старину бескрайние пространства Сибири преодолевались местными жителями верхом на олене, на оленьих или собачьих упряжках. Оленный и собачий виды транспорта, максимально приспособленные к северным условиям, на протяжении столетий были здесь главными способами сообщения. В наше время в распоряжении жителей Севера — почти все виды современных транспортных средств — автотранспорт, железные дороги, авиация. Однако новые виды сообщения не отрицают значения традиционных, веками испытанных оленей и собак. Исключительная их распространенность в наши дни связана с сохранением традиционных промысловых занятий — оленеводства, охоты, рыболовства. Основанные на многовековом опыте коренных северян эти виды транспорта превосходно приспособлены к местным условиям. Изучение их может дать обширный материал к проблеме адаптации человека к экстремальным условиям Севера.

Современное сохранение оленного и собачьего транспорта в культурах северных народов придает им своеобразный национальный колорит.

Специфически северной разновидностью транспорта является оленный транспорт, основанный на использовании силы этого животного при разных способах передвижения. Оленеводство — исконное традиционное занятие северян. На всем огромном пространстве северной Сибири нет народа, который бы не занимался им в большей или в меньшей степени и не использовал бы оленя как средство передвижения. Как ездовое животное олень незаменим в бездорожье тайги и тундры в любое время года. Его замечательными качествами являются выносливость, способность делать длительные переходы, пользуясь только подножным кормом, умение быстро находить нужное направление даже в самую сильную пургу, когда из-за снега ничего не видно вокруг. Благодаря устройству своих копыт олень легко передвигается там, где не сумеет пройти никакое другое транспортное животное — ни лошадь, ни собака. Как писал А. А. Попов, олень

может переходить через какие угодно болота, зимой — через глубокие снеговые заносы. Широкие копыта удерживают его на крутых склонах гор, дают возможность становиться ногами на таких маленьких и подвижных кочках, на которых вряд ли могло бы удержаться какое-либо другое животное. Незаменим олень также и при переходах через бурные горные реки: он прекрасно плавает и может противостоять сильному натиску волн у порогов и водопадов.¹

Характер использования оленя для транспорта имел свои отличия в разных регионах Сибири. Он был тесно связан с природной средой, с этнической традицией, с особенностями породы северных оленей, среди которых выделяются таежные, тундровые, лесотундровые. В зависимости от действия этих факторов в северной Сибири исторически сложились и продолжают существовать до сих пор несколько видов оленного транспорта, которые удобнее рассматривать по следующим регионам: Северо-Восток (чукчи, коряки), Западная Сибирь (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, ханты, манси), Восточная Сибирь, включая Амурский бассейн и о-в Сахалин (эвенки, эвены, долганы, северные якуты, ороки).

Северо-Восток. Оленный транспорт чукчей и коряков по всем основным признакам представляет собой один вид, совпадающий даже в деталях. Чукчи и коряки пользовались и продолжают пользоваться в наши дни оленем в качестве транспортного животного, лишь запрягая его в нарты, без выючно-верхового передвижения, что легко объясняется удобством нартенной езды в условиях широких открытых пространств тундры на Чукотке и Камчатке. Ездили на нартах только зимой, после выпадения снега, т. е. большую часть года, с поздней весны до ранней осени на оленях не передвигались, переходя с

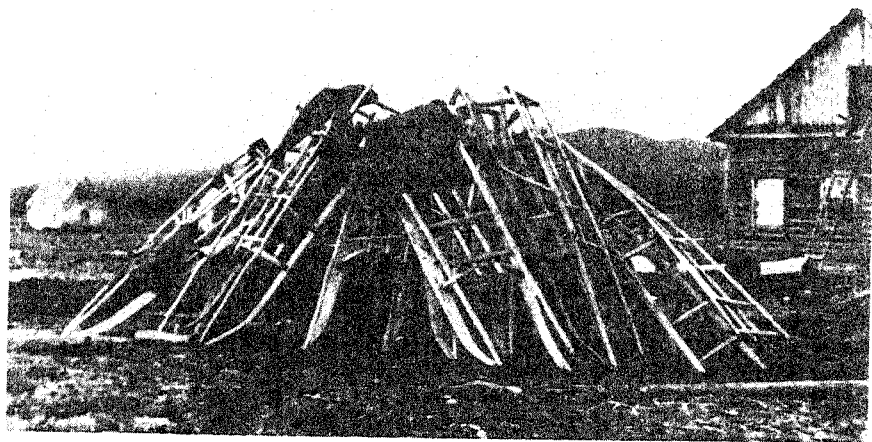

Рис. 1. Способ хранения оленьих нартов летом. Чукчи. (МАЭ, № И1852-196).

¹ Попов А. А. Оленеводство у долган // Сов. этнография. 1935. № 4, 5. С. 186, 188.

одного стойбища на другое пешком и даже свое имущество в это время года несли на себе. В наши дни для летних перекочевок оленеводы используют механический транспорт (вездеходы, тракторы с прицепом) или лошадей якутской породы, но на оленях летом по-прежнему не ездят (рис. 1). Зимние перекочевки как прежде, так и теперь совершаются на оленьих упряжках. Различаются легковая (ездовая) упряжка — для езды людей и грузовая — для перевозки грузов. В легковые нарты запрягают обычно по два оленя (рис. 2), в грузовые — по одному. Легковые и грузовые нарты, имея некоторые различия по форме и по размеру, аналогичны по конструкции. Они имеют дугобразные копылья, сделанные из оленьего рога или из березового корня с естественным изгибом. Концы копыльев вставлены в отверстия обоих полозьев и закреплены в них ремешками. Полозья спереди загнуты кверху. Все соединения нарты скреплены крепко затянутыми тонкими прочными ремешками без применения каких-либо шипов или гвоздей. Эта особенность — соединение деталей при помощи ремней — отражает очень древние традиции, сохраняющиеся до наших дней. Благодаря ремennому креплению части нарт сохраняют некоторую подвижность, которая придает им эластичность и плавность движения, смягчая толчки и удары во время езды.

Легковые нарты делаются из березы (рис. 3), они имеют тонкие гладкие полозья и копылья, а также низкую спинку в задней части сиденья из палочек, связанных ремнями. В весеннее время, когда березовые полозья плохо скользят по полурастаявшему снегу, на них набиваются пластинки из китовой кости или из челюстей моржа. Различаются мужские и женские ездовые нарты. Женские имеют более широкое и удобное сиденье и делаются обычно большего размера — они

Рис. 2. Легковая оленья упряжка. Коряки. (МАЭ, № И1542-13).

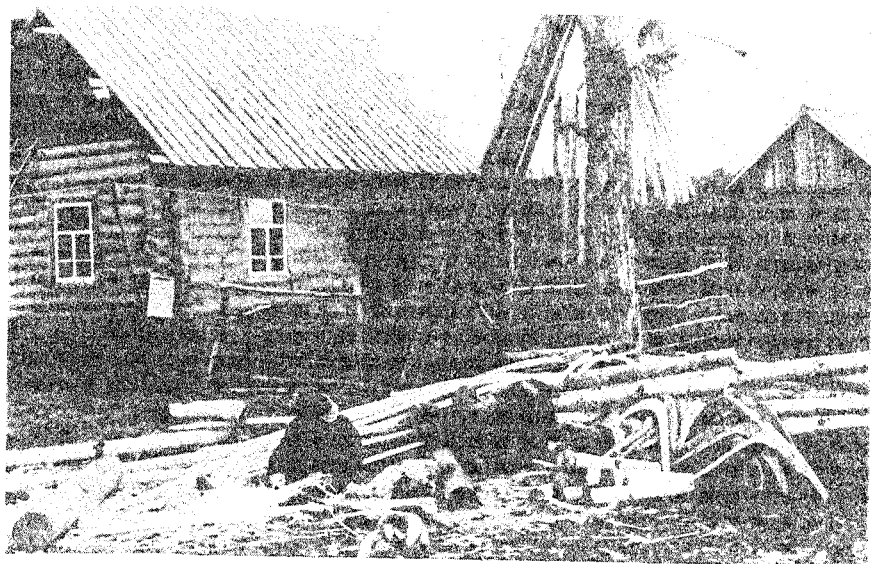

Рис. 3. За изготовлением нарт. (МАЗ, № И1852-20).

длиннее, шире и выше мужских (рис. 4, 5). При этом оленные нарты, даже женские, как отмечал В. Г. Богораз, "настолько легки, что человек легко может поднять их одной рукой и нести на своей спине, не говоря уже о том, что без труда может тащить их по снегу".² Человек, едущий на нарте, садится на нее верхом, подложив на сиденье кусок шкуры, ноги ставятся на полозья. По описанию В. Г. Богораз, "сидя таким образом, ездок легко направляет ногами путь саней и отталкивается ими от кочек и прочих дорожных препятствий. Если путь идет по наклонной и скользкой местности, то ездок пользуется своими ногами как тормозами. В весеннее время, когда верхний слой снега делается твердым и скользким, тормоз делается из оленьего рога, привязывается к правому полозу и, когда требуется, крепко вдавливается ногою в снег" (рис. 6).³ Для понукания оленей используется кнут из длинной гибкой ветви, на конце которой прикреплен костяная насадка.

Грузовые нарты отличаются от легковых большими размерами, массивностью и грубостью изготовления. На них перевозят различное имущество и маленьких детей. В последнем случае на нарте устанавливается деревянный каркас, обтянутый меховой покрывкой (рис. 7).

Оленья упряжь состоит из лямки-петли, которую перекидывают через левое плечо оленя, захватывая правую переднюю ногу. К лямке

² Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 29.

³ Там же. С. 29—30.

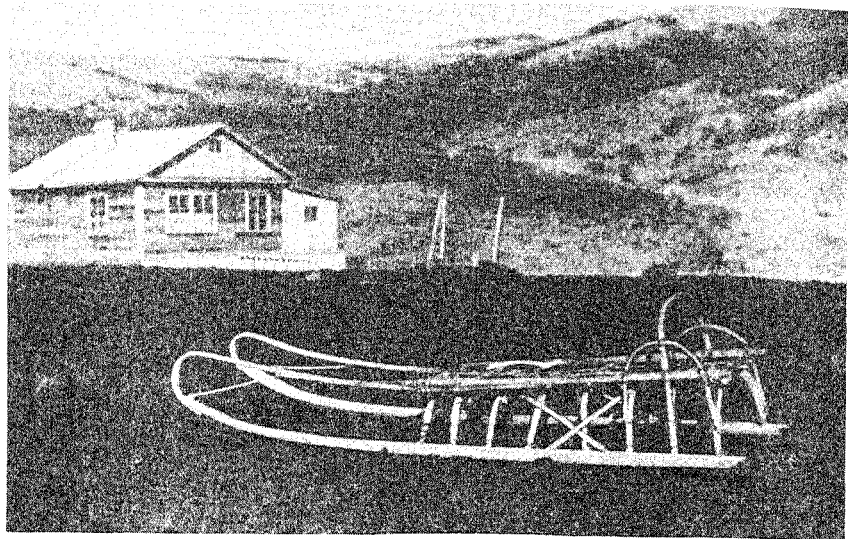

Рис. 4. Ездовая мужская нарта. Коряки. (МАЭ, № И1911-115).

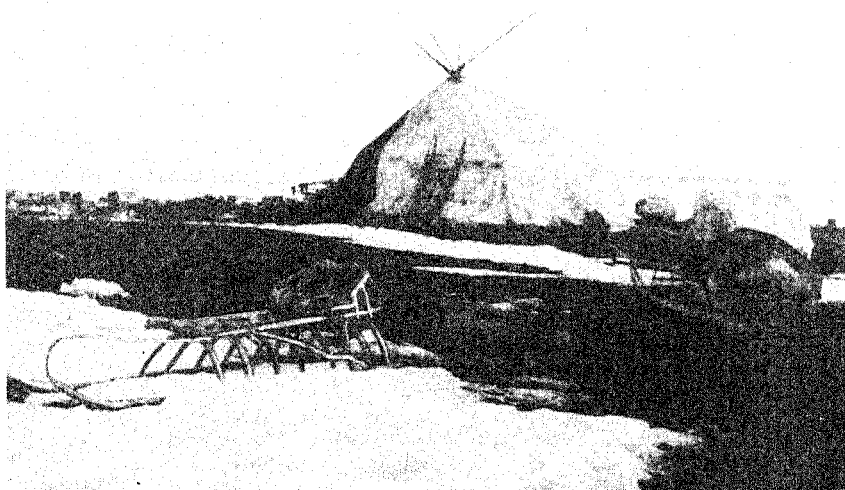

Рис. 5. Женская ездовая нарта. Чукчи. (МАЭ, № И1454-132/1).

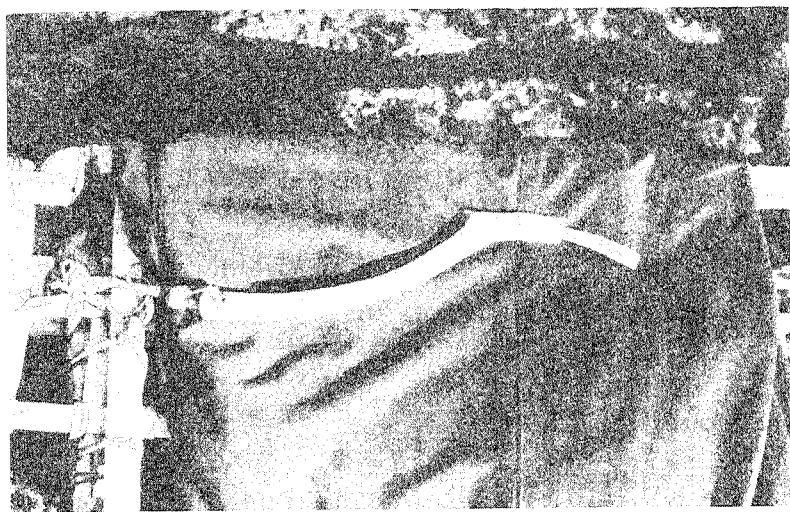

Рис. 6. Тормоз для оленьей нарты. Коряки. (МАЭ, № И1911-117).

привязывается ремень-тяж, проходящий по правому боку оленя. Конец тяжа прикрепляется к настилу нарты. Недоуздки обоих оленей соединяются ремнем, чтобы животные не разбежались в стороны. Передовиком, т. е. управляемым, является правый олень. Благодаря тому, что тяжи обоих оленей проходят справа, нарта находится немного слева от них, и поэтому ездок может видеть путь впереди себя, и снег из-под копыт не так сильно бьет ему в лицо. При спусках же с гор нарты, находясь сбоку, не мешают движению оленей, а наоборот, олени сдерживают их стремительное движение вниз.⁴

При перекочевках все имущество укладывают на грузовые нарты, из которых в строго определенном порядке составляют олений караван (рис. 8). При длительном пути следования такой караван с грузами проходит в среднем 10—15 км в день, а ранней осенью не более трех или пяти. Но при езде на короткие расстояния олень, запряженный в легковую нарту, может в два дня пройти до 200 км.⁵ В XX в. олений транспорт чукчей и коряков не претерпел никаких принципиальных изменений, и в наше время нарты, упряжь, способы передвижения — все сохраняется как и сто, и двести лет тому назад. Поэтому красочное описание перекочевки коряков, сделанное В. И. Иохельсоном в начале XX в., до сих пор представляет собой вполне современную картину: "Впереди едет хозяин на легкой нарте, запряженной парой беговых оленей. Он едет быстро и оставляет обоз далеко позади. По дороге он осматривает пастбища и выбирает место остановки. Нарты, нагруженные домашними вещами и принадлежно-

⁴ Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971. С. 81.

⁵ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. С. 33.

Рис. 7. Кочевой караван. Коряки. Первая нарта используется женщиной, вторая — для перевозки детей. (МАЭ, № И859-12).

стями яранг, запряженные каждая одним оленем, поручаются женщинам. Одна женщина может вести семь или восемь нарт. В первую, на которой сидит женщина — глава стойбища, впрягается смиренный олень, обыкновенно ее собственный. За этой нартой следуют закрытые повозки с детьми, затем идут нарты с одеждой, посудой, провизией, постелями и покрышками яранги. Нарты, на которых везут все деревянные части яранги, замыкают обоз”.⁶

Западная Сибирь. У ненцев, энцев, иганасан и северных селькупов⁷ оленный транспорт был основным средством передвижения в любое время года. На оленях ездили круглый год, и зимой и летом, запрягая их в нарты. Верхового и вьючного использования оленя не знали. Нарты и упряжь всех самодийских народов отличаются от распространенных на Северо-Востоке у чукчей и коряков. По характерным особенностям конструкции они относятся к типу, который принято называть самодийским или ненецким, поскольку центром его формирования считается территория, заселенная ненцами.⁸

Самодийские нарты состоят из пары высоко загнутых (до уровня сиденья) полозьев, на которые при помощи 2—6 пар наклонно поставленных копыльев, соединенных поперечинами, укреплена рама из реек, передние концы которых входят в головки полозьев. Соединение частей нарт неподвижное — пазовое: 4-угольные шипы на концах одних деталей вставляются в соответствующие отверстия других

⁶ Jochelson W. The Koryak : Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1908. Vol. 6, pt 2. P. 485.

⁷ У нарымских селькупов оленеводство отсутствовало.

⁸ Хомич Л. В. Ненцы. М.; Л., 1966. С. 92.

Рис. 8. Оленний караван. Чукчи. (МАЭ, № И1454-74).

частей. Все копылья расположены в задней половине нарт. Они поставлены косо верхними концами внутрь и назад. Отсюда название такого типа нарт — косокопыльные. Благодаря этому расстояние между полозьями получается шире, чем сиденье, что при значительной высоте нарт делает их более устойчивыми и не позволяет им переворачиваться. Косокопыльность нарт при неподвижном их креплении имеет огромное технологическое значение. По наблюдениям А. А. Попова, если бы копылья не имели скошенности, они при распрямлении полозьев от промокания, оттягивая назад корпус, расшатывали бы нарты.⁹

Мужские и женские ездовые нарты различаются по размерам и количеству копыльев. Первые имеют более легкую конструкцию и меньшую площадь сидения, они короче (до 2 м) и легче женских, обычно на трех-четырех парах копыльев. Женские нарты большего размера, на пяти-шести парах копыльев. Особенности женских нарт обусловлены тем, что женщины часто ездят с детьми, поэтому женские нарты имеют большую площадь сидения, более высокие (до 1 м) копылья, которые предохраняют зимой от снега, и обычно их сиденье бывает ограничено тремя стенками — со всех сторон, кроме левой по движению.¹⁰

И летом, и зимой самодийцы ездят по тундре на одних и тех же нартах, запрягая в них, однако, разное количество оленей. В легкую нарту веером запрягают зимой 3—4 оленя, летом — 5—6, так как нарты плохо тянутся по земле без снега.

При запряжке оленю надевается через одно плечо широкий ремень, от которого к нарте идет между задними ногами оленя специальный поводок — тяж. Тяж соединяется с передком нарты при по-

⁹ Попов А. А. Оленеводство у долган. С. 196.

¹⁰ Хомич Л. В. Оленьи нарты и упряжь у ненцев // Сб. МАЭ. 1961. Т. 20. С. 44.

мощи блоков (пластинок из рога или дерева обычно с двумя отверстиями) и ремешков (рис. 9). Благодаря системе блоков каждый олень тянет груз равномерно. ¹¹ Управляют оленьей упряжкой при помощи специально обученного передового оленя, которого ставят крайним слева. К его недоузду с левой стороны прикрепляется вожжа, которую ездок держит в левой руке и посредством которой управляет передовиком, а тем самым и всей упряжкой. Подгоняют оленей хореем — длинным, в 3—5 м, шестом с костяным наконечником на конце, предохраняющим оленя от ранений. При езде хорей держат в правой руке. Садятся на нарту с левой стороны, правую ногу кладут на нарту, упираясь ею в переднюю дощечку, а левую оставляют на весу или ставят ее на полоз.

Для ненецкого оленного транспорта характерны несколько видов грузовых нарт, предназначенных для перевозки разного имущества, они различаются по величине и некоторым деталям конструкции. В эти нарты запрягают обычно двух оленей и не веером, а рядом. При перекочевках грузовые нарты соединяют по 6—8 вместе, одну за другой в определенном порядке — впереди нарты с мягким грузом, затем с ящиками, досками и прочим и последними прикрепляются нарты для шестов чума. Таким образом, из нескольких грузовых нарт составляется олений караван (аргиш), в котором самой первой идет женская легковая нарта. Мужчина едет отдельно, впереди, возглавляя весь аргиш. Летом караван движется чрезвычайно медленно, 3—4 км в час. Но зимой на хороших оленях можно делать за день до 250 км, продвигаясь со скоростью до 30 км в час. При этом олень еще и очень вынослив, можно ехать на нем целые сутки без корма, лишь давая ему изредка немного передохнуть.

Как транспортное животное олень до сих пор широко используется в хозяйствах, занимающихся оленеводством, при выпасе оленей, на охотничьем промысле, при перевозке жилищ, домашних вещей, поскольку члены оленеводческих бригад и большая часть их семей продолжают вести кочевой образ жизни в связи с сезонными переходами оленей. В употреблении остаются все виды нарт, характерные для ненецкого оленного транспорта. Мотонарты и вездеходы не могут заменить традиционного передвижения на оленях, которое и в наше время остается наиболее рациональным и приспособленным к условиям кочевого быта.

Олений транспорт ненецкого типа (нартенное использование оленя, косокопильные нарты пазового крепления, упряжка веером) характерен не только для ненцев, энцев, нганасан и селькупов, но также для кетов, части долган, хантов и манси, которые заимствовали его у своих самодийскоязычных соседей.

Среди хантов и манси оленей имеют только северные группы, причем у хантов принято ездить на оленных нартах в любое время года, а у манси — лишь зимой. Верхом на олене обские угры не ез-

¹¹ Такая широко распространенная в Западной Сибири блочная система запряжки на Северо-Востоке не применяется, чукчи и коряки тяж прикрепляют к нарте намертво.

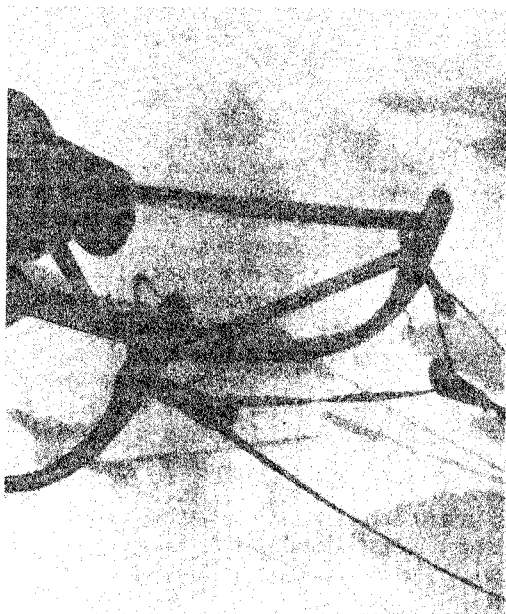

Рис. 9. Соединение тяга с передком нарты при помощи блоков. Ненцы.
(МАЭ, № И1162-64).

дили. В наши дни олений транспорт используется охотниками на промысле для переездов на большие расстояния, а также является неременной принадлежностью жизни оленеводов, которые ездят в упряжках при окарауливании стад и приезжают на оленях в поселок. На одну мансийскую оленеводческую бригаду приходится до 20—25 нарт.¹²

Кеты используют олений транспорт в наши дни довольно редко, в единичных случаях. Оленеводство у них всегда было малочисленным и бытовало только среди северных групп (подкаменнотунгусские кеты оленеводства не знали). Оленей использовали лишь зимой в упряжках как транспорт во время охотничьего промысла.¹³

Восточная Сибирь. Если у чукчей и коряков, а также у ненцев и соседних с ними народов распространен только нартенный вид оленьего транспорта, что связано с особенностями их оленеводства тундрового типа и с проживанием в открытых безлесных пространствах Крайнего Севера, то для народов Восточной Сибири (эвенков, эвенов, долган, северных якутов, юкагиров) характерно более разнообразное использование оленя в качестве ездового животного, не

¹² Федорова Е. Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986, С. 143, 153—154.

¹³ Алексеенко Е. А. Кеты: Историко-этногр. очерки. М., 1967. С. 67.

только в упряжке, но и под седлом и вьючно. Одновременное бытование обеих транспортных форм — нартенной и вьючно-верховой — сложилось исторически при освоении восточно-сибирскими народами разных ландшафтных зон — тайги, лесотундры, тундры. Вьючно-верховое передвижение на оленях предшествовало упряжному. Носителями вьючно-верховой традиции являются тунгусские народы — эвенки и эвены, исконные обитатели сибирской тайги, в труднопроходимых лесах которой езда на нартах малопригодна, а порой и невозможна. Поэтому вьючно-верховое использование оленя во всех районах Восточной Сибири по основным признакам сходно с эвенкийским. Постепенное заселение лесотундровых и тундровых районов, сопровождавшееся контактами с чукчами и коряками на востоке и с самодийскими народами на западе, привело к распространению нартово-упряжного оленного транспорта, более удобного и экономичного в условиях открытых пространств, который со временем стал представлен в Восточной Сибири практически всеми своими видами — как заимствованными (ненецким и чукотско-корякским), так и самобытным, эвенкийско-якутским.

В жизни эвенков и эвенов олень как ездовое животное играет первенствующую роль. "Всадниками на оленях" называют эвенков чукчи, выделяя этим самую характерную черту тунгусской культуры, не свойственную им самим. Таежный эвенкийский олень крупнее и массивнее более мелкого тундрового¹⁴, но даже его позвоночник может не выдержать веса всадника, если положить седло, как лошади, на середину спины. Поэтому седло как верховому, так и вьючному оленю эвенки кладут обязательно на лопатки (рис. 10), и тогда он легко везет груз в 40—50 кг. Эвенкийский взрослый тренированный олень выдерживает вес до 55—75 кг.

Оленье седло представляет собой две продолговатые подушки, внутрь которых вставлены плоские продольные дощечки — полки, скрепленные роговыми или деревянными дужками — луками. Седло крепится одной подпругой и не имеет стремян.

Вьючные и верховые седла различны у разных групп эвенков. У восточных групп (к востоку от Лены-Витима) вьючные седла имеют высокие и широкие деревянные луки, как правило, орнаментированные. Полки таких седел плотно обтянуты шкурой мехом внутрь (рис. 11). У подкаменнотунгусских и части илимпийских эвенков обшивка вьючного седла сделана в виде свисающего мешка, простеганного ниже полок. К западу от Енисея вьючные седла маленькие, без обшивки, с роговыми луками.

Некоторые эвенки (подкаменнотунгусские, олекминские, витимские) на вьючном седле перевозят не только грузы, но и пользуются им для верховой езды, так как не знают верхового седла. Ездить верхом на вьючном седле утомительно, так как ноги свешиваются из-за отсутствия стремян. Значительно комфортнее ездить на специальном верховом седле, которое распространено у большинства восточных

¹⁴ Олени чукотской и ненецкой пород самые мелкие в Сибири, и народы, владеющие ими, не ездят верхом.

Рис. 10. Седло кладется оленю на лопатки. Эвенки. (Фото Н. В. Ермоловой).

Рис. 11. Вьючное седло восточных эвенков. (Фото Н. В. Ермоловой).

Рис. 12. Езда на верховом седле с "крылышками". Эвенки.
(Фото Н. В. Ермоловой).

эвенков, расселенных между р. Олекмой и Охотским морем. Такое седло максимально приспособлено для езды на олене. Конструктивно оно отличается от вьючного тем, что к середине его полков, перпендикулярно к ним, прикреплены так называемые крылышки — выступающие в стороны пластинки или дужки. Полки вместе с "крылышками" обшиты шкурой мехом внутрь в виде мешков,¹⁵ внутрь которых набита шерсть. При посадке на таком седле ноги согнуты в коленях под прямым углом, что делает езду даже без стремян вполне удобной (рис. 12). Встречаются у эвенков, главным образом у североилимпийских, нелькано-аянских, части витимо-олекминских, еще один тип верхового седла, менее удобный по сравнению с предыдущим, — седло с планками. К полкам такого седла вместо "крылышек" продольно прикреплены узкие планки, обшивка такая же, как у седла с "крылышками". В целом седло имеет вид плоской и очень толстой подушки.

На каждого верхового или вьючного оленя надевают недоуздок — ремень, состоящий из петли-оброти с двумя ремешками, завязывающимися за рогами оленя, и поводка для управления. На обротъ пришивают кисточки и ровдужную бахрому, чтобы олень, махая головой, отгонял ими гнус. Подходят к оленю, вьючат и седлают его, а также садятся на него всегда с правой стороны, поводок тоже проходит

¹⁵ В настоящее время часто вместо шкуры обшивают брезентом.

справа. Садятся на оленя с наскока, левой рукой опираясь на переднюю луку седла, а правой — на палку, которая служит посохом при езде.

Езда верхом на олене требует большой сноровки и особых навыков, отличающих ее от передвижения верхом на лошади. Обучаются езде на олене с раннего детства. Маленьких детей при перекочевках перевозят в специальной колыбели, которую уравнивают на вьючном седле одной вьючной сумой. С трех-четырёх лет малышей усаживают в детские седла с ограничениями из досок по обеим сторонам седла. Такие седла бытуют до сих пор. Лет с пяти ребенок расстаётся с детским седлом и ездит самостоятельно на обычном взрослом седле, желательно меньшего размера. Завьючивая оленя, эвенки кладут на него небольшой коврик из оленьей шкуры, чтобы вьюки не натирали бока, на коврик — седло и затем через седло перекидывают две переметные (вьючные) сумы, тщательно уравнив их одну относительно другой (рис. 13). Сумы бывают двух видов: 1) мягкие — из камусов или из шкур с головы оленей, причем шкурки при шитье направляют шерстью вниз, чтобы вода стекала, не проникая внутрь; 2) твердые — в виде берестяных коробов, обшитых ровдугой или камусами. Для защиты от дождя сумы покрывают ковриком — кумаланом, сшитым из оленьих головных шкур, из камусов, из сукна или из брезента (в последние годы). Весь вьюк вместе с седлом загибывают одной подпругой поперек живота оленя.

Завьюченных оленей ставят в караван в определенном порядке гуськом друг за другом. Поводок от головной веревки каждого последующего оленя привязывают к седлу предыдущего, первым идет верховой олень. При перекочевках караван традиционно ведет женщина. За ее верховым следует олень с детской колыбелью, за ним — олень с постельными принадлежностями, затем олени с прочим скарбом. В один караван включают около 10 оленей. В таежной местности количество их уменьшается до 5—7, так как олени задевают вьюками за деревья и обрывают ремни.

Верхом и с вьюком как эвенки, так и эвены традиционно ездили и продолжают ездить в течение всего года. Но в зимнее время теперь во многих районах, прежде всего в тундре и лесотундре, предпочитают пользоваться нартами, которые стали входить в их жизнь примерно с середины прошлого века. Преимущества санного способа зимней перевозки грузов очевидны. Если обычный вес вьюка составляет от 20 до 40 кг, то на нарту грузят 100—160 кг, а по хорошей гладкой дороге — до 200 кг. Вьючные олени движутся со скоростью 3—4 км в час, а нартенные — 12—13 км в час.

Нарты у эвенков и эвенов различны по типу, в зависимости от того, какого они происхождения. В западных районах расселения, в Красноярском крае, в Томской и Тюменской областях, у эвенков нарты ненецкого типа — высокие, с пазовым креплением, но в отличие от ненецких с так называемым бараном — горизонтальной дугой, укрепленной на передке нарты, которая служит для предохранения от поломок при столкновениях с деревьями. Упряжка всегда парная, тяж один на двух оленей; он может быть перекинут через баран или

Рис. 13. Вьючные сумы, приготовленные для перекочевки. Эвенки.
(МАЭ, № И1542-103).

продет через блоки, привязанные к головкам полозьев. Садятся на нарту в отличие от ненцев с правой стороны, поводок также проходит справа. Хорей не употребляют.

На Камчатке и Чукотке, в местах, пограничных с чукчами и коряками, эвены пользуются дугокопыльными нартами, заимствованными у них вместе со всей оленьей упряжью.

Восточные группы эвенков, а также эвены на севере Якутии используют нарту и упряжку якутского типа, распространенные у северных якутов и части долган. Такие нарту (они будут рассмотрены ниже, при описании якутов) применяются эвенами в бассейнах Яны и Индигирки и эвенками в районе р. Олекмы. Сидят на них, вытянув вперед ноги. Для эвенков, расселенных на восток от Олекмы до Охотского моря (верхнеалданские, зейские, буреинские, амгунские) характерен особый вариант этой нарту на двух или трех парах изогнутых копыльев, изготовленных из корней с естественным изгибом. В отличие от чисто якутского варианта на нарте нет оплетения ремнями и сидят на ней всегда верхом. В последние годы копылья делают прямыми, но при этом доски настила в средней части с боков вырезают, чтобы можно было сидеть верхом (без этого выреза прямые копылья в отличие от изогнутых не позволяют садиться верхом). На сиденье кладут мешок с мягкими вещами и сидят на нарте, как верхом на олене, ноги ставятся на полозья за второй парой копыльев. Упряжка парная, тяж перекинут через баран. Погоняют оленей длинной плетью с деревянной рукояткой.

Оленеводство долган и северных якутов сочетает в себе традиции тунгусского верхового передвижения с нартово-упряжным. Долганы и якуты ездили верхом обычно летом, а зимой — исключительно на нартах. Седла и способ ездить верхом — тунгусского типа. Верховое седло подобно эвенкийско-эвенскому с "планками", с небольшими роговыми или деревянными луками. У якутов и мужчины, и женщины употребляют одинаковые верховые седла, различающиеся только по величине. У долган такие седла являются мужскими, а женщины ездят на вьючных (грузовых). Вьючное седло массивнее верхового, подушки его толще и шире и луки высокие, широкие в виде вертикально поставленных неправильных пятиугольников или овалов, украшенных орнаментом. Долганы передние луки женских седел покрывали охрой, в нижней части их орнаментировали бисером и обшивали красным или зеленым сукном. На грузовых седлах передние луки обычно украшали оловянной инкрустацией. В наши дни такие отделки встречаются редко (рис. 14 а, б, в). Вьючные сумы мягкие, сшитые из камусов, долганские отличаются от эвенкийских большими размерами. Садятся на оленя верхом, как и эвенки, с правой стороны, опираясь при этом на посох. У мужчин посохи в виде простых палок без украшений. Женские посохи имели прежде железное коническое навершие в виде крючка, которым можно поправить упряжь или груз вьючных оленей, не спешиваясь поднять с земли упавший предмет и т. п. В настоящее время посохи с навершием стали большой редкостью.

У долган типы нарт в основном сходны с ненецкими и нганасанскими,¹⁶ но имеются и нарты якутского типа — с низкими, прямо поставленными копыльями. Самодийскими, косокопыльными являются в большинстве случаев грузовые нарты, а также женские в западных районах расселения. При этом основным отличием долганских нарт от ненецких и нганасанских, так же как у эвенков, является "баран".¹⁷ На прямокопыльной нарте ездят мужчины у западных долган и мужчины и женщины у восточных. Встречаются и грузовые прямокопыльные нарты. Нартенная упряжь подобна ненецкой — с системой блоков на месте соединения тяжей с нартой и поясами. Но есть и отличие: передовой олень запрягается и управляется вожжей справа, тогда как у ненцев и вообще везде в Западной Сибири существует левостороннее управление оленьей упряжкой. Садятся на нарту долганы также справа, как на верхового оленя.

У северных якутов в западном ареале их расселения (оз. Ессей, бассейны р. Хатанги и Оленека) бытуют нарты ненецкого типа, заимствованные от долган. В остальных районах распространены нарты так называемого тунгусо-якутского типа, или просто якутские, — прямокопыльные, с вязаным креплением. Эти нарты встречаются не

¹⁶ Считается, что именно у нганасан заимствовали долганы санную упряжь, а в старину ездили только верхом (Попов А. А. Оленеводство у долган. С. 189).

¹⁷ "Бараном" снабжаются также, как правило, косокопыльные самодийские нарты у манси, селькупов и кетов, что связано с их бытованием в лесотундровых и таежных районах, где в отличие от тундры деревья и кустарники мешают санной езде.

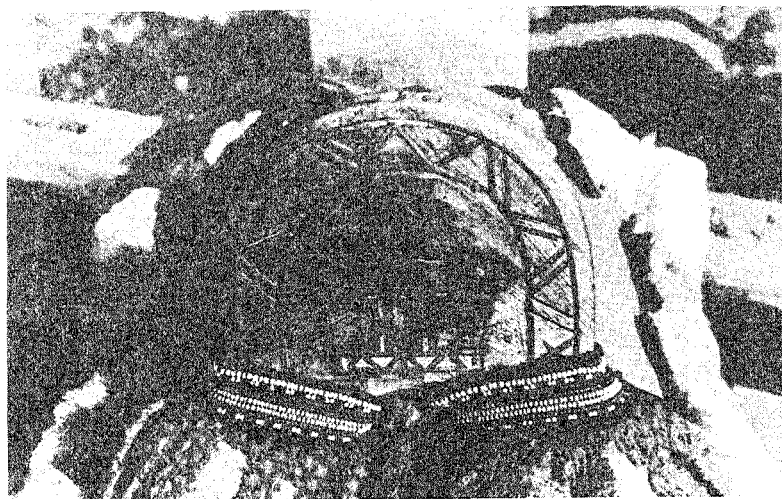

Рис. 14 а—в. Инкрустация оловом на передних луках вьючных седел. Долганы. (МАЗ, № И2003-130, 132, 133).

только по всей Якутии, но также и за ее пределами вплоть до Охотского побережья: у долган, эвенков и эвенов. Якутская нарта имеет три пары копыльев, прямо поставленных в отверстия на полозьях и соединенных с полозьями и нащепами ¹⁸ при помощи ремней и спе-

¹⁸ Нащеп — тонкая жердь, соединяющая верхние концы копыльев нарты.

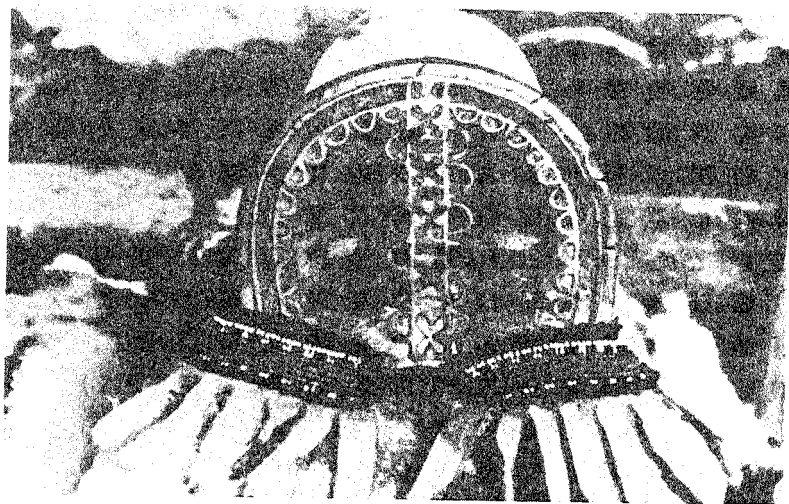

Рис. 14 в. (Продолжение).

реди к концам полозьев и к основаниям первой пары копыльев привязан баран. Сзади укреплена дощатая спинка, по бокам нарты оплетены ремешками. Все детали массивные, хорошо выдерживающие тряску и удары (рис. 15). Поломка их в дороге обычно сводится к перетиранию ремней, которые быстро заменяются новыми. В этом их важное преимущество перед ненецкими нартами, скрепленными шипами. Упряжка парная, один тяж на двух оленей перекинут через баран. Упряжь передового имеет пояс. Так же как и долганы, северные якуты используют в качестве передовика не левого, а правого оленя, в чем сказывается эвенкийская традиция садиться на верхового оленя и седлать вьючного справа. Поводок, служащий вожжой, также проходит справа. И сидят на нарте справа, обычно боком, положив левую ногу на нарту и поставив правую на полоз. В этом положении ездок легко управляет нартой, выравнивая ее ход. Поводок наматывают на левую руку, а в правой держат длинный, от 2 до 3,5 м, березовый шест с роговым кольцом на переднем тонком конце, которым погоняют оленей. Легковые нарты отличаются от грузовых более тщательной отделкой, менее массивными полозьями, более тонкими и высокими копыльями и небольшой площадью настила. Настил в ездовых нартах покрывают шкурой, кумаланом или кладут на него мешок с мягкими вещами (рис. 16). Обычно соединяют в караван 5—6, редко более, нарт. После часа или двух часов езды оленям дают отдых на несколько минут. Перед отправкой в путь после остановок каюр сдвигает все нарты вперед, чтобы олени не сбили себе спины, дергая примерзшие

Рис. 15. Легковая нарта тунгусо-якутского типа. Эвенки. (Фото Н. В. Ермоловой).

нарты. Садятся на нарты только тогда, когда они уже находятся в движении.¹⁹

Тундровые юкагиры, живущие в междуречье Индигирки и Колымы в давнем соседстве с нижнеколымскими эвенками, используют оленей как в упряжке (зимой), так и для верховой езды (летом). Верхом ездят подобно эвенкам. Верховые седла с "планками", грузовые — с высокими деревянными луками, без каких-либо украшений, вьючные сумы мягкие, из камусов дикого оленя. Оленьи нарты — характерной для чукчей и коряков конструкции, с гнутыми копыльями.²⁰

В Амуро-Сахалинском регионе, для населения которого оленеводство не было характерным из-за отсутствия пастбищ (живущие здесь народы были в первую очередь собаководами), олени в качестве транспорта использовались и используются благодаря сохранению в современных хозяйствах оленеводческого направления только у ороков. Вьючно-верховым способом ороки ездят круглогодично, зимой —

¹⁹ Гуравич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977. С. 70—73.

²⁰ Юкагиры. Новосибирск, 1975. С. 61—63.

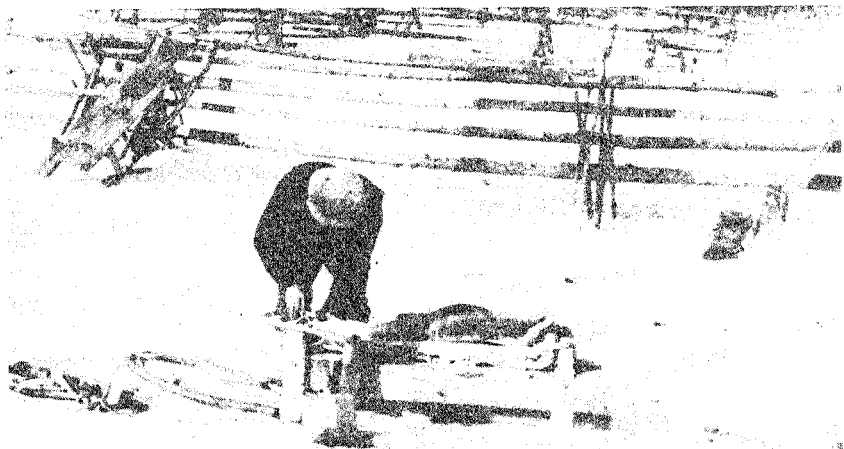

Рис. 16. Оленевод готовит свои легковые нарты к перекочевке. Эвенки.
(Фото Н. В. Ермоловой).

еще и на нартах. Вьючно-верховой транспорт эвенкийского типа, верховое седло с "крылышками". Нарта близка к варианту якутской, распространенной у приамурских эвенков, может быть с "бараном" и без него. В ездовые нарты запрягают одного оленя, которым управляют при помощи длинного кнута. Грузовую нарту тянет парная оленья упряжка.

Традиционное оленеводство остается ведущим и пока ничем незаменимым видом деятельности для многих коренных северян. Основанное на пастбищном содержании оленей, оленеводство требует круглогодичного кочевания как животных, так и людей. Пастухи должны и зимой, и летом передвигаться со стадами по пастбищам, которые значительно удалены от поселков и хозяйственных центров, нередко на 200—300 км и более. Необходимость сезонных перекочевков, а также поездок оленеводов в поселок к семьям обуславливает сохранение традиционного оленьего транспорта. Механизированные способы передвижения (трактора, вездеходы) во многом облегчают переезды и перевоз имущества оленеводов, но в то же время они увеличивают себестоимость продукции, невосстановимо повреждают растительный покров вечной мерзлоты и зачастую простаивают из-за трудностей использования в условиях сильных морозов, сложности доставки горючего, нехватки запчастей. Поэтому в пределах пастбищ олень по-прежнему незаменимы, они надежней, экологичней, дешевле, чем трактора и вездеходы.

Если для кочевников-оленеводов незаменимым транспортным животным является олень, то оседлым жителям более удобна собака. Многим северным народам известно употребление собак в качестве

подсобной силы в помощь человеку, когда собака и человек вместе тянут груженую ручную нарту. Этот способ перевозки грузов распространен у хантов, манси, кетов, селькупов, некоторых групп эвенков, юкагиров, нанайцев, удэгейцев, орочей, ороков на промысле в тайге для перевозки припасов, во время перекочевков для перевозки домашнего скота и детей, при мелких хозяйственных работах — подвозке дров, воды и т. п.²¹ И в наши дни ручные нарты обязательно имеются у каждого мансийского охотника: ими пользуются на промысле для перевозки продуктов, одежды, добычи. Если груз тяжелый, охотник впрягает собаку.²² Некоторые семьи курейских кетов также по-прежнему используют собак как тягловую силу при переездах в основном при начинающейся распутице, когда наст плохо держит и олени уже не могут пройти.²³ Не потеряла своего значения ручная нарта с подпряганием собаки у нанайцев и нарымских селькупов.²⁴ Однако при таком способе — для помощи человеку — впрягают не специальных ездовых собак, а обычных охотничьих. Это наиболее простой и древний способ транспортного использования собаки, отличный от ездового собаководства, для которого характерно разведение (отбор, обучение и тренировка) собак определенной породы и использование их исключительно для транспорта. При этом существуют особые собачьи нарты, упряжки и специальные методы езды на собаках. Такое собаководство, требующее содержания большого количества животных, могло возникнуть и существовать только там, где имеется сочетание оседлого образа жизни и достаточных запасов корма для собак при обильном промысле рыбы или морского зверя. Сочетание этих двух факторов имелось в трех районах Сибири: 1) в Амурском бассейне и на о-ве Сахалин; 2) на Северо-Востоке (Чукотка и Камчатка), а также по северному побережью Якутии от устья Лены до устья Колымы; 3) в Северо-Западной Сибири. Именно здесь и сложилось развитое упряжное собаководство, которое в прошлом, в XVII—XVIII вв., очень различалось по районам и было чрезвычайно оригинально.²⁵ Разнообразие локальных форм ездового собаководства сохранялось в Сибири примерно до середины XIX в., а затем в течение последующих 50—100 лет (сроки варьируют по районам) произошла постепенная его унификация. Местные старинные формы нарт, упряжи и упряжек

²¹ Антропова В. В., Левин М. Г. Упряжное собаководство // Историко-этногр. атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 62.

²² Федорова Е. Г.: 1) Основные виды современных средств передвижения манси Березовского района Тюменской области // Годичная научная сессия института этнографии АН СССР: Краткое содержание докладов. Л., 1985. С. 26; 2) Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. С. 142.

²³ Алексеев Е. А. Средства передвижения кетов // Сибирский этногр. 1961. Т. 3. С. 65.

²⁴ Сем Ю. А. Нанайцы: Материальная культура. Владивосток, 1973. С. 166; Лукина Н. В. Средства передвижения нарымских селькупов // Учен. зап. Томского гос. университета. Томск, 1966. № 60. С. 108, 113.

²⁵ М. Г. Левиным и В. В. Антроповой описаны различия в технике собаководства этих районов и на основе их выделены типы, представленные в "Историко-этнографическом атласе Сибири" (М.; Л., 1961. С. 61—62).

были вытеснены одним новым типом,²⁶ за которым закрепилось название "восточносибирский". Главную роль в его создании и в распространении по Сибири сыграло русское старожильческое население. Быстрее всего — во второй половине XIX в. был вытеснен старинный ительменский тип собаководства на Камчатке. Амурский тип вышел из употребления позднее других, он сохранялся еще в начале XX в.

Восприятие восточносибирского типа практически всеми северными народами, которые пользовались собачьим транспортом, объясняется его усовершенствованностью по сравнению со всеми другими бытовавшими ранее формами. Во-первых, нарта этого типа обладает большей грузоподъемностью. Все старые виды ездовых нарт были рассчитаны на одного ездока, для одновременной перевозки нескольких человек и значительных грузов они были не приспособлены.²⁷ На восточносибирскую нарту кроме каюра (возчика) кладут груз в 2—3 ц в зависимости от количества собак и времени года, из расчета в среднем 25 кг на одну собаку. В отдельных случаях весной, в марте-апреле, когда хорошее скольжение, 10—12 собак везут до 5 ц груза. Упряжь восточносибирского типа также хорошо приспособлена для перевозки грузов. Тазовая упряжь Западной Сибири или шейная Амура-Сахалина сильно изнуряет собак, так как они тянут шеей или задней частью туловища. В восточносибирском типе упряжь грудная: собака тянет грудью и лучше расходует силы. Способ расположения собак — так называемая упряжка цугом — также имеет преимущества. Собаки впрягаются попарно, одна за другой, по обе стороны центрального потяга, лишь передовая может идти без пары. "Езда цугом, — пишет С. М. Успенский, — требует собак более «высокой квалификации», лучше обученных, чем при езде веером, она не так маневренна (нельзя, например, повернуть нарту круто в сторону), зато экономнее расходует собачьи силы. При цуговой упряжке на нарту можно положить больше груза, легче проехать по морскому льду".²⁸

Исследуя причины, вызвавшие исчезновение всех видов нарт, кроме восточносибирского, и старых форм упряжи и упряжек, В. В. Антропова и М. Г. Левин отмечали, что "здесь в первую очередь следует учитывать развитие обменных отношений, вызванное проникновением русских товаров. В условиях изолированного существования в XVII—XVIII вв. разъезды с грузами были очень незначительными. Развитие обменных отношений с русскими подняло значение собачьего транспорта. Все старые виды ездовых нарт... оказались неприспособленными к новым практическим потребностям, когда нужно было перевозить одновременно несколько человек и значительные грузы. В этих усло-

²⁶ Восточносибирский тип — явление более позднее по сравнению с другими типами. Его бытование, по мнению М. Г. Левина, можно проследить с конца XVIII в. (Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // Сов. этнография. 1946. № 4. С. 101; Историко-этнографический атлас Сибири. С. 61).

²⁷ Антропова В. В., Левин М. Г. Упряжное собаководство. С. 59.

²⁸ Успенский С. М. Послесловие // Виктор П. Э. Ездовые собаки — друзья по рыску. М., 1981.

виях восточносибирская нарта оказалась наиболее подходящей".²⁹ Это длинная, довольно узкая нарта с тремя или четырьмя парами прямых копыльев и двумя дугами — горизонтальной и вертикальной. Горизонтальная дуга служит для прикрепления потяга и выполняет роль буфера, предохраняя полозья от поломок при наталкивании на препятствия. Вертикальная дуга является своего рода рулем для возницы: соскочив с нарты, возница, держась за дугу, направляет нарту, удерживая ее в нормальном положении при крутых поворотах. Длина нарт сильно варьирует, обычно от 2,5 до 4 м, высота около 50 см. Все части нарты соединяются между собой полужестким креплением, т.е. заостренные концы одних вставляются в углубления других, а для большей прочности скрепляются еще ремнями. Это делает нарту гибкой и прочной (рис. 17). Упряжка состоит обычно из 4—6 пар собак, не считая передовой. Каюр сидит с правой стороны, придерживаясь левой рукой за вертикальную дугу, а в правой держа остол — палку для понукания и остановки собак.³⁰

Применение ездовых собак было и остается традиционной чертой народов Нижнего Амура и Сахалина. Езда на собаках издавна была здесь обычным и единственным способом передвижения в зимнее время. Держать в каждом хозяйстве большое количество упряжных собак позволял развитый рыболовный промысел. Ежегодно во время рунного хода лосося создавались запасы юколы на весь год как для питания людей, так и на корм собакам. В прошлом на нижнем Амуре от его устья до устья Уссури во всех хозяйствах, как минимум, имелась одна упряжка (9—11 ездовых собак). Богатые хозяева имели по 2—3 упряжки, т.е. 30—40 собак.³¹ И. Спафарий отмечал, что в нивхских селениях бывает "собак по 300, и 400, и по 500, и больше".³²

Исконное упряжное собаководство в бассейне р. Амур и на Сахалине имело в прошлом, до появления восточносибирского типа, свои особые черты, характерные только для данной территории. По типу нарт, способу упряжки, устройству собачьей сбруи оно было совершенно сходно у всех этнических групп этого региона, ездивших на собаках, — у нивхов, ульчей, нанайцев, орочей, айнов, части удгейцев и негидальцев. Нарты традиционного амурского типа не имеют аналогий в других районах Сибири: полозья их загнуты спереди и сзади, имеются две горизонтальные (передняя и задняя) амортизирующие дуги, копылья прямые. Нарта настолько узка, что ездок сидит на ней верхом, опираясь ногами на небольшие лыжи, а иногда приподнимается и бежит в таком положении на лыжах.³³ Для торможения нарты употребляли две палки с железными наконечниками. При движении каюр держал их между полозьями, чтобы в момент сильного разгона при спуске с возвышенности тормозить движение и

²⁹ Антропова В. В., Левин М. Г. Упряжное собаководство. С. 59.

³⁰ Там же. С. 56.

³¹ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984. С. 104; Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 866.

³² Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959. С. 35.

³³ Народы Сибири. С. 866.

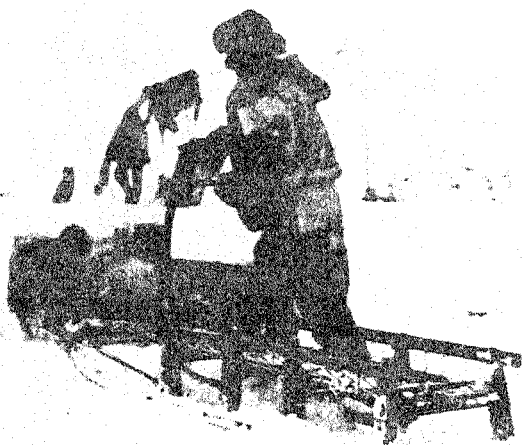

Рис. 17. Нарта восточносибирского типа. Чукотка. (МАЭ, № И1542-43).

в то же время ногами удерживать нарту от опрокидывания, когда она теряет равновесие. В настоящее время таким способом не ездят.³⁴

Собак запрягали "елочкой", т. е. привязывали их к ремню-потягу не попарно, а по одной, то с той, то с другой стороны по очереди (так называемая попеременная упряжка). Упряжью служил простой ошейник, так что собака тянула шеей.³⁵

Эта форма упряжного собаководства, как уже отмечалось, с появлением русских стала вытесняться восточносибирским типом, нарта которого отличается большими размерами (она ниже и шире), большей вместительностью и устойчивостью. По данным А. В. Смоляк, впервые такие нарты применили русские на Нижнем Амуре для перевозки грузов и почты на собаках в 1850-х гг. Грузоперевозками как приработком в XIX в. стали заниматься нивхи, позднее — ульчи. Как и русские, они использовали нарты восточносибирского типа. Затем их начали употреблять и для повседневных нужд. Нанайцы стали применять нарты восточносибирского типа лишь в начале XX в., позаимствовав их у нивхов и ульчей, первоначально также только для перевозки грузов по подрядам.³⁶

³⁴ Таксами Ч. М. Нивхи. Л., 1967. С. 193.

³⁵ Народы Сибири. С. 866.

³⁶ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. С. 110.

Вместе с нартами были переняты также форма упряжи и способ запряжки. Собак стали запрягать не в ошейники, а в лямки, в которых они тянут грудью и поэтому меньше устают при дальних переходах. В настоящее время такая сбруя полностью вытеснила старинную шейную. Другие элементы собаководства — нарты и запряжка — существуют до наших дней, но исконные амурские формы встречаются значительно реже. Рассматривая вопрос о причинах сосуществования двух типов упряжки, Ю. А. Сем писал, что, по словам стариков-нанайцев, "если собаки молодые и мало приученные к упряжке, то их лучше запрягать попеременно, если собаки приучены ходить в упряжке, то лучше — попарно, так как в этом случае они тянут сильнее, быстрее и меньше устают".³⁷

Нарты старинной амурской конструкции в последнее время встречаются очень редко. По свидетельству А. В. Смоляк, выделка их не менее трудна, чем выделка нарт восточносибирского типа, а грузоподъемность вдвое меньше.³⁸ Однако в ряде случаев им отдают предпочтение, обычно при транспортировке небольших грузов на охоте или морском промысле. Во время гонок на соревнованиях³⁹ эти легкие и удобные нарты также имеют преимущество. Поэтому старинные нарты в настоящее время сохраняются у отдельных охотников. Русское население, проживающее рядом с нивхами, называет такие нарты "туда-сюда" и "здравствуй и прощай" из-за того, что трудно определить, где у них передняя и задняя часть.⁴⁰

Но более распространены восточносибирские нарты с вертикальной и горизонтальной дугами (рис. 18). Делают их ныне с применением новых методов. Вместо костяных пластинок, которые прикрепляли к полозьям весной во время наста для предохранения их от преждевременного износа и для лучшего скольжения, теперь прибывают железные. Копылья часто крепят к полозьям не ремнями, а гвоздями; верхние концы копыльев связывают попарно проволокой.⁴¹

На нарты садятся боком, держа ноги с одной стороны, в руки берут тормозную палку. Во время движения в нужное время выпрыгивают с нарт и бегут, держась за вертикальную дугу. Впрягают обычно от 5 до 13 собак в зависимости от цели поездки и от количества груза.⁴² При необходимости быстрой езды впрягают 7—9—11 собак, тогда нарта может развивать скорость до 50—60 км. Такие упряжки в наши дни используются для перевозки почты по ровной глади замерзшего Амура. Когда же охотник отправляется с нартами на промысел с большим грузом по глубокому снегу, то он запрягает как можно меньшее количество собак, чаще всего 3—4, так как при боль-

³⁷ Сем Ю. А. Нанайцы. С. 168.

³⁸ Смоляк А. В. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана // Современное хозяйство, культура и быт малых народов. М., 1960. С. 122.

³⁹ Еще не так давно на медвежьем празднике устраивали гонки на собаках.

⁴⁰ Таксами Ч. М. Нивхи. С. 190.

⁴¹ Там же; Смоляк А. В. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана. С. 122.

⁴² Таксами Ч. М. Нивхи. С. 193.

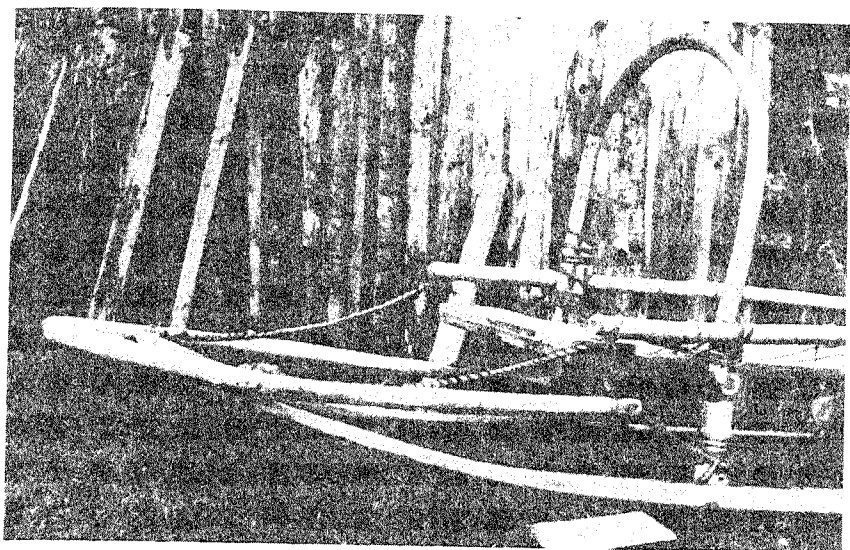

Рис. 18. Крепление горизонтальной и вертикальной дуг на восточносибирской нарте. Нивхи. (МАЗ, № И2030-122).

шом их числе количество корма, необходимое им в пути и на промысле, не оправдывает затрат труда.⁴³

Наличие корма для собак во все времена влияло на положение ездового собаководства, в XX в. эта зависимость вкупе с воздействием технических средств транспорта привела к кризисному его состоянию. Масштабы упряжного собаководства на Нижнем Амуре начали сокращаться в первой четверти XX в. в результате роста товарности рыбы и перехода к ее засолке на продажу. При засолке рыбы никаких отходов в виде костяков, как это бывает при заготовке юколы, не остается. Таким образом, товарность рыболовства еще до революции вызвала сокращение на Амуре поголовья ездовых собак, для корма которых необходима рыба. Из-за уменьшения количества собак нивхи и нанайцы стали заводить лошадей.⁴⁴ В 1930-е г. местные власти выступили с требованием немедленной ликвидации собак, выражая к ним негативное отношение как к устаревшему и ненужному виду транспорта,⁴⁵ требующему расхода большого количества красной рыбы. Но народы Амура и Сахалина до сего времени ездят на собаках, так как этот способ очень удобен — собаки идут быстрее лошадей и по любому бездорожью. В условиях суровых зим Сахалина и Амурского лимана, особенно в отдаленных и труднодоступных районах, где лошади и технические средства передвижения используются ма-

⁴³ Сем Ю. А. Нанайцы. С. 171.

⁴⁴ Смоляк А. В. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана. С. 98; Сем Ю. А. Нанайцы. С. 165.

⁴⁵ Таксами Ч. М. Нивхи. С. 193.

ло, нарты с собачьей упряжкой остаются незаменимым транспортным средством для рыбаков и охотников. Собачьими упряжками охотно пользуются также работники гидрометеослужбы, связи, живущие в небольших населенных пунктах.⁴⁶

Проблема заготовки кормов для собак остается острой. Возможность запастись кормом в достаточном количестве является необходимым условием для сохранения собачьего транспорта. На Амурском лимане в 50-е гг. решили эту проблему следующим образом. Ежегодно в заездах, которые устраивают для добычи кеты, погибает некоторое количество рыбы, залегающей в садках. Эту "снулую" рыбу местное население запасает в ямах, вырываемых на берегу. Хозяин, имеющий собак, запасает в ямах 400—500 штук "снулой" осенней кеты. Кроме того, собак кормят мясом и жиром морского зверя, юколой. Поэтому у нивхов лимана еще 20—30 лет тому назад нарты (ездовые и грузовые) имел обычно каждый хозяин. На собаках ездили в Николаевск даже из дальних селений.⁴⁷

В настоящее время транспортное собаководство лучше сохраняется у нивхов на восточном побережье Сахалина и на Амурском лимане. Здесь пользуются собачьими упряжками для передвижения на 20—30 км и более, запрягая по 7—8 и более собак.⁴⁸ Проживающие здесь русские также содержат собачьи упряжки, имея по 4—6 собак, реже по 9—11.⁴⁹ На Амуре нивхи, ульчи и нанайцы, обычно старики, пользуются 2—3 собаками для поездок за 5—6 км на рыбалку или в ближайшее село. Собачьи упряжки нередко сочетаются с современным транспортом, как например у орочей, живущих на р. Тумнин. Здесь охотники добираются к местам промысла по железной дороге, на вертолетах или автомашинах, посредством которых они довозят все свои грузы, нарты и собак. Высадившись в нужном месте, они далее везут свое снаряжение на нартах и собаках. Таким образом, современные виды транспорта, значительно потеснив ездовое собаководство, тем не менее не вытеснили его совсем, что свидетельствует о необходимости его существования и в наши дни.

Аналогичные процессы характерны и для другого центра традиционного сибирского собаководства, каким издревле является Крайний Северо-Восток. Собачьи упряжки используют здесь ительмены, эскимосы, приморские (оседлые) чукчи и коряки, а также коряки-оленьеводы-алюторцы, которые применяют их наряду с оленьим транспортом.

Ездовыми собаками в настоящее время пользуются главным образом в промысловом хозяйстве и для транспортных целей в зимнее время. С помощью собак расставляют и осматривают капканы на пуш-

⁴⁶ Таксами Ч. М. Культурные традиции рыболовов и морских зверобоев Приамурья, Сахалина и Охотского побережья // Культурные традиции народов Сибири. С. 171.

⁴⁷ Смоляк А. В. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана. С. 122.

⁴⁸ Смоляк А. В. Основные пути развития хозяйства, культуры и быта у народов Нижнего Амура и Сахалина // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. С. 340.

⁴⁹ Смоляк А. В. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана. С. 122.

ных зверей, зимой ездят на охоту за нерпой к тем местам, где имеются разводья на море или в проливе; весной в период подготовки к путине выезжают на отдаленные рыбалки.

Типы нарт и упряжек были в прошлом различны у народов Северо-Востока.⁵⁰ Все они, однако, с середины XIX в., так же как у народов Нижнего Амура и Сахалина, претерпели существенные изменения, и повсеместное распространение на Чукотке и Камчатке получил восточносибирский тип езды на собаках. Весь его комплекс: прямокопыльная нарта с одной горизонтальной и вертикальной дугами, способ упряжки "цугом", управление при помощи остола — бытует и в наше время (рис. 19). Принципы езды, содержание собак и другие особенности во многом также остались прежними. Все части собачьей нарты, особенно полозья, делают, по возможности, из березы (рис. 20). Ее древесина лучше всего подходит для морозного времени, но с конца марта, особенно днем, когда снег влажный и рыхлый, березовые полозья становятся неудобными. По наблюдению В. Г. Богораза, "трение березового дерева весной так сильно, что утомляет самых лучших собак, ценные полозья изнашиваются в две недели".⁵¹ Поэтому раньше полозья подбивали пластинками из китовых ребер, челюстей или моржовых клыков. А теперь для более быстрой езды весной полозья обивают листами тонкой жести. Зимой полозья смачивают водой, и они покрываются тонким слоем льда, что улучшает скольжение. В пути это делают несколько раз, снимая каждый раз остатки старого льда тупым ножом.⁵² Этот старый испытанный прием, обязательный и в наше время, прекрасно описан В. Г. Богоразом: "В зимнее время березовые полозья покрывают тонким слоем льда, чтобы сделать их более каткими. Для этой цели их вначале вымачивают, погружая в лужу или в маленькое озеро недели на две. Если лужи уже замерзли, полозья подвергают действию пара, держа их над длинным корытом, наполненным горячей водой, или смачивая низ кипятком. Только влажное дерево, хорошо пропитанное водой, может потом удерживать ледяной подрез. Его наносят ежедневно перед ездой, натирая полоз куском оленьей шкуры, намоченной в воде. Эту операцию повторяют два раза в день, на каждом привале... Чем холоднее день, тем горячее должна быть вода, в сильные морозы надо брать крутой кипяток". Указанный способ покрытия полозьев льдом усвоен всеми народами, живущими на берегах Берингова моря.⁵³

⁵⁰ Собачья нарта приморских чукчей и эскимосов была одинаковой и конструктивно не отличалась от ездовой оленней дугокопыльной нарты, бытующей у чукчей и коряков до настоящего времени. Даже размеры их почти не отличались. В нарту впрягали от 3 до 7 собак веером в один поперечный ряд: постромка каждой собаки привязывалась к передку нарты. Для управления и понукания собак служил кнут, а не остол (Историко-этногр. атлас Сибири. С. 59). У коряков, по предположению В. В. Антроповой и М. Г. Левина, упряжное собаководство было близко к ительменскому типу, подробно описанному в литературе (С. П. Крашенинников, В. В. Антропова, Н. К. Старкова).

⁵¹ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. С. 44.

⁵² Старкова Н. К. Ительмены: Материальная культура (XVIII в.—60-е гг. XX в.) // Этнографические очерки. М., 1976. С. 82.

⁵³ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. С. 44—45.

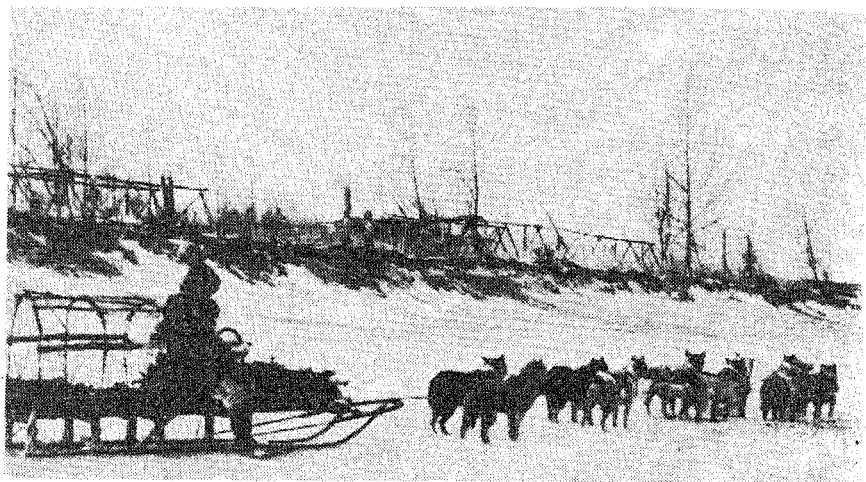

Рис. 19. Восточносибирская нарта и упряжка цугом. Коряки. (МАЗ, № И1933-55).

Рис. 20. Изготовление собачьей нарти. Коряки. (МАЗ, № И1911-274).

Для езды собак специально дрессируют. Обычно 6-месячных щенков постепенно начинают приучать к упряжке. Особого обучения требуют передовики. Их роль в упряжке чрезвычайно важна, и не всякая собака способна ее хорошо выполнять. Хорошо выученный передовик всегда был в цене и составлял главное богатство хозяина упряжки. Вожжей собачья упряжка не знает.⁵⁴ Управляют нартами при помощи команд — различных возгласов и окриков, к которым приучены в первую очередь передовики. У каждого народа своя собачья команда. Виды команд XIX в. сохранились до настоящего времени. Передовик подхватывает команду и увлекает за собой всю упряжку: делает повороты, ускоряет или замедляет ход, останавливает бег. Но ценность передовой собаки не только в том, что она ведет упряжку и делает ее управляемой, а и в том, что в полярную ночь, в пургу не сбивается с маршрута, заданного хозяином, на далеком расстоянии чувствует жилье и различает давно занесенную снегом дорогу. Нередки случаи, когда застигнутые пургой охотники ехали наугад, полагаясь на чутье собаки-передовика, и обычно она выводила упряжку к жилью.

Ценнейшей особенностью собачьего транспорта, отличающей его от оленьего, является то, что собаки обычно идут до тех пор, пока у них есть силы, и в случае хорошего корма и относительно благополучной погоды способны работать изо дня в день очень продолжительное время. Как писал В. Г. Богораз, "если корма довольно и собаки еще не загнаны, то они могут везти дней двадцать подряд с двумя дневными остановками на отдых", причем "при перевозке грузов на дальние расстояния в 300—500 км сравнительно с оленями собаки имеют преимущество в скорости, любую кладь они везут ровным, довольно быстрым бегом. ...На легких нартах с хорошими собаками можно сделать сто, полтора-два верста в сутки, особенно весной".⁵⁵

Видимо, благодаря таким преимуществам собачьими упряжками стали пользоваться и оленеводы-эвены, живущие рядом с береговыми чукчами и коряками. Собаководство служит им подсобной отраслью для обслуживания охоты. К местам промысла охотники уходят на оленях, но на самом промысле используют преимущественно собак, так как выбор пастбищ, выпас и перекочевки на оленях отнимают много промыслового времени, поэтому охотники, пользующиеся собачьим транспортом, добывают пушнины, как правило, больше охотников с оленьим транспортом.

Также и в Заполярной Якутии эвены и тундровые юкагиры, будучи оленеводами, нередко, особенно при большом снеге, объезжают во время пушного промысла свои ловушки на собачьих упряжках. Здесь, в низовьях больших рек Северной Якутии — Яны, Индигирки, Колымы, так же, как на Чукотском Анадыре, существуют благоприятные условия для рыболовства, позволяющие запастись много рыбы для ездовых собак, что издавна и делали русские старожилы. Мест-

⁵⁴ Вожжи для управления упряжкой использовались только в старинном ительменском типе собаководства и у ненцев.

⁵⁵ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. С. 48, 51, 52.

ные юкагиры и эвены, перейдя за годы советской власти к почти оседлому образу жизни, стали также держать ездовых собак. Как отмечает В. А. Туголуков, причины этого просты: "Собачий корм лежит всегда возле каюра на нарте, тогда как оленей приходится отпускать для пастбы; потом их надо отыскать и поймать — сами они к своей нарте не придут. Да и ягельник в приморской тундре не так-то легко найти. ...Во время пастбы оленям могут угрожать волки. Весной олени проваливаются в рыхлом снегу и ранят ноги о наст; с более легкими собаками такого не случается..."⁵⁶

Содержание собачьей упряжки, как известно, обходится дорого,⁵⁷ однако собаки нужны в хозяйстве Севера — они очень удобны для передвижения по громадным заснеженным пространствам тундры. Бессобачные хозяйства, встречавшиеся среди ительменов уже в 30-е гг., Е. П. Орлова сравнивала с безлошадными крестьянскими хозяйствами центральной части России.⁵⁸

Третий из названных районов распространения упряжного собаководства — Северо-Западная Сибирь — отличается очень ограниченным его бытованием. Хозяйство коренных жителей этого региона, охотников и рыболовов, позволяло держать в некоторых районах специальных ездовых собак, но в целом здесь собачьи упряжки уступали первенство, с одной стороны, оленному транспорту, а с другой — тягловому собаководству. В конце XIX—начале XX в. собачий транспорт отмечен у небольшой части безоленных ненцев, эпизодически — у энцев и нганасан и в некоторых районах у хантов и манси. Нарты по конструкции однотипны с оленними ненецкими, но обычно меньших размеров и более легкие. Собак запрягали веером, от 10 до 16, причем ненцы пользовались ими и летом. Крайняя левая собака была передовой, к ее ошейнику привязывался длинный ремень (вожжа), при помощи которого каюр управлял упряжкой.⁵⁹

В течение XX в. собачий транспорт в Западной Сибири постепенно отходил на второй план, но не исчез совсем, а в последнее время известны случаи его вторичного возникновения, в частности у некоторых групп хантов, например, на р. Согом, перенявших езду на собаках у русских промысловиков в 1960-х г. ⁶⁰ Из-за перехода к промыслу дикого оленя на Таймыре в 1970-е гг. домашнее оленеводство практически перестало существовать, и местное население перешло к использованию собачьих упряжек, на которых здесь издавна ездили русские старожилы. ⁶¹ Отмечено возрождение собачьего транспорта у тундровых ненцев и северных хантов, на Ямале, Гыданском п-ове,

⁵⁶ Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 80.

⁵⁷ По минимальной норме (400 г в день мяса и 50 г жира) на содержание одной собаки в год требуется 146 кг мяса и 16 кг жира.

⁵⁸ Старкова Н. К. Ительмены. С. 73.

⁵⁹ Хомич Л. В. Ненцы. С. 98—99.

⁶⁰ Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 113.

⁶¹ Грачева Г. Н. Некоторые черты хозяйственной деятельности народностей севера Средней Сибири в прошлом и настоящем // Культурные традиции народов Сибири. С. 109.

Новой Земле, где можно встретить упряжки, везущие хозяина и его добычу с отдаленных мест подледного лова. Собак по-прежнему запрягают в нарты типа оленных, либо веером с левым передовиком ("по-оленьи"), либо цугом.

Собачий транспорт на Севере на протяжении столетий был одним из главных средств передвижения. В последние годы его заметно потеснила техника. Но на Таймыре, например, сейчас сожалеют, что слишком переоценивали "Бураны", считают, что рано пока повсеместно переходить к ним, так как они несовершенно. Сломаются снегоходы, а запчастей нет, поэтому опытные охотники, пользующиеся "Буранами", держат также и собачьи упряжки. Откажет машина — собаки выручат.

В отдаленных северных поселках, куда затруднена доставка горючего и запчастей, для значительной части населения собачья упряжка остается единственным и незаменимым видом транспорта.

Итак, собачий и олений виды транспорта на Севере при определенных условиях выгодны и надежны. Технические средства до сих пор не смогли вытеснить их. Конечно, на дальние расстояния собаками и оленями теперь не пользуются, здесь их заменили воздушные средства сообщения. Но в местах традиционного хозяйствования при передвижениях в пределах промысловых участков равноценной замены им пока нет. Вертолеты слишком зависят от погоды; снегоходы требуют такого количества горючего, которое сами не в силах увезти на большое расстояние; вездеходы разрушают пастбища. Поэтому, несмотря на то что начиная с 1970-х гг. промысловые северные хозяйства оснащаются техническими средствами передвижения — тракторами, вездеходами, автомашинами, практически повсеместно сохраняется применение оленей и собак в качестве транспорта в промысловом хозяйстве. И само это сохранение лучше всех доказательств свидетельствует о том, что потребность в них не отпала.

А. А. Малыгина

МИР ДЕТСТВА У НАРОДОВ СИБИРИ

Традиционное воспитание детей у различных народов всегда находилось в центре внимания исследователей-этнографов. Особенно важно в наше время в условиях утраты многих черт традиционной культуры народов Сибири, Севера и Дальнего Востока еще раз рассмотреть вопросы народной педагогики прошлого. Основное внимание уделено в статье трудовому и экологическому воспитанию детей. Это имеет существенное значение как для понимания традиционной культуры народов Сибири, так и для решения современных педагогических задач в специфических экологических и этнокультурных условиях.

С этой точки зрения необходимо обрисовать роль игры и игрушки в развитии и воспитании ребенка. Игрушку надо рассматривать как объект игры, т. е. в едином комплексе всей игровой деятельности, что раскрывает сам процесс восприятия и познания ребенком различных явлений культуры.

В данной статье из-за ее небольшого объема будет предпринята только попытка дать описание игр и игрушек народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, определить степень значимости игр и игрушек в процессе обучения детей навыкам трудовой и хозяйственной деятельности, приобщения детей к ценностям духовной культуры своего народа, а также степень жизнеспособности элементов традиционного воспитания.

В традиционных культурах игры и игрушки охватывают все основные сферы культуры, так что в период детства в ребенке закладывается широкий круг навыков и понятий, подготавливающих его к дальнейшей взрослой созидательной деятельности в коллективе людей.

Фактическое описание игр, существующих у народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, естественно, приводит к анализу той производственной базы, на которой они возникли: игры оленеводов свя-

заны с различными процессами и сезонными стадиями оленеводства, игры охотников имеют охотничий характер, скотоводы играют в пастбу и т. д. Детские игры по-своему специфичны, по-детски подчинены образу жизни, ведущим занятиям родителей.

Сфера детских игр во всей проблеме роли игры в жизни народа самая сложная и определяется словами А. С. Макаренко, что для детей вся их "жизнь — это игра". Подход к этому вопросу прежде всего требует от исследователя изучения внутреннего мира, психологии маленького создателя элементов общественной культуры, а также знания истории возникновения и развития детских игр во все времена и изучения самого предмета игры.

У народов Сибири дети рано вступают в мир взрослых. С 10—11 лет мальчик уже ходит со взрослыми к стадам оленей, умеет использовать собаку для загона оленей, участвует в ловле оленей, знает, как нужно запрягать их в нарты, как управлять упряжкой. Мальчики любят охотиться на птиц и даже ходят со взрослыми на охоту, среди них часто встречаются меткие стрелки. В летнее время они подолгу сидят на берегах рек, наблюдают за рыбной ловлей и часто сами принимают в ней участие. Первоначальные навыки оленевода, охотника, рыболова дети получают в игре, отражающей промысловую деятельность взрослых.

Женщины преимущественно заняты домашним хозяйством, они заготавливают дрова, варят пищу, шьют одежду, ухаживают за детьми и т. д. Поэтому игры девочек отражают трудовую деятельность их матерей и сестер.

В групповых играх принимают участие и мальчики и девочки. Но есть игры, в которых участвуют только мальчики или только девочки. Мальчики возводят различные постройки из снега, глины, палочек, с интересом плетут маленькие сети, устраивают запоры, играют в охоту, ловлю оленей, зверобойный промысел и т. д. Девочки предпочитают играть в куклы, с тонким мастерством шьют для своих кукол одежду, обыгрывают различные внутрисемейные ситуации.

Таким образом, процесс обучения, начинающийся в игре, очень скоро переходит в сферу реального труда. Но это возможно только в условиях традиционной культуры, где труд взрослых близок и понятен детям и требует знаний и навыков, полученных в процессе повседневного общения. Отрыв детей малочисленных народов Сибири от своих родителей с постоянной жизнью в интернатах привел к разрыву межпоколенной связи по осуществлению передачи новому поколению основных знаний, понятий и навыков хозяйственной деятельности своего народа.

Как уже упоминалось выше, основной игрушкой девочек были куклы. Несмотря на многообразие форм кукол народностей Сибири, выявляется значительное количество общих элементов не только в конструкции собственно кукол, но и в способе "ношения" одежды, изображении прически и др.

В процессе исторического развития конкретного народа слагался тот или иной комплекс основных признаков, характеризующих куклу, бытовавшую у данного народа. Этот комплекс признаков и поло-

жен мною в основу определения типов кукол народностей Сибири.¹ Если куклы не имеют полного комплекса перечисленных признаков, либо в куклах тех или иных народов отсутствует какой-либо второстепенный или, наоборот, имеется не характерный для типа признак, то эти отклонения от полного комплекса признаков позволили выделить варианты.

Прежде всего, куклы народов Сибири можно разделить на две принципиально отличные группы: *плоские* и *объемные* куклы. Внутри этих групп выделяются различные типы.

Плоские куклы

I тип. Характерные признаки: туловище — трапециевидный кусочек сукна или кожи с вертикально нашитыми узкими полосками сукна. К нему сухожильными нитками пришивается голова — надклювье водоплавающей птицы. Рук, ног нет. Кукла одета в верхнюю меховую одежду.

Распространение: ненцы (рис. 1), северные ханты.

Различия: в одежде — соответственно ненецкого и хантыйского типа, в изображении прически — косы из сукна у ненцев и тряпичные, обмотанные нитками — у хантов.

II тип. Характерные признаки: туловище — треугольный кусочек бересты или бумаги, к которому пришита или приклеена объемная тряпичная или бумажная голова. Рук, ног нет. Бумажный или берестяной халат прикладывается со спины.

Распространение: нанайцы, ульчи, нивхи, негидальцы.

Различия: голова у нанайских кукол может быть бумажная (сложенный вдвое бумажный сверток, в сгиб которого вставляется пучок волос или ниток, заплетенный в косы), у всех остальных — тряпичная голова с пришитыми тряпичными косами.

Объемные куклы

I тип. Характерные признаки: основу куклы составляет бабка или кость животного или рыбы, замотанная в тряпки, изображающие одежду.

1-й вариант. Характерные признаки: бабка или кость животного обозначают всю куклу целиком.

Распространение: долганы, кеты, якуты, алтайцы, эвенки, негидальцы.

Различия: куклы долган, якутов, алтайцев, эвенков — бабка животного, куклы кетов — плечевая кость животного или птицы, негидальцев — рыба кость.

2-й вариант. Характерные признаки: бабка в одежде с рукавами служит туловищем, к которому примотана тряпичная голова с прической из овечьей шерсти.

¹ Малыгина А. А. Куклы народов Сибири // Сб. МАЭ. Л., 1988. Вып. 42. С. 129.

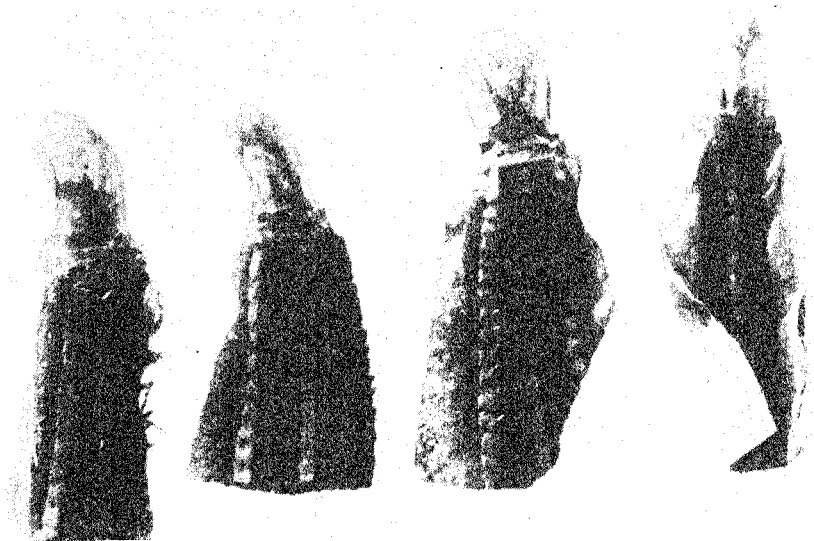

Рис. 1. Три куклы-женщины и кукла-мужчина из утиного клюва. Ненцы.
(МАЭ, № И1379-39).

Распространение: буряты.

II тип. Характерные признаки: основу куклы составляет стержень — тряпичный, бумажный или ровдужный жгут (иногда палочка, завернутая в тряпки), на который надевается одежда.

1-й вариант. Характерные признаки: основа куклы без рук и ног завернута в лоскутки материи, изображающие одежду, либо на нее надето платье с рукавами.

Распространение: долганы, ненцы, ханты, южные алтайцы, хакасы, шорцы, тофалары, нанайцы, якуты.

2-й вариант. Характерные признаки: основу куклы составляет тряпичный жгут, к которому пришиты тряпичные валики — руки или ноги, или в рукава и штанины одежды вставлены бумажные рулончики.

Распространение: сибирские татары, эвенки.

Различия: у кукол сибирских татар имеются только руки, у эвенкийских — либо только руки, либо только ноги.

3-й вариант. Характерные признаки: фигура куклы — два тряпичных жгута, обмотанных посередине, — туловище, свободно болтающиеся концы — руки и ноги. К туловищу пришивается матерчатая голова.

Распространение: якуты.

III тип. Характерные признаки: сшита оболочка туловища, которая набивается тряпками, оленьим волосом или травой. Голова пришивается отдельно.

1-й вариант. Характерные признаки: туловище с руками или ногами изготовлено в виде нижней одежды, сшитой из шкур мехом внутрь. Голова вшивная. На куклу может быть надета верхняя меховая одежда.

Распространение: чукчи, коряки, эвены.

Различия: ноги есть у всех кукол, руки только у кукол-мужчин и детей чукчей. Прическа имеется у кукол коряков и эвенов. У корякских кукол голова может быть деревянной.

2-й вариант. Характерные признаки: туловище сшито из материи. Кукла обязательно одета в верхнюю одежду.

Распространение: эвенки, частично чукчи (куклы-мужчины).

IV тип. Характерные признаки: кукла вырезана из одного куска дерева, черты лица обозначены схематично.

1-й вариант. Характерные признаки: ног нет, руки могут быть намечены. Одежды на кукле нет.

Распространение: хакасы, нанайцы, ульчи, нивхи.

Различия: у хакасов фигурка изображена в одежде (расширяющаяся к низу юбка, воротник, пуговицы и клетка на юбке нарисованы чернилами), у нанайцев куклы в головных уборах, у кукол ульчей на голове вырезана прическа.

2-й вариант. Характерные признаки: кукла, имеющая ноги, иногда и руки, одета в верхнюю одежду.

Распространение: алтайцы, селькупы, эвены, коряки.

Различия: у алтайцев — одна кукла без верхней одежды, другая — голова тряпичная, платье матерчатое; куклы селькупов в ровдужной одежде, эвенков и коряков — в меховой.

Таким образом, все куклы народов Сибири можно разделить на шесть основных типов, распространение которых связано с определенными территориями. Необходимо отметить, однако, что эта классификация произведена только по куклам, хранящимся в МАЭ, ГМЭ и в Музее игрушки в Загорске. Поэтому нельзя считать определение типов завершенным, поскольку при наличии более обширного материала по многим народностям могут возникнуть какие-то добавления и изменения.

Куклы различаются не только по конструкции, но и по степени украшенности. Так, плоские куклы, бытовавшие у ненцев, северных хантов, нанайцев, нивхов и ульчей, имеют богато украшенную и старательно сшитую одежду, прически, соответствующие социальному положению изображаемого персонажа. Так, например, у ульчей "неженатый мужчина" имеет одну косу, сложенную несколько раз и перевязанную тесемочкой, "женатый" — длинную косу, спускающуюся по спине во всю длину куклы, у "девушки" — две косы, сложенные в несколько раз и перевязанные тесемочкой, иногда с подвеской, "замужняя женщина" имеет две длинные косы. Накосные, налобные украшения и серьги тщательно изготовлены и практически соответствуют настоящим. Кроме того, в фондах МАЭ хранится большое количество кукольного инвентаря — одежда, головные уборы, постель, а также заготовки для изготовления кукольной одежды (кусочки ме-

ха, утиные носы, полосы сукна в специальных детских сумочках для шитья у ненцев и орнаментированные выкройки у народов Амура), выполненные руками самих детей. Все это показывает, насколько рано девочек этих народов в процессе игры с куклами обучали азам шитья одежды, заплетания волос, изготовления украшений. Весь набор кукольного инвентаря достаточно полно отражает окружающую действительность.

Объемные куклы I типа (долганы, кеты, якуты, алтайцы, эвенки) отличаются уже большей простотой. Волосы у них имеются, но не всегда они заплетены в косы, на них практически нет никаких украшений, за исключением кукол кетов. Одежда сшита уже не так старательно, хотя более или менее соответствует традиционной.

У объемных кукол II типа (ханты, тофалары) одежда бывает либо схематично обозначена — лоскутки материи, либо, как у тофаларов, совершенно не соответствует традиционной одежде, либо как у алтайцев, шорцев, якутов, отдаленно напоминает ее.

Объемные куклы III типа (чукчи, коряки, эвены) практически лишены прически, за исключением эвенов, у которых куклы имеют косы и налобные украшения из бисера, но зато очень тщательно наподобие настоящих сшиты одежда, обувь, рукавицы.

Таким образом, мы можем видеть, что наибольшее внимание обучению девочек домашней работе в процессе игр с куклами уделялось оленеводами (ненцами, чукчами, коряками), а также рыболовами Амура и Оби. В среде детей охотников и скотоводов бытовало более простое отношение к рукоделию, во всяком случае, в процессе игрового обучения.

Хотя, как представляется, в играх с куклами для девочек основным являлось не получение производственных навыков по шитью одежды, изготовлению украшений, а включение их в сложную символическую систему путем познания социальных аспектов внутрисемейных отношений, выделения половозрастных функций.

Вопрос о кукле как игрушке вообще очень сложен. По всей вероятности, в играх девочек она начала принимать активное участие не так давно. За каждой игрой скрывается обряд, в котором игра когда-то занимала выдающееся место. Обряд в настоящее время исчез, а игра стала забавой. Так, В. Г. Богораз пишет, что у чукчей куклы считаются не только игрушками, но отчасти покровителями женского плодородия.² Выходя замуж, женщина уносит с собой свои куклы и прячет их в мешочке в тот угол, который приходится под изголовьем, для того чтобы с их помощью скорее иметь детей. Отдать кому-нибудь куклу нельзя, так как вместе с этим будет отдан залог плодородия семьи. Зато, когда у матери родятся дочери, она дает им играть свои куклы, причем старается разделить их между всеми дочерьми. Если кукла только одна, то она отдается старшей дочери, а для остальных делают новые. Есть, таким образом, куклы, которые переходят от матери к дочери в течение нескольких поколений, каждый раз исправ-

² Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей // Сб. МАЭ. 1901. Вып. 2. С. 132.

ленные и обновленные. У сагайцев детская кукла — скрученный валик, набитый куделью, практически полностью соответствовал изображению домашних покровителей. У нанайцев, как предполагает А. Чаадаева, кукла когда-то обозначала материнское начало, поскольку, как она считает, орнамент на халате кукол полностью совпадает с орнаментом спинок именно свадебных халатов.³

Конечно, наиболее архаичными следует считать куклы, основу которых составляют косточки животных, птиц и птичьи клювы. У народов Тувы и Алтая, например, астрагалы часто подвешивались к крюку колыбели в качестве амулета. У хантов использование клюва гагары, который часто подвешивают в узелке над люлькой ребенка, — это пережиток несомненно бывшего здесь, как и в некоторых других местах, почитания гагары вообще, как птицы игравшей видную роль в сотворении Торумом земли; гагара, как известно, нырнув в воду, достала в клюве ил, из которого Торум и создал землю. М. Б. Шатилов упоминает о существовании на реке Казым культа кряковой утки.⁴ Можно предположить, что у других народов уже утрачено сакральное отношение к кукле, и она просто перешла в разряд детских игрушек. Подобный переходный период в отношении к детской игрушке можно пронаблюдать на примере мяча. Так, чукотско-эскимосский мяч из нерпичьей кожи, набитый оленьим волосом с зашитыми в него камешками, считался амулетом, а без камней употреблялся для игры. У нанайцев мяч из рыбьей кожи считалсяместилищем темных сил, когда же на нем не рисовали пауков-кровопийц, а набивали чехол ватой, то он также становился детской игрушкой.

Существует еще целый пласт игрушек, изображающих животных. В основном они представлены оленем, лосем, птицей, собакой, а также у якутов крупным рогатым скотом — коровой, быком и теленком (рис. 2).⁵ Материалы, из которых изготавливались эти игрушки, разнообразны — это кость, зубы и бабки оленя, дерево и даже глина и хлебный мякиш.

Надо заметить, что игрушки-животные не всегда напрямую связаны с хозяйственной деятельностью того или иного народа. Так, например, игрушка-олень постоянно употреблялась в игре энцев, ненцев, нганасан, долган, эвенков, хантов, селькупов, иногда встречается и у якутов и даже хакасов, т. е. она бытовала и у оленеводов, и у охотников, и у рыболовов, и даже у скотоводов, в то время как совершенно не встречается у оленных чукчей и коряков.

Птица имеется в игрушках хантов, селькупов и амурских народов, но неизвестна скотоводам Южной Сибири, нганасанам и эвенкам, хотя охотой на птиц занимались практически все народы.

Медведь встречается у народов Амура, Сахалина и эвенков Охотского побережья. Кони и лошади были основными игрушками всех скотоводческих народов, хотя встречались и у хантов, селькупов,

³ Чаадаева А. Волшебные игрушки // Дальний Восток. Хабаровск, 1983. № 8. С. 137.

⁴ Шатилов М. Б. Ваховские остяки // Тр. Томского краевого музея. Томск, 1931. Т. 4. С. 109.

⁵ Серошевский В. Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т. 1. С. 193.

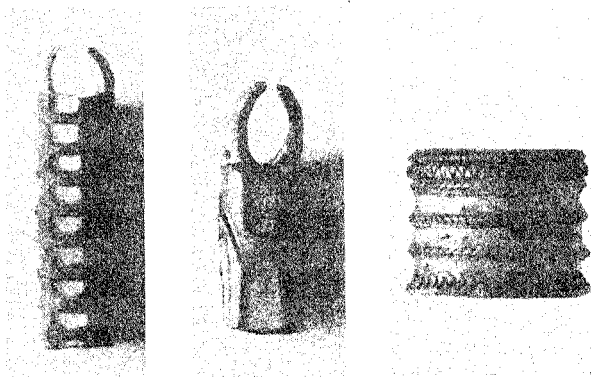

Рис. 2. Две игрушки коровы. Якуты. (МАЗ,Ф.2178-59).

эвенков. Собака известна многим народам, но наиболее широко встречается в Амурском регионе (рис. 3).

Таким образом, получается, что игрушки, изображающие животное, не имеют отношения к трудовому производственному воспитанию детей. Скорее, они являются элементом приобщения детей к ценностям духовной культуры народа, так как, если животное и не используется в повседневной хозяйственной деятельности, то зачастую его образ занимает определенное место в системе космологических и мифологических представлений того или иного народа.

В литературе есть упоминание о том, что игрушки-животные играли свою роль и в экологическом воспитании ребенка. Так, нивхи очень тщательно вырезали для своих детей фигурки животных и птиц. Часто охотники вырезали животных, встреченных ими во время охоты. Затем дома они рассказывали детям, при каких обстоятельствах видели зверя, каковы его внешние признаки. Даже дома, вырезая игрушки в виде животных, взрослые старались объяснить детям подробно все о вырезанном звере и о местах, где он водится.

Существует еще группа игрушек для совсем маленьких. Это различные трещотки, гуделки, свистульки, волчки и игры типа бильбоке. Они практически одинаковы у всех народов, различия заключаются лишь в материале, из которого они изготовлялись, — это дерево, кость, оленьи зубы и бабки, гусиные перья и проч. Обычно все игрушки обыгрываются, т. е. являются составной частью игр. Поэтому рассмотрим основную, очень важную часть жизни детей — игры.

Игры бывают разного типа. Это игры подражательного характера, т. е. подражание детей в своих играх жизни и занятиям взрослых. В них отражается реальная жизнь семьи, устройство дома, аила и проч. Затем выделяется вторая группа игр, в которых ребенок подготавливается к хозяйственной деятельности — оленеводству, охоте, морскому зверобойному промыслу, рыболовству. Третью группу представля-

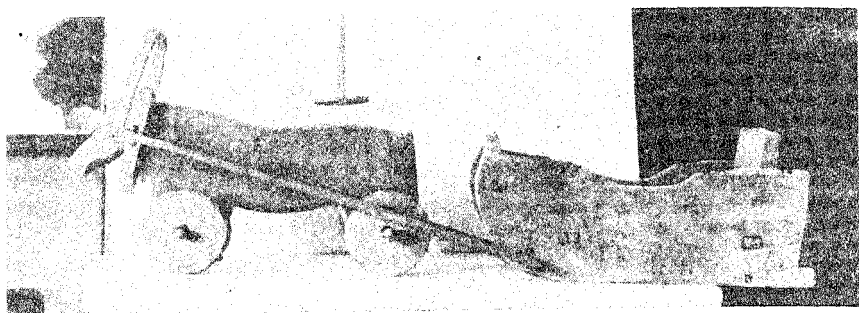

Рис. 3. Игрушка-лошадь в упряжке. Якуты. (МАЗ, Ф.2178-59).

ют игры, обучающие меткости, силе и сноровке. Четвертая группа — это различные спортивные состязания — борьба, прыжки и т. д. И наконец, есть различные игры, необходимые для эстетического развития ребенка. Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению игр, необходимо заметить, что охватить игры всех народов не удастся, поскольку в литературе не всегда дается их полное описание, а просто говорится, например, "дети играли в гости".

Подражательные игры

Это игры, в которых дети, как уже говорилось, подражают жизни и занятиям взрослых и таким образом осваивают жизнь своего народа — от расположения вещей в жилище до взаимоотношений и социального статуса каждого из членов семьи, воспроизводят различные типы этих отношений, повседневные ситуации (пасли скот, готовили еду, принимали гостей и проч.). Все эти игры сопровождаются различными монологами и диалогами.

Так, у тувинцев существовала игра в аал: во время пастьбы скота из камней различной формы строили изображение аала, юрты со всеми принадлежностями и скотом. Специально обработанные плоские камешки, разрисованные орнаментом, подобным существующему на настоящих предметах, ставили в виде круглой юрты. Из квадратных камней делали утварь; постели и ковры также изображались плоскими камнями. Скот собирали из круглых камней различной величины соответственно размерам домашних животных. Потолок в юрте не ставился, поскольку вся игра шла через крышу — домашняя жизнь каменных хозяев, прием гостей, работа со скотом и т. д. Домашние вещи, а также все члены семьи располагались строго по древним обычаям, каждый на своем определенном месте. Пастухи баранов из-за травяного покрова время от времени вынуждены менять места пастьбы, поэтому дети строят несколько таких аалов и каждый раз договариваются, в какой день куда "выгонять" баранов и

там встречаются. На территории аала, помимо каменных, употреблялись также деревянные и тряпичные игрушки.⁶

У нганасан девочки из палок и обрывков шкур строили чумики и несли туда из дома все, чтобы изобразить настоящее хозяйство. Все в этом чумике устраивалось, как и в настоящем, даже подвешивали крюк для котла, правда, огонь никогда не разжигали. Девочки брали с собой и маленьких мальчиков, но с 4—5 лет мальчики уже старались исполнять только мужские роли охотника, рыбака. В плохую же погоду играли прямо на полу чума, составляя из оленьих зубов, костей ног оленя аргиши и "кочевали" с места на место.

У эвенков почти все игры детей 2—7-летнего возраста являлись отражением жизни взрослых. У всех детей были куклы из бабок, которые во время игры представлялись то человеком, то оленем, то конем и т. д. Вот с этими куклами дети и разыгрывали сценки, отражающие реальную жизнь. В игре "гость пришел" бабки расставлялись кружком, в середину которого клали щепочку, изображавшую костер. Дети сидели вокруг костра и, подражая взрослым, вели беседу. В игре "обоз" бабки располагали в ряд, на них накладывали кусочки тряпок, лучинки. На передних "оленях" клали бабки поменьше — они символизировали всадников (женщин и детей), кругом — совсем маленькие бабки (собаки, телята). Играло несколько детей: один понукал оленей, другой лаял по-собачьи, третий издавал звуки, напоминающие блеяние телят, кто-то звонил боталом, чтобы создать шум настоящего обоза. В игре "стойбище" из лучинок делали остов шатра, покрышками служили кусочки ткани, в различных местах расставлялись голые бабки, изображавшие оленей, и покрытые тряпочками, представлявшие людей, делали площадку на четырех ножках (лабаз), на него клали щепки и тряпки (утварь и одежда), сверху еще бабку — мясо убитого оленя. В игре в охоту в разных местах расставляли бабки с лучинами — это охотники с ружьями и рогатинами, другие бабки изображали собак. Иногда бабки расставлялись без лучинок и тогда они считались оленями, а мальчик-охотник стрелял в них из игрушечного лука. Как правило, во всех этих играх куклы составляли семью, подобную собственной семье ребенка, они имели имена, соответствующие именам каждого члена семьи. Летом на стойбище рядом с настоящим шатром ставили детский шатер, похожий на настоящий, с покрышками из старых тряпок. В нем разводили настоящий костер, перетаскивали туда посуду. Здесь куклы из бабок меняли на большие тряпичные, и они изображали детей, в то время как сами дети играли роль взрослых. Играли также в гости, кочевку (причем оленей изображали сами), а также в шаманство. Для этой игры был необходим бубен и колотушка, ряд изображений духов-шайтанов, которые изготавливались взрослыми (шаман-предок, изображение тени, фигуры птиц, оленей, лосей). Воздвигался шатер, вокруг которого расставляли изображения птиц и к палкам привязывались тряпочки. Поодаль в разных местах ставили изображения сохатых, оленей и бабок, изображающих людей. Ребенок 7—10 лет в

⁶ *Иргит Самбу*. Тувинские народные игры. Кызыл, 1978. С. 103.

платке, надетом на голову, исполнял роль шамана, другой становился помощником шамана. Подобно настоящему он подогревал на огне игрушечный бубен. "Шаман", раскачиваясь, на особом шаманском языке напевал шаманские песни, призывал духов предков и умерших родственников. Остальные дети в это время сидели полукругом, иногда и сами били в бубен. Взрослые с удовольствием принимали участие в этой игре, подпевая шаману. У взрослых выпрашивался кусочек жира, который помощник время от времени бросал в огонь. В перерывах шаман курил трубку, которую давал курить и другим детям. Летом играли в шаманство на улице или в детском шатре. Бубен иногда заменяли сковородой или ситом, изображения духов — щепками.⁷

У якутов дети в своих играх также во всем до мелочей подражали взрослым, правда, совместные игры проводились только летом на свежем воздухе. Они собирались где-нибудь на лужайке, устраивали примерные охоты, игрища, свадьбы, танцевали, шаманили, боролись, ловили рыбу и зверя. В то время как девочки в основном играли куклами, мальчики любили строить из палочек юрты и урасы, которые по конструкции соответствовали настоящим.

Игры, связанные с производственными навыками

Рассмотрим отдельные группы таких игр, связанные с различными типами хозяйственной деятельности того или иного народа.

Игры охотников. Погоня за зверем (м а н с и). Место для игры выбирается покрытое кустарником, усложняющим погоню. Зверь бывает зайцем, лосем, медведем, лисицей. В зависимости от наименования зверя меняются и условия игры. Заяц бежит кругами и считается убежавшим, если он сделал определенное количество кругов, а охотник его не поймал. Лисице разрешается прятаться, путать следы, пока она не доберется до заранее условленной норы, где она считается в безопасности, а охотник, не поймавший ее, — плохим. Лось бежит по прямой линии, лишь изредка ломая ее, стараясь достичь определенного места раньше, чем его настиг охотник. Медведь, наоборот, далеко не бежит, а прячется в кустах, и если видит, что охотник заметил его, то сворачивает прямо на него с громким ревом. Между охотником и медведем завязывается борьба и выигравшим считается тот, кто победит.

Игра в белку (м а н с и). Один из участников прячет на дереве шкурку с головы белки, которую надо найти и сбить стрелой (то же самое делали и с крыльями птиц).

Охота на уток (н а н а й ц ы). Утки бегут к озеру, а укрывшийся в кустах охотник бросает в бегущих мяч, и тот, кто будет запятнан (убит), выходит из игры.⁸

Охота на лося (э в е н к и). Охотники берут палки и, опираясь на них, имитируя ходьбу на лыжах, идут в лес. В лесу прячутся лоси.

⁷ Василевич Г. М. Игры тунгусов // Этнограф-исследователь. Л., 1927. № 1. С. 38.

⁸ Певгова Л. В. Национальные игры детей народов Севера. Л., 1939. С. 20.

Охотники крадутся к добыче с палками-ружьями на плече, подкрадываются к ним и стреляют. Затем гонятся за другим лосем и т. д.

Охота на уток и гусей (с а а м ы, н е н ц ы, н а н а й ц ы, э в е н к и). Гуси гуляют на берегу озера (круг, очерченный на земле). Охотник прячется за камни, за чум и т. д. и из палки стреляет в гусей. Один из гусей, на которого он указывает, падает, остальные улетают — разбегаются по сторонам. Затем охотник снова прячется и ждет прилета новой стаи. Гуси прилетают, и игра продолжается.

Погоня за оленем (охота у э в е н к о в). Играют в лесу. Два-три оленя прячутся в нем, разбрасывая ветки, кору и т. д. Через некоторое время на их поиски выходят охотники и собаки, которые лают, найдя оленя. Тогда прибегает охотник и ловит оленя, бросая в него собранные шишки. При наличии нескольких оленей и охотников игра может продолжаться несколько дней, пока все олени не будут пойманы.

Медведь (н а н а й ц ы). Медведь уходит в лес. Охотники с деревянными ружьями ищут его. Медведь издает звуки, на которые и идут охотники. Догнав его, они хватают его за уши и борются. И. А. Лопатин записал еще один вариант игры в медведя у нанайцев. Самый старший из ребят вставал на четвереньки и, изображая медведя, бросался на играющих, кусался, царапался и т. д. Собаки также стояли на четвереньках, охотники были вооружены палками, к которым была привязана маленькая перпендикулярная палочка. На спине у медведя была закреплена небольшая развилка, в которую и стремились попасть охотники. Медведь считался убитым, когда кому-нибудь из охотников это удавалось. Игра изображала весь процесс охоты вплоть до угощения медвежьим мясом.

Кроме того, существовали еще и так называемые счетные игры, в которых нет особых движений, но в процессе игры дети овладевали всеми навыками охоты и охотничьего цикла. Так, у э в е н к о в есть игра с переходом по этапам. Мальчики по очереди бросали камень в дерево и вели счет по этапам. Всего этапов семь, они продолжают "год", имеющий таким образом семь сезонов. Охотники гнали невидимого зверя и в конце концов на седьмом переходе убивали его на самом верхнем небе.

У к о р ы к о в счетная игра была более приземленная. Счет велся так: 1) я увидел след лося; 2) я догнал лося; 3) я убил лося.

Почти у всех мальчиков были игрушечные луки, из которых они учились стрелять в цель. Так, у м а н с и для мальчиков изготавливались специальные простые луки с деревянными наконечниками. В игре они использовали также различные маленькие ловушки, сделанные наподобие настоящих.

У э в е н к о в существовали различные состязания в стрельбе из лука в цель, например, на расстоянии в 200—300 шагов нужно было сбить стрелой сосновую шишку с головы приятеля.

У северных я к у т о в многие игры также были связаны с охотой. Мальчики с 4—6 лет забавлялись охотой, пуская тупые стрелы.⁹

⁹ Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX—начало XX в.). Якутск, 1989. С. 107.

Игры детей у нанайцев с самого раннего возраста носили промысловый характер. У мальчиков были маленькие луки, напоминающие промысловые. Стрелы отличались от настоящих только тем, что они делались целиком из дерева, чтобы обезопасить самого стрелка. Уже в этих играх мальчик приучался к правильному использованию набора стрел для охоты на разные виды зверя или птицы, поскольку у него имелся комплект стрел с разными наконечниками: тупыми для охоты на белку, заостренными для мясного зверя, в виде ласточкиного хвоста на водоплавающую птицу и т. д.

У ненцев также были широко распространены игры, связанные с охотой. У мальчиков были детские луки, изготовленные из изогнутого прута и веревки-тетивы. Они упражнялись в стрельбе по различным неподвижным и подвижным целям (ствол деревца, подброшенная щепка и т. д.)

Игры оленеводов. Мальчики всех народов, занятых оленеводством (ненцев, нганасан, эвенков, чукчей, коряков, якутов и т. д.), с раннего детства учились владеть арканом. У них были свои маленькие арканы, которые им делали отцы или старшие братья, а иногда и они сами под руководством старших. Детские игры с арканом поощрялись. Их набрасывали на головки нарт, на лежащие рога оленя, на воткнутую палку, друг на друга, на небольших оленей. Так, например, собравшиеся в группу чукотские ребяташки вешали на ветке или на шесте ремень с небольшим куском дерева и, раскачивая его, старались поймать арканом.

Кроме того, существовал целый ряд подвижных игр, также связанных с оленем. Ловля оленей (коряки, саамы, эвенки, чукчи, ненцы).¹⁰ 1-й вариант. Дети изображают оленей, иногда они держат над головой оленьи рога. Стадо разбегается. Пастух, издавая крики, которые употреблялись оленеводами при ловле оленей, бросает аркан на оленя и пойманного тащит к себе. Тот, как это и бывает на самом деле, упирается, старается вырваться. Его привязывают к нарточкам. Маленькие дети изображают собак и своим лаем помогают загонять стадо и поймать оленя.

2-й вариант (саамы). На снегу по одной линии устанавливают от 10 до 30 оленьих рогов. С условленного места начинается ловля оленей — в рога бросают палки. Кто попал, тот поймал оленя. Цель этой игры, развивающей меткость, — поймать как можно больше оленей.

3-й вариант (саамы). Рога складываются в кучу. Игроки по очереди ударяют палочкой по концу рога так, чтобы он перевернулся. Ударять можно до трех раз. Когда олени поделены, начинается игра в стадо. Держа рога над головой, дети, изображающие оленей, перебегают от одной границы к другой. Пастух ловит перебегающих оленей арканом и тащит их, упирающихся к нартам.

4-й вариант (эвенки, саамы). На снегу расставляются рога. Пастух арканом ловит оленей и устанавливает их к нартам по 2, 3 и

¹⁰ Певгова Л. В. Национальные игры... С. 16.

4 в ряд. Когда все олени запряжены, пастух садится на маленькие нарточки и с хореем в руке изображает поездку в тундру.

Обоз (с а а м ы). Изображение поездки на оленях. Дети, изображающие оленей, привязаны к нартам с грузом. Пастух с хореем в руке управляет передовым оленем.

Стадо (с а а м ы). Два пастуха запрягают несколько оленей из стада в нарты и гонят его на пастбище (один пастух впереди стада, второй — сзади). Собаки помогают загонять стадо. Иногда на стадо нападают волки. Пастух и собаки отгоняют волков, а стадо перегоняют на новое пастбище.

Езда на оленях (ч у к ч и). Взяв себе в руки по ветке тальника с многочисленными развилками, обрезанными в виде оленьих рогов, дети воображают себя едущими на паре оленей и устраивают бег наперегонки (рис. 4).

Охота за диким оленем (я к у т ы, д о л г а н ы). На земле очерчивается круг — озеро. Дикие олени бегают по берегу озера, а 2—3 охотника ловят их арканом. Выигрывает охотник, поймавший как можно больше оленей.

Живая цель (д о л г а н ы). В середине круга, образованного детьми с арканами, стоит игрок, одетый в малицу. Все по очереди пытаются поймать его арканом. Тот, кому это удалось, занимает его место.

Интерес представляют и так называемые счетные игры чукчей, коряков и юкагиров. У оленных ч у к ч е й ¹¹ на лесотундре к дереву подвешивается деревяшка на ремне, на которую все игроки по очереди набрасывают аркан. Счет ведется по отдельным этапам оленного хозяйства: 1) я откочевал на весенние места; 2) я выкормил быков; 3) я откочевал на летние места; 4) я сделал убой оленей; 5) я шил дорожную обувь; 6) я отогнал стадо к лесу; 7) я отнес посуду (на место остановки); 8) я подошел к травяному пастбищу; 9) я запутался в траве; 10) я вышел из травы; 11) я подошел к кустам; 12) я запутался в кустах; 13) я вышел из кустов; 14) я подошел к лесу; 15) я запутался в лесу; 16) я вышел из леса; 17) я стою на поляне; 18) я сшил теплую одежду; 19) я сосал молоко; 20) я сжег кости (съеденных оленей).

Всего этапов двадцать. После этого начинается обратное движение тоже из двадцати этапов. Так исподволь в процессе игры будущие оленеводы постигают азы ведения оленеводческого хозяйства.

Игры, связанные с рыболовным и морским зверобойным промыслом. У народов, занимающихся рыболовством, например манси, в качестве игрушек использовались модели орудий этого промысла, кусочки сетей. В играх с ловлей рыбы у детей связано и много промысловых моментов: изготовление сетей, неводов, постройка лодок, поездка на лодке, установка сетей в озерах, ловля рыбы, приготовление пищи из рыбы и т. д.

Ловля рыбы (э в е н к и, с а а м ы). Палочки-щепки изображают

¹¹ Богораз В. Г. Игры малых народностей Севера // Сб. МАЭ. 1949. Т. 11. С. 241.

Рис. 4. Дети играют с санями. Коряки. (МАЗ, Ф.4404-60).

рыбу, которая плавает в небольшом озерке. На воду пускают берестяные игрушечные лодки, ставят на них сети и ловят ими рыбу-щепки.

Рыбак (не н ц ы). Рыбак, сидя на нартах, спускает вниз веревочку и ловит рыбу. Рыбки ловят веревочку, рыбак вытаскивает пойманную рыбу. Когда вся рыба поймана, рыбак сам становится рыбой. В игре, которая может проходить и дома, и на улице, могут участвовать и два рыбака.

Охота на тюленя (не н ц ы), на нерпу (э с к и м о с ы, к о р ы к и). Дети изображают охотника, тюленя и собак. Охотник на упряжке от 2 до 6 собак с деревянным ружьем в руках подъезжает к проталине, у которой лежит тюлень. Он убивает его, кладет на санки и везет в поселок на продажу.

Охота на моржей (не н ц ы). Стадо моржей лежит на льдине. Охотник подъезжает на лодке с деревянной пикой или ружьем и изображает охоту на моржей. Обычно в эту игру играли несколько детей, но можно играть и в одиночку: моржей изображают вещи, охотник сидит на бревне (лодке), с которого бросает пикой в лежащих на берегу зверей, затем собирает убитых и отвозит в поселок.

Игры, развивающие силу и меткость будущих охотников, оленеводов и зверобоев

Коллективные игры, способствующие познанию животного мира и развивающие быстроту и ловкость. Коршуны (э в е н к и). Все встают в ряд, в затылок, держа друг друга за пояс. Передний изображает матку, защищающую во время игры детей — всех сзади стоя-

Рис. 5. Игра в ворону. Коряки. (МАЭ, № Ф.4404-61).

щих. Ловящий изображает коршуна. Хлопнув предварительно в ладоши, коршун старается выхватить кого-нибудь из ряда, матка защищает. Переговоров между маткой и коршуном не ведется.

Игра в ворону (к о р я к и). Ребенок, изображающий ворону, стремится как можно точнее передать особенности поведения и крик вороны. Из остальных детей выбирается наиболее рослый и сильный мальчик или девочка — это мать. Вороне необходимо прикоснуться руками к глазам каждого участника игры. Мать же в свою очередь пытается помешать этому, защищая своих детей. Коснувшись глаз, водящий произносит фразу "съела глаза твои" и данный игрок выбывает. Игра продолжается до тех пор, пока все дети и мать не попадутся вороне (рис. 5).

Привязанный медведь (к о р я к и). Водящий изображает медведя. Его привязывают либо к жилищу, либо к чему-нибудь другому арканом, наброшенным на пояс. Место водящего занимал первый из пойманных медведем участников игры, которые вертелись рядом с ним и дразнили его.

Игра в ворона (ю к а г и р ы). Выстраивается матка с детьми, перед маткой — ворон. Завязывается следующий диалог: "Ворон, ворон, что делаешь?". — "Ямку копаю". — "Зачем ямку?". — "Камушек выгresti". — "Зачем камушек?". — "Твоих деток стрелять". — "Зачем стрелять?". — "Они мою картошечку разрыли, разбили". Ворон бросается на деток, они разбегаются в разные стороны с криком: "У ворона глазки худеньки, наши глазки жирненьки".

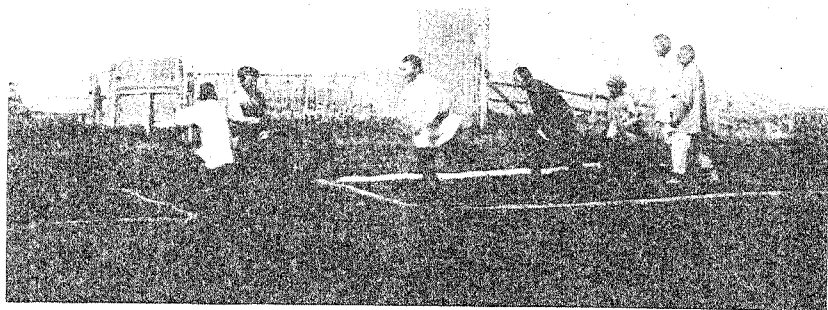

Рис. 6. Игра "Кус мох когол" (сокол и утки). Якуты. (МАЗ, Ф.1471-31).

Игра в сокола и уток (якуты).¹² На ровной поляне на расстоянии 4—5 м кладут параллельно две палки длиной в 8—10 м. Это берега, за палками вода, между ними дорога. На середине одной из палок стоит сокол, остальные — утки, пролетают по дороге мимо сокола. Пойманный уходит из круга, также выбывает из игры и тот, кто перепрыгнул через палку в воду (рис. 6).

Охота на уток (нанайцы). Утки бегут к озеру, а укрывшийся в кустах охотник бросает в бегущих мяч, и тот, кто будет запятнан (убит) выходит из игры.

Игра в тигра (нанайцы). Все играющие мальчики становятся один за другим, строятся в колонну и крепко обхватывают руками впереди стоящего. Тигр становится перед первым мальчиком лицом к нему и по условленному сигналу бросается в хвост стоящих, старается вырвать последнего. Первый мальчик, раскинув руки в стороны, защищает весь хвост от тигра. Мальчики в колонне увертываются от тигра, стоящего впереди. Если тигр вырвет последнего, тогда он становится передовым, а последний — тигром.

Кошка и котята (нанайцы). Один из игроков изображает кошку, а котят — фигурки из песка. Дети "идут" в лес за ягодами, по дороге находят котят и берут их на руки. Кошка, защищая котят, бросается на детей, которые разбегаются. Кого из ребят кошка поймает, того уводит в свой дом. Игра кончается, когда все дети пойманы.

Волк и олень (якуты и долганы). Дети делятся на две группы, большую — олени и несколько волков. Стойбище обозначено начерченным на земле кругом. Олени пасутся на пастбище. По сигналу волки нападают на оленей, которые бегут в стойбище, где их ловить уже нельзя. Пойманный олень выходит из игры.

Игры, развивающие меткость, ловкость и быстроту реакции.
Игра с палочкой (коряки). 1-й вариант. Один конец палочки

¹² Слепцов П. А. Традиционная семья... С. 108.

делался острым, а противоположный — в форме лопаточки. Палочку вставляли в снег острым концом и, вращая по солнцу, делали лунку. Затем ее вытаскивали из снега и бросали через правое плечо так, чтобы попасть острием в лунку. Участник игры, кому дольше всех не удавалось удачно бросить палочку, должен был догонять остальных.

2-й вариант. Играли мальчики и девочки. Все, кроме водящего, садились в ряд, водящий держал в руке палочку, символизирующую ногу оленя, и поочередно подходил к каждому. Положив ее на голову участника, спрашивал, наелся ли он. Получив утвердительный ответ, он ударял ногой сидящего игрока и переходил к следующему. Услышав ответ последнего из сидящих в ряду, участники разбегались. Водящий должен был их ловить. Игра возобновлялась после того, как оставался один непойманным, он и становился водящим.

Метание острой палочки (н е н ц ы). Игроки становятся в круг и поочередно бросают вверх заостренную с двух концов палочку. Если палочка воткнулась острым концом в землю, игрок выходит из круга. Последний игрок, оставшийся в кругу, должен догонять разбежавшихся товарищей.

Стрельба из лука на дальность (н а н а й ц ы).

Стрельба из лука на силу выстрела (н а н а й ц ы). С этой целью на определенном расстоянии устанавливали какой-нибудь предмет, чучело, но чаще всего доску и стреляли в нее из лука. Победителем оказывался тот, стрела которого пробивала доску насквозь. Затем устанавливали две доски и т. д. Этот вид игры вырабатывал силу натяжения лука, силу удара стрелы.

Игра в калугу (н а н а й ц ы). В нее обычно играли дети до 12 лет. Играющий становился на четвереньки, двое ложились на спину с боков и клали свои ноги на спину стоящего на четвереньках, а руками брались за носки друг друга. Игра вырабатывала согласованность движений, выносливость.

Прыжки с шестом в длину (н а н а й ц ы). Навыки, приобретенные в этой игре, позволяли охотнику на промысле при помощи шеста преодолевать водные препятствия.

Игра в мяч (н а н а й ц ы). 1-й вариант. Играли две команды, которые при помощи палки пытались провести мяч в противоположную сторону.

2-й вариант. Играли при помощи клюшки. Игра начинается ударом клюшки по мячу, противоположная команда должна отразить клюшкой мяч. Если мяч пропускали, то отходила вся команда. Право на ответный удар команда получала лишь в том случае, если удар был отражен.

3-й вариант. Палками, расщепленными на конце, мальчики должны были поддеть летящий легкий мяч, скрученный из соломы.¹³

Игра в мяч (н и в х и). Один игрок бросает травяной мяч, другой ловит его на копье или острую палку.

Игра в мяч (у л ь ч и). Играли с мячом из мягкой свежей травы. Подбросив вверх этот мяч, пронзали его острием поднятой вверх ос-

¹³ Певгова Л. В. Национальные игры... С. 22.

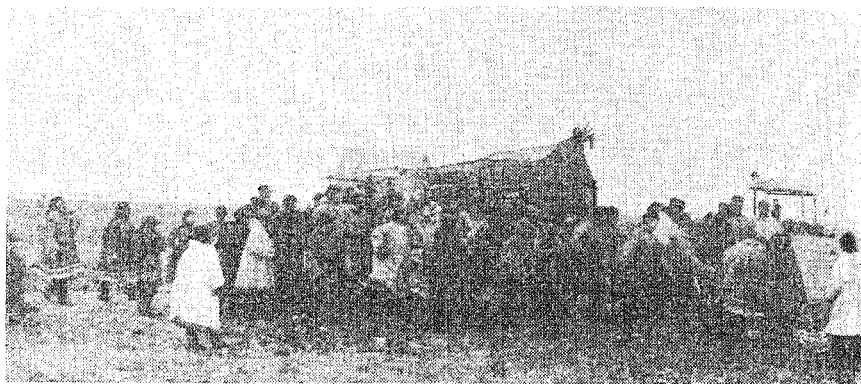

Рис. 7. Игра в мяч. Эскимосы. (МАЭ, № И115-98).

троги. В эту игру можно было играть как командами, так и в одиночку.

Необходимо заметить, что повсеместно на всем протяжении Амура травяной мяч был всего-навсего охотничьей мишенью, которую нужно было поразить.

Игра в мяч (к о р я к и). Мальчики вставали кругом, в центре находились девочки. Мальчики перебрасывали друг другу мяч, который девочки старались поймать. Как только это им удавалось, они менялись местами.

Игра в мяч (эскимосы). Играли с мячом в игру, напоминающую регби (рис. 7).

Игра в мяч (с а а м ы). 1-й вариант. На берегу моря в дни рыбной путины играли тяжелым, сшитым из шкур мячом. Каждая команда имела условленную границу в разных концах площадки, до которой они должны были ногами догнать мяч (аналогичная игра есть и у долган).

2-й вариант. Метание в летящий мяч. Один из игроков бросает вверх небольшой мяч, остальные пятнают летящий мяч маленькими мячами; кому это удастся, тот становится водящим. Эта игра развивает меткость глаза и точность броска — качества, необходимые стрелку.

Борьба за мяч (н е н ц ы). Играют две команды, у каждой из которых на концах площадки имеется по лунке. Игроки собираются в центре в круг, водящий бросает вверх мяч. Игрок, поймавший мяч, бежит к лунке противника и стремится занять ее мячом. Противник гонится за поймавшим мяч и старается ударом по мячу выбить его из рук и передать своей команде.

Игра в мяч (и т е л ь м е н ы). Команды игроков строятся каждая в своем поле вдоль дороги. На расстоянии 20 м друг от друга на дороге отмечают чертой город каждой команды. Игроки, пасуя мяч друг другу, стремятся загнать мяч в город противника.

Игра в мяч (э в е н к и). Играют две команды. Поле делится попо-

лам начерченной на земле линией и натянутой над ней веревкой. Каждая команда строится на своем поле в шахматном порядке, после этого начинают перебрасывать через веревку большой мяч, который не должен падать на землю.

Игра в мяч (ш о р ц ы). Играют две команды, которые палками стараются загнать мяч в ворота противника.

Игра на пальцах (т у в и н ц ы). Бралась нитка длиной около 1.5 м. Нужно при помощи кольцевой нитки сделать различные фигуры. Нитяное кольцо зацепляли за большие пальцы и мизинцы обеих рук. При помощи остальных пальцев, путем переплетения нити несколько раз образовывали новые фигуры. С одной фигуры можно было перейти на другую. Например, сначала делали два шалаша, затем сеть, палку и т. д. При обратном действии повторялись предыдущие фигуры. Иногда делаются такие сложные фигуры, что для этого необходим второй участник.¹⁴

Игра на пальцах (ч у к ч и). У детей, в особенности у девочек, есть замысловатая игра — выплетание различных фигур из шнурка. Такая игра, как известно, есть у всех европейских детей, в том числе и у русских, но у них игра гораздо сложнее европейской. Нитка растягивается на 10 пальцев руки; на плетении появляются не только фигуры, но и целые группы, например, охотник за оленями; моржи, движущиеся по льдине; волк и лисица; ссорящиеся женщины, которые даже могут передвигаться слева направо и справа налево. При изменении положения пальцев одни фигуры заменялись другими.

Спортивные состязания

Помимо игр у народов Сибири существуют различные состязания и игры-упражнения, занимающие немалое место в развитии их ловкости, смелости, находчивости и выносливости. Здесь для примера дается несколько таких упражнений и соревнований.

Борьба (н а н а й ц ы). Возможны любые приемы — подножка, подсечка и проч. Победителем считается тот, кто сумел бросить противника на землю.

Борьба (я к у т ы) с целью повалить соперника на землю (рис. 8).

Перетягивание палки (к о р я к и). Двое садились на землю, ногами упирались друг в друга, а руками крепко обхватывали палку и старались перетянуть ее на свою сторону (рис. 9).

Перетягивание (х а н т ы, н и в х и). Вербкой соединяют две небольшие палки, причем веревка поровну накручена на палки. Участники, ухватившись руками за палки, стараются перекрутить на свою палку веревку противника (рис. 10).

Бег, прыжки (н е н ц ы). Прыжки через детские нарточки, прыжки через ящик, сидя по-турецки.

Скакание на одной ноге, прыгание через ремень (н и в х и).

Прыжки с места без разбега с сильным взмахом рук в длину или высоту, с отвесного берега, с возвышенности (н а н а й ц ы).

¹⁴ *Иргит Самбу*. Тувинские народные игры. С. 111.

Рис. 8. "Тусту" — борьба. Якуты. (МАЭ, Ф.1611-16).

Рис. 9. Борьба. Коряки. (МАЭ, Ф.4404-48).

Прыжки с места на одной ноге. Победителем считался тот, кто совершил наибольшее количество прыжков (н а н а й ц ы).

Прыжки через веревку с исполнением различных фигур: во весь рост, на четвереньках, лежа боком, на спине, на груди, на корточках и т. д. (н а н а й ц ы).

Бег на вздохе. Соревнующийся набирает глубоким вздохом воздух, бежит и тянет какую-нибудь ноту. Пока есть в груди воздух — звук слышен и игрок бежит. Когда звук прекратился, игрок должен остановиться. Выигрывает тот, кто пробежит дальше всех (н а н а й ц ы).

Мальчик забирался на дерево, и в него целились из лука. Во время спуска стрелы он должен был спрыгнуть. Лучшим был тот, кто прыгал с большей высоты (э в е н к и).

Заранее расставлялись на земле метки — от 4 до 12 (рис. 11). Прыгали двумя ногами вместе, на одной ноге и попеременно меняя ноги; прыгали вниз с низкого бревна (я к у т ы).

Дети встают в круг, один лежит в центре и вращает аркан длиной 3—4 м. Стоящие в кругу прыгают через него. Кто не успел перескочить и запутался в веревке — идет в центр (д о л г а н ы).

Прыжки через веревку, накрученную на две маленькие палки. Палки держит в руках сам участник, который, упираясь ими в землю, делает прыжки через веревку вперед и назад (х а н т ы).

Гонки. Езда на собаках (н е н ц ы). Езда на собаках (м а н с и).

Гребля на лодках, гонки на лодках, езда на небольших собачьих нартах (н и в х и).

Гонки на лодках, соревнование на быстроту движения лодки разными стилями гребли (н а н а й ц ы).

Игры, способствующие духовному развитию ребенка

В имеющейся литературе такие игры зафиксированы только у тувинцев.

Игра "летит—не летит". Цель игры — развитие памяти и сообразительности детей. Ведущий скороговоркой спрашивает кто летает, кто не летает, например: птица летает—вода летает? ворон летает—гора летает? — играющие поднимают руку. Того, кто по ошибке поднял руку, когда ведущий назвал нелетающего, или не поднял руку на летающего, — "судят". Он должен исполнить песню, танец и т. д.

Устный счет. Цель игры — правильно подсчитать поставленную ведущим задачу. Для детей ставились, например, такие вопросы: Сколько на одной руке пальцев? Сколько на двух руках пальцев? Сколько ног у двух коров? и т. д.

Табунщики. Цель игры — развитие способностей к стихосложению. Играют двое. Один из них соединяет кончики пальцев правой и левой рук в виде шалаша. Второй, поочередно показывая на разные пальцы, задает вопрос: "кто это?". Первый отвечает: "Это такой-то караулит, это такой-то кухарит" и т. д. После произнесенного последнего слова второй игрок старается вырваться через соединенные паль-

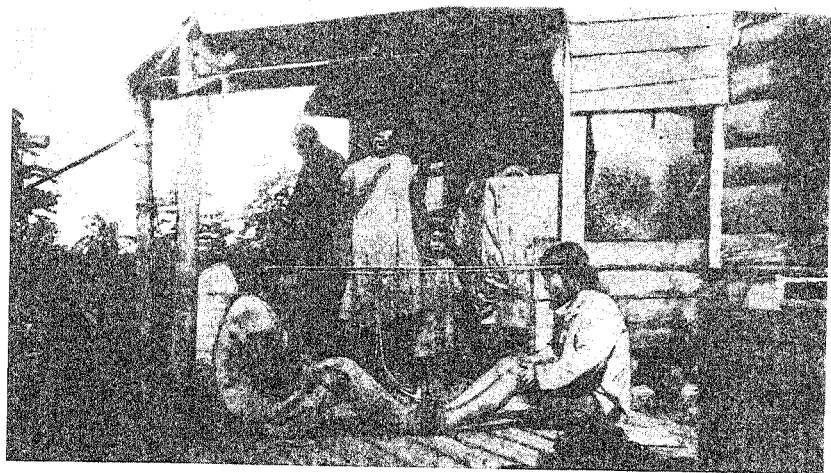

Рис. 10. Гиляки (нивхи) за игрой. (МАЭ, Ф.2022-2).

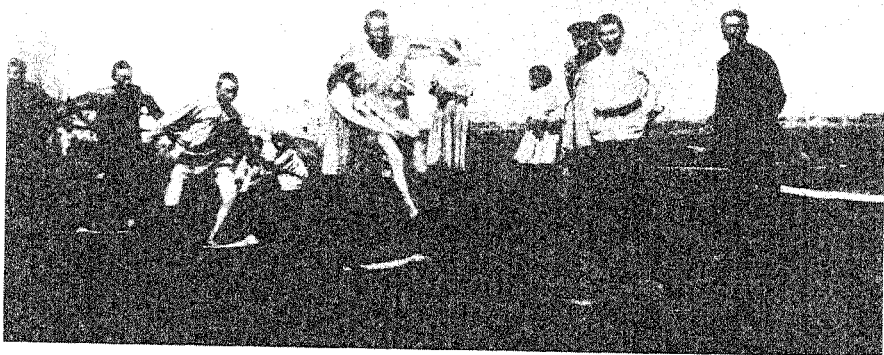

Рис. 11. Игра "кылыжча" (скакание на одной ноге). Якуты. (МАЭ, Ф.1471-33).

цы, а другой — удержать его. Так же в виде диалога, правда, по другой тематике происходят и игры "шалаш" и "золотой дворец".

Таким образом, весь приведенный материал наглядно показывает, что детские игрушки и игры являются основным способом приобщения ребенка к традиционной культуре своего народа, подготовки его к взрослой жизни.

Играя с куклами, дети постигают нормы и обычаи своего народа, суть семейных взаимоотношений, осваивают заботы повседневной жизни. Игрушка в образе животного вводит ребенка в мир важнейших идеологических представлений, а также является одним из элементов экологического воспитания.

Поэтому сейчас, накануне XXI в., крайне важным представляется возвращение ребенка в семью, для того чтобы, пока еще возможно, возродить межпоколенную связь, сохранить традиционные культуры народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Таксами Ч. М.</i> Народы Сибири в XX веке. Социально-экономическое и культурное развитие	3
<i>Дьяконова В. П.</i> Жилище народов Сибири	24
<i>Михайлова Е. А.</i> Хозяйство народов Северной Сибири	62
<i>Павлинская Л. Р.</i> Народное искусство Сибири. Судьба традиции	91
<i>Федорова Е. Г.</i> Экологический аспект изучения одежды населения тундровой зоны Сибири	119
<i>Ермолова Н. В.</i> Традиционные средства передвижения у народов Северной Сибири. Олений транспорт и упряжное собаководство	166
<i>Малыгина А. А.</i> Мир детства у народов Сибири	198

ЭКОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СИБИРИ
НАКАНУНЕ ХХІ ВЕКА

*Утверждено к печати
Музеем антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *А. И. Слепушкин*
Технический редактор *Л. П. Николаева*
Корректоры *Л. М. Бова, Г. А. Самаковская и Е. В. Шестакова*

ЛК № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 20.11.95. Подписано
к печати 28.03.95. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 15,1. Тираж
495 экз. Тип. зак. № 3245. С 1033.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.